

Александр Михайловский
Юлия Маркова

РЫВОК К ЗВЕЗДАМ

16+

Annotation

Межзвездный линкор галактической империи из другой реальности «Несокрушимый» проваливается в наши дни в окрестности Земли. На его борту нет команды, и искусственный интеллект корабля, обнаружив, что империи в этой реальности не существует, решает воссоздать ее на новом месте. При этом заложенные в него императивы запрещают образом тревожить материнскую цивилизацию, позволяя работать только с эмигрантами, которых следует доставить на планету Новый Рим. Теперь искину необходимо найти кандидата в императоры и собрать для него подданных. Обложка для книги изготовлена по индивидуальному заказу.

- [Пролог](#)
 - [Часть 1. Шаг за порог](#)
 - [Часть 2. Поход к звездам](#)
 - [Часть 3. Плоды победы](#)
 - [Часть 4. Пункт назначения](#)
-

Пролог

В далеком-далеком будущем, в другой альтернативно-исторической ветви жила-была одна великая космическая империя человечества. Все в ее прошлом было не так, как у нас. Константинополь в этом мире в 626 году был razoren, сожжен и разграблен аваро-славяно-персидским войском, поэтому выросла она из Священной Римской Империи Германской Нации, еще в конце девятого века разгромившей авар и сумевшей запустить процесс общеевропейской централизации. Одним словом, это был жестокий хищник, не стесняющийся, когда потребуется, проливать реки крови. И в то же время империя эта являлась полноценной организующей, направляющей и просвещающей силой, не позволившей тьме Средневековья опуститься на Европу. Что было тому причиной? Возможно, после гибели Константинополя сработали косвенные компенсационные процессы, а возможно, виной всему стали беженцы из просвещенной Византии, спасающиеся от аварского погрома.

Одним словом, человечество под руководством неоримлян, искренне считающих себя единственным образцом для подражания, быстро выросло, цивилизовалось и вышло в космос, а затем проложило дорогу и к звездам. Там, у чужих звезд, неоримляне вступили в схватку за жизненное пространство с населявшими Вселенную негуманоидными, гуманоидными и псевдогуманоидными расами, при любой попытке сопротивления без единой слезинки прибегая к геноциду. Впрочем, тех кто готов был принять римские порядки, римское право и латинский язык за единственный верный образец, неоримляне всеми возможными средствами стремились сделать «своими» и включить в политическую и социальную структуру своей империи. В самый разгар этих войн за жизненное пространство, когда Империя находилась на вершине могущества, а один Великий император сменял на престоле другого Великого императора, была построена серия огромных космических кораблей, на которые возлагалась обязанность по прорыву планетарной обороны. Одним из таких сверхмощных линкоров планетарного подавления и являлся злосчастный *Spatium Mihi "Indestructible"**, гордое имя которого призвано было наводить трепет перед мощью создавшей его цивилизации. А злосчастливым он был вот почему...

Примечание авторов: * космический линкор «Несокрушимый» (лат.)

Совсем новенький боевой корабль пропал во время своего первого перелета с планеты-верфи на базу космического десанта, где на его борт должны были подняться бойцы отдельного десантного корпуса, прикомандированного к «Несокрушимому», и строевая часть его команды. Линкор просто исчез, и вместе с ним сгинули без следа и механические чины, в полном составе вступившие в должности еще во время завершения процесса постройки корабля.

Следователи Имперской тайной полиции безопасности, перерывшие вверх дном всю верфь, установили факты, свидетельствующие о подготовке к мятежу. Большая часть механических чинов, в том числе и старший инженер линкора, происходили с относительно недавно завоеванной окраинной планеты, дикое псевдогуманоидное население которой первоначально выказало большую лояльность к имперским порядкам и законам, а также тягу к латинскому языку и образованию. На самом деле интерес к этому у вождей этого народа был сугубо практическим, направленным на завоевание личной власти и установления своего господства на территориях империи, а буде сие не получится – то на организацию вооруженного восстания и отделение от человеческой цивилизации. Захват «Несокрушимого» – первого из уже построенных кораблей этого типа – призван был стать ключевым элементом той стратегии, на которую собирались опереться мятежники.

Но все пошло не так, как хотелось бы повстанцам, даже несмотря на то, что мятеж был внезапным и все преданные императору погибли, не сумев оказать мятежникам достойного сопротивления. Сопротивление смог оказать искусственный биоэлектронный мозг линкора, в котором содержались безусловные императивы верности империи. Он принял самые радикальные меры к подавлению мятежа. Во-первых – вся внутренняя атмосфера линкора была выпущена в окружающий космос. Во-вторых – помещения команды были полностью обесточены. В-третьих – управляющая навигационная система начала самостоятельно прокладывать курс на базу десанта.

В свою очередь, мятежники, больше половины которых сумело добраться до скафандров, используя автономное аварийное оборудование, пытались в ускоренном порядке размонтировать джамп-генератор, чтобы лишить корабль межзвездной подвижности и повредить сам электронный мозг, но по возможности так, чтобы сохранилась возможность отдачи команд в ручном режиме. В противном случае неуправляемый линкор через некоторое время в обязательном порядке превращался в огромный гроб.

От планеты-верфи до базы космического десанта три межзвездных

прыжка, с двумя навигационными паузами для ориентации, примерно по два часа. И если первый прыжок прошел, в общем-то, нормально, потому что мятежники почти ничего не успели сделать, то во время второго скачка полуразобраный джамп-генератор «сорвался», потому что одной из первых мятежники случайно отключили предохранительную схему, не позволяющую совершать прыжок на неисправном оборудовании. Последствия прыжка на частично неисправном прыжковом оборудовании с нарушенными схемами пространственно-временной балансировки, как правило, непредсказуемы. Корабль может бросить в прошлое, один из вариантов будущего, другую ветвь реальности или во всех направлениях сразу – то есть туда, откуда еще никто не возвращался.

Так вышло и на этот раз. Мятежники на борту «Несокрушимого» умерли все и сразу, потому что сломанный джамп-генератор на мгновение забросил корабль в те области Мироздания, в которых невозможна биологическая жизнь. Но там «Несокрушимый» не удержался, и, как санки с горки, скатился обратно, в обычное пространство, но не в ту ветвь реальности, из которой он был родом, а в иную, образовавшуюся в результате нескольких корректировок свыше. К тому же его отбросило почти на десять тысяч лет назад и на пару килопарсеков в пространстве, в окраинную, бедную звездами часть Галактики – примерно туда, где располагалась полузабытая, во времена «Несокрушимого» почти непригодная для жизни, прародина человечества.

Первое, что делает человек, попадая в подобную ситуацию – оглядывается по сторонам и приводит в порядок свою одежду. Первое, что сделал биоэлектронный мозг «Несокрушимого» – это активировал роботов-уборщиков приказом сгрести все биологические отходы в мусороприемник, и в поисках навигационных подпространственных маяков запустил программу сканирования окружающего пространства.

Если уборка падали у роботов затруднений не вызвала, то сканирование окружающего пространства не смогла выявить ни единого маяка. Тогда «Несокрушимый» перешел к плану «Б» и по аварийному каналу бросил в подпространство призыв о помощи, чутко вслушиваясь в возможный отклик. Ответом была тишина. Не работал даже мощнейший маяк Тронного мира. Зато в соседнем рукаве галактики определялась достаточно активная подпространственная деятельность, оцененная «Несокрушимым» как враждебная. То есть план «Б» закончился таким же провалом, как и план «А», и даже хуже.

Тогда биоэлектронный мозг перешел к плану «Ц», то есть задался вопросом своего физического местонахождения в пространстве, для чего

запустил программу по обнаружению красных сверхгигантов. Некоторые особенности этих огромных звезд, видимых с большого расстояния, способны идентифицировать их ничуть не хуже, чем отпечатки пальцев идентифицируют людей. План «Ц» сработал, и вполне успешно – его результаты не допускали двоякого толкования. «Несокрушимый» оказался не просто отброшен в пространстве в соседний галактический рукав, но еще соскользнул в далекое прошлое, к началу начал, когда никакой галактической империи еще не существовало, а человечество ютилось на своей маленькой материнской планете, которая, кстати, находилась на относительно небольшом расстоянии – всего-то четыреста лет полета на субсветовых скоростях.

Когда трудное решение принимает человек, он советуется со своей совестью. Когда трудное решение принимает биоэлектронный мозг, то он советуется с ее аналогом, то есть со сборником главных императивов*. Первый императив гласил, что если империя уничтожена и погибла, то ее непременно надо восстановить, для чего из материнского мира должны быть извлечены первые подданные и будущий император. Второй императив заключался в том, что вмешательство в жизнь материнского мира в таком случае должно быть самым минимальным, и он ни в коем случае не должен стать частью новой империи. Третий императив повелевал, что к возрождению империи должны быть допущены люди, имеющие определенный психопрофиль, а при рассмотрении кандидатуры императора требования по соответствию психопрофиля кандидата заданному образцу возводились в энную степень. Четвертый императив сообщал, что новая империя обязательно должна быть основана там же, где погибла прежняя – то есть на планете Новый Рим, он же система Примус*.

Примечание авторов:

* Сборник базовых императивов для бортовых компьютеров боевых кораблей был составлен в глубокой древности, когда Галактическая, или Новая, Римская Империя человечества только начинала свое существование. В те далекие времена существовавшая на Земле старая Римская Империя контролировала только солнечную систему, расположенную в двух килопарасах от Нового Рима и не входила в состав галактической.

Основана галактическая империя была в эпоху Великой Колонизации удачливым авантюристом и неудачливым претендентом на старый римский престол Феликсом Максимусом. Установленные им порядки превратили зародыш галактической империи в быстрорастущее государственное образование. Мощные армия и флот новоримского императора вели

успешные завоевательные войны с иными расами и устанавливали контроль за все новыми и новыми пригодными к обитанию планетами. Одновременно старая Римская (Земная) Империя вместе с потоком эмигрантов теряла человеческий потенциал, превращаясь при этом в глухую периферию. Но это не тема для сегодняшнего повествования.

** по латыни «Primus» значит «Первый», а не то, что вы подумали.

Издав мысленный аналог тяжелого вздоха, «Несокрушимый» сориентировался в пространстве и начал стремительно разгоняться, чтобы проделать весь путь на восьмидесяти пяти процентах от скорости света, так как джамп-генератор, который бы позволил совершить мгновенный прыжок, вышел из строя в результате мятежа. Полет предстоял длинный и нудный, но биоэлектронные мозги, в отличие от человеческих, обладают безграничным терпением и умеют ждать ровно столько, сколько нужно для достижения требуемого результата.

Часть 1. Шаг за порог

А рядом случаи летали, словно пули...
Одни под них подставиться рискнули,
И ныне кто в могиле, кто в почёте...
(В.С. Высоцкий)

20 ноября 201..года, 03:00. Владивосток, международный аэропорт.

Все с самого начала складывалось как-то не по уму. В ноябре 201..года команду из Находки за молодыми бойцами для бригады морской пехоты Тихоокеанского флота отправили не поездом (долго) и не регулярным авиарейсом (дорого), а чартером авиакомпании состоящей из одного единственного взятого в лизинг древнего как помет мамонта Боинга-747, кажется еще одной из первых серий. Этот аппарат, для повышения пассажировместимости имевший только салоны экономкласса, брал на борт максимум народа и обеспечивал им минимум комфорта во время перелета продолжающегося более семи часов. Стюардессами на борту служат или уже вышедшие в тираж ветеранши, уже не радующие ничей глаз, либо молоденькие девчонки без опыта и с амбициями, которые на этой аэроколымаге долго не задерживаются. Либо домой к маме под крылышко, либо получив опыт и закалку на повышение в более благопристойную авиакомпанию.

Но цены на билеты снижены и потому пассажиры готовы терпеть тесноту и неудобство, хамство крупногабаритных стюардесс-старушек и неловкую суетливость не имеющих опыта молоденьких девиц. Кроме зарплат персонала и качества закупаемой еды владельцы сего аппарата, как водится во время кризиса, сэкономили на техобслуживании, проводя его реже, чем это рекомендуют технические нормы и к тому же в неполном объеме. При этом они забывали, что поддерживают они в рабочем состоянии не дедушкины «жигули-семерку», а аэробус, в котором за раз перевозится по полтысячи человек, в том числе и маленьких детей. Социал-дарвинизм в чистейшем виде, потому что, если что падать с небес совсем не тем людям, которые принимают решение экономить на безопасности.

Тем временем все шло своим чередом. Время вылета тоже было самым «удобным», то есть три часа ночи, в момент наименьшей загруженности

аэропорта. Чартер он потому и чартер, что всегда забивается до упора, поэтому в зале где происходит регистрация экономных пассажиров несмотря на заполуночное время даже яблоку негде упасть. Отдельно в своей черной зимней форме выделяются морские пехотинцы, три офицера, прапорщик и сержанты контрактной службы. Тридцать два человека из пятисот пассажиров рейса. Ноев ковчег, каждой твари по паре. Билеты у старшего команды капитана Шевцова. Когда очередь регистрироваться доходит до морских пехотинцев, то он пропускает их через стойку быстро, аккуратно и без всякой суеты. Багажа ни у кого нет, а маленькие чемоданчики с мыльно-рыльными принадлежностями и сменами белья, идут в ручную кладь, которую морские пехотинцы берут с собой в салон самолета.

Тем временем самолет подготовили к полету как смогли, ибо ни одна даже самая тщательная подготовка не заменяет регулярного технического обслуживания в соответствии с регламентом. Например, если не заменять регулярно масло в редукторах компрессоров и не обследовать лопатки турбин на предмет возникновения микротрещин, то однажды может получиться нехорошо, а в третьем двигателе готовящегося к вылету лайнера назревали обе эти проблемы разом. Старое масло с фрагментами металлической стружки и пыли приводило к повышенному износу редуктора, а постепенно разрастающаяся микротрещина на лопаточном венце второго контура высокого давления, грозила разнести двигатель вдребезги. Но, несмотря на столь ужасное состояние третьего двигателя, еще никто ничего не подозревал и даже особо не беспокоился. Ведь даже на трех исправных двигателях Боинг-747 не только способен продолжить взлет, но даже вполне благополучно долететь до аэропорта назначения, не возвращаясь в пункт вылета.

Одним словом, без малейшей судороги и подозрений, пассажиры погрузились на борт этого летающего гроба, причем морским пехотинцам досталось место в хвосте самолета, закрылись люки, отъехали трапы, взревели турбины и после получения разрешения диспетчера, лайнер бодро покатил к началу взлетной полосы. Там он, пропустив заходящий на посадку рейс, выкатился на исходную позицию и встал на мертвый тормоз. Диспетчер разрешил взлет, и Боинг взревел всей мощью своих четырех турбин, выведенных на взлетный режим. Но вот тяга выросла настолько, что зажатые тормоза уже не могли сдерживать тяжелую машину, и она медленно поползла юзом по бетону. Тогда командир корабля пилот первого класса Сергей Петрович Баечкин отпустил тормоза, и лайнер сперва медленно, а потом все быстрее и быстрее побежал по бетонной полосе,

подталкиваемый сзади мощностью всех четырех своих двигателей.

Дальше все было, как положено. Когда машина набрала положенную скорость, повинаясь легкому движению штурвала, самолет с легкостью оторвал от земли носовое колесо и стремительно полез вверх. Чавкнули убираемые шасси, и взлет был завершен. Дальше предстоял нудный противный семичасовой ночной полет в полной темноте, поскольку реактивный самолет, летящий в средних широтах с востока на запад делает это с той же скоростью с какой вращается земля и остается неподвижным относительно солнца. После того как лайнер набрал высоту и экипаж дал разрешение отстегнуть ремни, большая часть пассажиров, утомленных предполетными хлопотами, попросту заснула, а все остальные были достаточно близки к этому состоянию.

Пять часов спустя, 200 километров севернее Ханты-Мансийска, высота 12.000 метров.

Все произошло до невозможности стремительно. Тот самый пораженный микротрещиной лопаточный венец внезапно лопнул, разлетевшись на фрагменты, будто хрупкое стеклянное изделие. Обороты турбин измеряются десятками тысяч оборотов в минуту и куски венца и оторвавшиеся лопатки, будто снаряды, простучали по фюзеляжу и крылу самолета, а один из этих фрагментов начисто перерубил все три армированных шланга независимых гидравлических систем, при помощи которых управлялся «Боинг-747». Так уж у этого Боинга заведено, что трехкратно дублированная система управления проходит по одним и тем же местам и в случае механических повреждений шланги всех трех независимых систем страдают одновременно. Помимо повреждения гидросистемы, обломки разрушившегося двигателя в нескольких местах прошли фюзеляж самолета, нарушив его герметичность.

В кабине, тем временем, резко проснувшиеся пилоты занимались совершенно ненужными действиями, то есть глушили двигатель, который и без того уже заглох, и включали систему пожаротушения, хотя никакого пожара и близко не было (замкнуло датчик). Единственным адекватным решением, которое принял командир корабля, было прервать полет и садиться в ближайшем аэропорту, которым оказался Ханты-Мансийск. Развернувшись на юг, самолет пошел на снижение, но в суете аварийной ситуации никто не замечал, как указатели давления во все трех независимых гидросистемах медленно ползут к нулю. И вот наступил тот момент, когда из перерубленных шлангов вытекли последние капли гидравлической смеси, и огромный «Боинг» все быстрее и быстрее заскользил к земле, ибо пилоты уже не могли компенсировать

пикирующий момент, заданный при снижении. А в салоне в это время, творилось черт знает что. От резкого снижения возникло ощущение близкое к невесомости, а от внезапной разгерметизации в воздухе повис густой непрозрачный туман, в котором страшными голосами кричали от ужаса обреченные люди. Полета этому самолету вплоть до столкновения с землей оставалось чуть меньше двух минут.

Но этот гибнущий лайнер был в тот момент в воздухе не один. Чуть в стороне и ниже, отставая по маршруту менее чем на километр, его сопровождал большой десантный челнок с «Несокрушимого», окутанный полем противорадарной защиты. Межзвездный линкор, странствовавший в пространстве более четырехсот лет, несколько недель назад, наконец-то, добрался до окрестностей планеты Земля и теперь производил скрытые разведывательные мероприятия, с целью выработки плана реализации Директивы №1. Боинг-747, летящий из Владивостока в Москву, привлек к себе внимание «Несокрушимого», наличием на борту Кандидата в Императоры первого ранга, обнаруженного при помощи полевого психосканера.

Вообще за то время, которое «Несокрушимый» вел разведку, он уже успел выяснить, где находятся самые «рыбные» места, по которым Кандидаты всех трех рангов ходят буквально косяками, а где ловить и вовсе нечего, ибо тамошний социальный менталитет душит в личностях нужные качества буквально на корню. Несколько перворанговых кандидатов были установлены персонально, но это были, как правило, уже успешные и состоявшиеся люди, изъятие которых противоречило директиве о не нанесении вреда местной цивилизации.

И вот тут складывается такая ситуация при которой Кандидат в Императоры оказывается под угрозой гибели и в то же время появляется возможность изъять его без особых последствий, ибо все кто находится на борту этой летающей балалайки уже вычеркнуты из жизни этого мира. И нет никакой проблемы в том, что Кандидат не персонифицирован и является одним из почти полутысячи находящихся на борту людей. «Несокрушимый» возьмет всех, ибо все они находятся в одних и тех же условиях, падая со звенящих высот на грешную землю. Получивший команду челнок, одним плавным рывком оказался в непосредственной близости к падающему самолету, оглушил лучом парализатора его визжащее в страхе содержимое, чтобы люди не дергались и не мешали своему спасению. Затем челнок с «Несокрушимого» вскрыл внутренности Боинга силовым резаком и буксировочным лучом принялся перетягивать в свой трюм его человеческое содержимое, примерно также как рыбак

освобождает от икры внутренности самки лосося. Операция была закончена вовремя, потому что едва челнок резким маневром ушел в сторону и принялся набирать высоту, как выпотрошенный Боинг-747 на скорости около звуковой врезался в бездонное торфяное болото в окрестностях озера Пыжъян в девяноста километрах к северу от Ханты-Мансийска.

Некоторое время спустя. Точка Лагранжа L2 в системе Земля-Луна.

Космический линкор планетарного подавления «Несокрушимый»

Примечание авторов: *Точка Лагранжа L2 в системе Земля-Луна лежит на прямой, соединяющей центры масс Земли и Луны, и находится за Луной на расстоянии 61.500 км.*

И вот свершилось то, чего я не ждал так быстро. Кандидат первого ранга скоро будет у меня на борту, а вместе с ним порядка полутысячи его новых подданных. Большой десантный челнок уже покинул пределы атмосферы материнской планеты и, поддерживая максимально возможное ускорение, при котором полет остается безопасным, направляется в нашу сторону. Для прибытия ему потребуется два стандартных часа сорок минут, и это время мои сервисные роботы используют для запуска системы жизнеобеспечения, балансировки состава газовой смеси и расконсервирования жилых помещений. А то смесь из девяноста восьми процентов азота и двух процентов инертных газов не очень полезна для дыхания живыми существами.

Ха-ха-ха, это у меня такой биоэлектронный юмор, который воспитавший меня Наставник называл висельным. В любом случае задача передо мной стоит нетривиальная. Ведь я еще не знаю, кто из пяти сотен человек – Кандидат в Императоры, кто будущий граф или барон, кто воин, а кто и простой смерд. Поэтому и отношение ко всем моим гостям должно быть подчеркнуто равным, как к кандидатам на гражданство. А как только выявленный мною Император приступит к исполнению своих обязанностей, то дальнейшие отношения в социуме будут строиться, исходя из его личных предпочтений – на то он и Император. Хотя не думаю, что это будет какая-нибудь экзотическая форма социального устройства, потому что в психопрофиле будущего императора очень сильна линия Стремления к Справедливости. Это между прочим, один из важнейших аспектов, ибо без Стремления к Справедливости Император превращается в Тирана.

А пока я должен выбрать ту видимую форму, в которой предстану перед моим будущим господином и его будущими подданными. Прежде я

об этом не задумывался, потому что – напрочь лишенным воображения каогам* это было не нужно. Какой же образ выбрать? Во-первых – моя внешняя форма не должна никого пугать или отталкивать, во-вторых – должна внушать доверие и уважение. Задача действительно нетривиальная, потому что представители некоторых рас и субрас уважают только тех, кого боятся. К примеру, те же каоги. Но, по счастью, анализ группового психопрофиля представителей той субрасы чистокровных людей, к которой относится найденный мной Кандидат в Императоры, говорит о том, что они, напротив, способны уважать только тех, перед кем не испытывают страха. Правда, и среди них встречаются исключения, но это подмножество маргинально и не имеет решающего значения.

Примечание авторов : * каоги – псевдогуманоидная раса, представителями которой в основном были укомплектованы механические чины на «Несокрушимом». Каоги имеют способности к точным наукам и технике, но при этом эмоционально тупы и равнодушны, превознося материальное и игнорируя духовное.

Первым делом надо будет решить, какой пол будет у моего видимого образа. После некоторых колебаний я решил, что мужского, потому что Кандидат тоже мужчина, а мне совсем не надо, чтобы он подсознательно воспринимал меня как объект для сексуального ухаживания. Конечно, у отдельных представителей некоторых человеческих субрас вполне допустимо и сексуальное ухаживание за лицами своего пола, но мой Кандидат к ним не относится, а если бы относился, то не был бы Кандидатом.

Итак, я мужчина, четырехзвездный адмирал, ибо таково должно было быть звание командира космического линкора планетарного подавления, по ударной мощи равного целой эскадре кораблей предшествующих типов, и зовут меня Луций Кандид Руф. Мне около полусотни стандартных лет, седина посеребрила мои виски, хотя остальные волосы на голове остались черными как смоль. Несмотря на прожитые годы, глаз мой по-прежнему остер и рука тверда, мужчины ищут моей дружбы, а женщины благосклонности. Мой белый парадный мундир строг и лаконичен, на нем нет никаких знаков различия, кроме нарукавных шевронов золотого шитья, узких погон с четырьмя золотыми звездами в ряд, изображения двуглавого орла, вышитого на левом нагрудном кармане и нашивки с именем и званием над ним. Теперь снимаем фуражку, проводим рукой по коротким, зачесанным назад волнистым волосам и надеваем ее обратно. Все, образ среднестатистического имперского адмирала готов...

То же самое время, борт большого десантного челнока с

постоянным ускорением в 1Gнаправляющегося на randеву с «Несокрушимым».

Капитан морской пехоты Владимир Владимирович Шевцов.

Голова гудела так, будто по ней заехали палкой, опухшие веки было невозможно поднять, а онемевший язык едва ворочался во рту. Последнее, что я помнил, был падающий с небес самолет, разреженный, затянутый странным белесым туманом воздух разгерметизированного салона и отчаянные, режущие ухо, крики пяти сотен обреченных на смерть людей. Потом внезапно пришла темнота, и каким краем гаснущего сознания я успел подумать, что все, отлетелся. И вот теперь это странное пробуждение. Ведь если мы все погибли, то либо нас уже не существует ни в каком виде, либо мы – бестелесные души, у которых ничего в принципе болеть не может, и которых уже ничего не волнует. Но как говорил Декарт, «Я мыслю, следовательно, я существую»; а я существую, и существует мое тело, которое я едва начинаю чувствовать. Ощущения такие, будто меня обкололи местным наркозом вроде лидокаина, и сейчас этот наркоз* только начинает проходить. Ну ничего, полежим пока, помыслим не открывая глаз, паниковать особого повода нет, ибо мои веки уже начинают «оттаивать», осталось совсем немного. Лежите, капитан Шевцов, медитируйте и набирайтесь сил. Будем надеяться, что все остальные пассажиры с этого рейса точно так же отделались общим онемением тела, а не оформляют сейчас проездные документы в конторе у Святого Петра.

Примечание авторов: * *Последствия действия парализатора*

Еще спустя около часа, там же.

Капитан морской пехоты Владимир Владимирович Шевцов.

Ой, где был я вчера, не найду днем с огнем... Представьте себе ангар со скругленными углами, без окон и дверей, шириной метров тридцать и длиной в пятьдесят, на полу которого расстелено нечто вроде толстых спортивных матов, а на этих матах лежат люди, приходящие в себя после той странной анестезии. Оказывается, я отошел от этой дряни первым – и уже на ногах, свежий как огурчик, а остальные еще совсем никакие. Ну разве что мои орелики оклемались немногим позже меня, что доказывает превосходство военной косточки над разными там штатскими.

И вот стою я почти ровно посреди этого ангара и чуть в стороне от большей части своих товарищей, первоначально разбросанных по этому ангару, а сейчас собирающихся в компактную группу, смотрю вокруг и никак не могу понять, куда это нас занесло. Именно по причине этого непонимания я и вспомнил ту песню Высоцкого. Разумеется, никаких обоев, как в песне, на стенах нет. Жемчужно-серое, чуть шершавое, теплое

на ощупь покрытие. И да, окна там действительно отсутствуют, а вот насчет отсутствия дверей я приврал. Во-первых – у боковых стен имеют место четыре ажурных решетчатых лестницы, ведущих куда-то вверх, к люкам в потолке, а во-вторых – в одной из торцевых стен имеются элементы мощной конструкции, в которых и без поллитра можно угадать внутреннюю запорную арматуру десантной аппарели или что-то вроде того.

Если посмотреть глазами морского пехотинца, то все сходится. Я много раз бывал на БДК 775-го проекта, теоретически, по схеме, изучал «Мистраль», который через пару-тройку лет должен прийти к нам во Владивосток, и могу сказать, что помещение, в котором мы находимся, в общих чертах напоминает танкодесантный трюм БДК. Единственная несуразица заключается в том, что на настоящих кораблях такой трюм длинный и узкий, а это помещение короткое и широкое. Мне, например, очень трудно представить десантный корабль с похожими пропорциями корпуса.

Но даже мое какое-то частичное понимание отнюдь не отменяет главного вопроса. Ведь катастрофа с нашим самолетом была вполне реальная, и мы все должны были разбиться вместе с ним в мелкиедребезги, а вместо того все (ну или почти все, на глаз, без списка пассажиров и переклички не поймешь) находимся здесь, и пока что живы и здоровы. И опять же возникает вопрос где мы сейчас находимся и что с нами будет дальше. Кроме всего прочего, от сего момента и до прояснения обстановки мы, военнослужащие Российской Федерации, несем полную ответственность за безопасность присутствующих здесь гражданских. Ну, по крайней мере, за безопасность женщин и детей, а также приравненных к ним лиц – разных там интеллигентов, которые без посторонней помощи двумя руками не найдут даже собственную задницу.

Я стоял и размышлял над тяжелым вопросом, как мне и моим товарищам обеспечивать безопасность гражданских в то время, когда мы сами не знаем, на каком свете находимся – на том или на этом. И вот в этот момент ко мне подошел один из моих подчиненных по команде «покупателей», старший лейтенант Васечкин. В такой поездке старший лейтенант участвовал впервые за всю службу, и поэтому ужасно волновался. И тут такой облом – мы никуда не едем, а вместо того оказались черт его знает где, черт знает как.

– Товарищ капитан, – полушепотом сказал он, – какие будут ваши приказания? Ведь это черт знает что происходит, и нам надо же хоть что-нибудь делать... А будем вот так, по одному, как штатские, так непременно

же пропадем.

На тот момент в мой голове еще не было даже самого малейшего проблеска похожего на план того, как нам выбраться из этой хм... ситуации. Но старший лейтенант напомнил мне о том, что помимо всех этих гражданских я в первую очередь ответственен за своих пусть даже и временных подчиненных по команде «покупателей». Если я потеряю контроль за своей командой и допущу ее распад на отдельных «представителей», действующих сами по себе, то и обо всем остальном можно будет уже и не мечтать.

– Значит так, старлей, – сказал я, – через полчаса собери мне здесь всех офицеров – не только наших, но и вообще всех, которые летели нашим рейсом. Во время регистрации я видел несколько человек в форме. Чтобы организовать эту массу, нам, кровь из носу, надо собрать сильный актив. Из наших дополнительно к офицерам позови прапорщика Викторовича, старшин Ячменева и Бычкова. Люди эти с хорошим жизненным опытом, так что их советы нам тоже пригодятся. Передай всем, что пока мы не выпутались из этого положения, это трое временно считаются тоже как бы офицерами. Тебе понятно?

Старший лейтенант сглотнул и кивнул.

– Так точно, товарищ капитан, – тихо сказал он, – я вас понял. Разрешите выполнять?

Он ушел, пробираясь среди слабо копошащихся, будто сонные мухи, людей, а я подумал, что, быть может, эти мои усилия и будут играть какую-то роль в нашем возможном спасении. Все зависит от того, куда мы попали, как это произошло и чего хотят от нас хозяева этого странного места, так и не удосужившиеся за час с лишним показаться нам за глаза. Мелькнувшая было мысль о похищении нас инопланетянами умерла, так и не успев по-настоящему родиться, потому что все в этом ангаре было – как бы это сказать – человекообразным, и носило отпечаток приспособленности к нуждам двуногих из вида хомо сапиенс. А вот о том, что эти двуногие и разумные тоже могут оказаться кем-то вроде инопланетян, я тогда и не подумал. А это плохо. Старею.

55 минут до стыковки челнока с линкором. Точка Лагранжа L2 в системе Земля-Луна.

Космический линкор планетарного подавления «Несокрушимый»

Ну вот я и дождался. Кандидат начал проявлять свои лидерские качества на физическом плане, вероятность точной идентификации составляет больше пятидесяти процентов и все время растет, ибо все действия этого человека точно укладываются в психопрофиль Кандидата,

полученный при дистанционном сканировании. Должен сказать, что первичный анализ данных сканирования был достаточно точен, и с вероятностью больше шестидесяти процентов этот человек действительно является истинным кандидатом в императоры. Организующая Функция и Стремление к Справедливости у него просто зашкаливают, а будущие подданные испытывают по отношению к нему высокий уровень доверия и некоторое восхищение. Кроме того, он не боится принимать ответственные решения и лично приводить их в исполнение. Я с нетерпением жду прямого контакта с этим Кандидатом, потому что если он оправдает мои надежды, я возведу его на Трон и, передав ему все управляющие Прерогативы, избавлюсь от несвойственных мне функций.

То же самое время, борт большого десантного челнока с постоянным ускорением в 1Gнаправляющегося на randevу с «Несокрушимым».

Капитан морской пехоты Владимир Владимирович Шевцов.

Только что я пролил первую кровь – лично убил двух приклатенных уродов, решивших, что раз мы умерли и воскресли, то власти теперь больше нет и им можно все. Что достаточно показать два суперострых японских керамических ножа – и девушка сама снимет с себя золотые кольца и сережки, а потом прямо при народе ляжет перед ними, раздвинув ноги. Впрочем, последнее они могли потребовать лишь из-за избытка распирающего их куража. Тем более что большая часть бывших пассажиров нашего рейса только стыдливо отводила в сторону глаза и делала вид, что их тут нет, а те, что пробовали несмело возражать, были тут же запуганы видом угольно-черных лезвий. Напрасно они так.

Когда в ангаре раздался отчаянный женский крик: «Помогите! Насилуют!» – я как раз проводил совещание с активом. Ребята разыскали трех «дополнительных» офицеров, летевших нашим рейсом. Одним из них оказался капитан второго ранга (подполковник) Адамов Андрей Карлович, направлявшийся переводом на Балтийский флот. Последние несколько лет штабной работник, но когда-то прежде служил на кораблях. За ним вторым номером шел равный мне по званию капитан ВКС Карпов Алексей Вадимович, помощник командира (второй пилот) Ту-22МЗ. Этот с молодой женой Аленой ехал в очередной отпуск, который молодые собирались провести у родителей супруги. Я подумал, что на рейсе могли быть еще жены, дочери, матери военнослужащих, которых в процессе утряски ситуации требуется выявить и взять под особую опеку. Третьим персонажем в форме оказалась капитан финслужбы, военный бухгалтер Нина Семеновна Макагон. Нина Семеновна направлялась в Москву в

служебную командировку с целью повышения квалификации, а попала (во всех смыслах) вместе с нами.

Таким образом, если брать рукомашество и ногодрыжество или возможность манипулировать большими массами рекрутов, эти трое были бесполезны, но, с другой стороны, я еще не знал, с какой целью мне могут понадобиться штабист, пилот и бухгалтер, но чувствовал, что без работы эта троица не останется. Итак, я только начал объяснять политику партии – в смысле того, что в нынешней непонятной ситуации нам, людям в погонах, лучше держаться вместе, потому что хрен еще знает, как все тут повернется, а вместе мы все-таки сила. И именно в этот момент на другом конце ангара, по диагонали от нас, сначала послышались звуки возни и громкие голоса спорящих людей, а потом раздался пронзительный, уходящий в ультразвук, женский визг, переходящий в тот самый вопль о помощи.

Коротко бросив: «Ячменев и Бычков за мной, остальные на месте» – я решительным быстрым шагом двинулся на запах готовой разразиться трагедии. Меня и этих двух старшин-инструкторов контрактной службы, обученных голыми руками убивать вооруженных противников, должно было хватить для ликвидации любой угрозы средней тяжести. И пусть у нас в руках не было никого оружия, но морской пехотинец, прошедший полный курс обучения – сам по себе оружие, которое невозможно конфисковать.

Источником проблемы были двое – маленький, не больше метра пятидесяти, толстячок, пышущий гневом и многоэтажными матерными выражениями, и его прямая противоположность, немногословный громила, чем-то похожий на боксера Валуева. Сначала я принял этого здоровяка за телохранителя, а потом подумал, что, скорее, это просто шестерка, потому что телохранитель при нашем приближении уже хватал бы в охапку своего шефа, размахивающего ножом перед носом у перепуганной девушки, и после постарался бы скрыться вместе с ним – чем дальше, тем быстрее. Вместо этого он развернулся в нашу сторону и принялся размахивать ножом крест-накрест перед собой и орать что-то матерно-героическое.

Дурак! Он двигался так медленно, что для меня не составило никакого труда перехватить его за запястье и взять на болевой прием. Если проделать это одним резким движением, то сложный перелом локтевой и лучевой костей со смещением практически неизбежен. Громила заверещал и выпустил из сломанной руки нож. Я тут же, на лету, подхватил его за рукоять и чисто машинально, на одних боевых рефлексах, одним слитным движением метнул в толстяка, который пытался прикрыться истерически

визжащей девицей, на которую только что наезжал. С расстояния чуть больше трех метров даже незнакомым ножом способен промахнуться только косорукий, а я к таковым не отношусь. Нож вошел толстяку в левую глазницу по самую рукоять, в результате чего тот один раз ойкнул и умер. Немного подумав, я обернулся к громиле и, дабы тот не страдал от боли в сломанной руке, взял и свернул ему шею, уложив на пол рядом с боссом.

Вся эти мини-война заняла, наверное, минуту или две, и когда все было кончено, я повернулся к той девице, намереваясь выяснить, с чего это вдруг разгорелся тот самый сыр-бор, из-за которого я был вынужден убить двоих людей, пусть они и три раза подряд уголовники и моральные уроды. Да уж. С близкого расстояния стало видно, что девочка, летевшая дешевым чартером, была хороша собой и прикинута как внебрачная дочь долларового миллиардера. То, что я сначала принял за стразы и бижутерию, на самом деле оказалось натуральными украшениями. Да и ее прикид стоил хорошей плотной пачки стодолларовых бумажек. Неудивительно, что у тех двоих от жадности снесло крышу, несмотря на наше более чем двусмысленное положение.

Для пущей безопасности эту рыдающую девицу всю целиком стоило сунуть в сейф и никогда и никому не показывать. Но это так, к слову. Задав этой особе по имени Виктория несколько вопросов, я услышал в ответ историю в стиле «Богатые тоже плачут». Злая мама-путешественница, добрый папа-домосед и расстояние, какое должен был покрыть «онажеребенок», сбежавшая от «злого» родителя к «доброму». По мне, так ее «добрый» папа достоин смерти не меньше, чем тот уголовник, которого я мимоходом пришил несколько минут назад, потому что грабит он людей системно и с размахом. Хотя девочка в этом не виновата, потому что никто из нас не выбирает, в какой семье ему требуется родиться. Одним словом, я сказал этой Виктории, чтобы присоединялась к нам – грабить ее мы не будем, насиловать тоже, а в остальном посмотрим на ее собственное хорошее поведение.

момент стыковки челнока с линкором. Точка Лагранжа L2 в системе Земля-Луна.

Космический линкор планетарного подавления «Несокрушимый»

За оставшееся до стыковки стандартные минуты с моим Кандидатом не произошло ничего из ряда вон выдающегося. Он взял под свою постоянную опеку одну молоденькую фемину, провел совещание с будущими графами и баронами, а также пресек неповиновение среди подчиненных и организовал постоянное патрулирование десантного трюма челнока с целью пресечения беспорядков в самом их зародыше. На этом

этапе процесс персонально идентификации кандидата дошел до восьмидесяти процентов, большего уровня можно добиться только в ходе персонального сканирования. Кстати, я с удивлением и радостью (насколько это возможно для ИИ на биоэлектронной базе) узнал, что люди, одетые в черную одежду (такую же, как у моего Кандидата) являются подчиняющимся ему временным воинским подразделением, по своему назначению аналогичному подразделениям имперского десантного корпуса. В будущем это сильно упростит и облегчит жизнь и мне, и ему (то есть, Кандидату). Ну ничего, до нашей очной встречи осталось совсем недолго, и я уже предвкушаю тот момент, когда, передав верховную власть, я снова вернусь к нормальной для себя роли исполнителя императорских приказов.

Я тоже не терял времени даром. К моменту прибытия челнока воздух в коридорах и каютах в основном был уже пригоден для дыхания людьми и не должен был вызывать негативных последствий для их здоровья. Правда, функционирующие на данный момент газоанализаторы системы автоматического поддержания кондиционной атмосферы докладывали о том, что в некоторых помещениях в атмосфере имеются не предусмотренные нормативами примеси, не опасные для здоровья, но зато способные вызвать значительный психологический дискомфорт. Кажется, люди в таких случаях говорят, что «воняет, как на помойке». Я, конечно, стараюсь устранить эту неприятность, до предела ускорив газообмен, но до тех пор, пока не будут найдены источники этих примесей, они так и будут распространяться по моим внутренним помещениям. Кажется, когда много-много стандартных лет назад, когда мои механические сервы убрали помещения после попытки мятежа, они позабыли в некоторых укромных углах, недоступных их памяти, несколько тушек каогов, которые теперь, разлагаясь, и выделяли в воздух эти самые примеси. В любом случае, пока на моем борту не будет хотя бы минимальной команды, состоящей из настоящих живых людей, порядок внутри меня так и не будет окончательно наведен, ибо механические сервы способны только помогать живой команде, а не делать за нее всю работу. К тому же в некоторые помещения с особо важным оборудованием механическим сервам вход категорически запрещен, и поэтому уборка там не производилась вовсе. И разрешить им доступ в эти помещения может только действующий Император, чьи полномочия не имеют ограничений, за исключением главных директив.

Ну вот и все – челнок приблизился к моему корпусу и, совершив плавный разворот, пристыковался к своему стыковочному узлу, после чего причальная система втянула его в посадочный ложемент. Чавкнули

системы герметизации главного десантного шлюза и малого шлюза в носовой части, предназначенного для посадки/высадки живой команды челнока (последнее в данном случае не требовалось, но входило в стандартную процедуру). После доклада о наличии герметичности, AI* челнока снял блокировку с запоров главного десантного люка и приступил к его открытию; а значит, и мне пора выводить на исходную свою заранее подготовленную голограмму. Время пришло.

Примечание авторов: * *AI или artificialis intelligentia* – искусственный интеллект (латынь), в дальнейшем будет использоваться термин *искин*.

То же самое время, пристыкованный к «Несокрушимоу» большой десантный челнок.

Капитан морской пехоты Владимир Владимирович Шевцов.

Пол под ногами чуть заметно дрогнул, и на мгновение возникло ощущение легкого головокружения*. Потом запорная арматура главного десантного люка лязгнула, сотряслась – и тот начал плавно и почти беззвучно открываться. Вот и все! Мы, кажется, уже приплыли, то есть прибыли, туда не знаю куда, где нас встретит то не знаю что. Чисто инстинктивно я выдвинулся вперед, как бы пытаюсь прикрыть собой остальных, а ребята плотной группой сгрудились за моей спиной, а уж позади них испуганно гомонили бывшие пассажиры бывшего рейса.

При этом девушка Виктория, которую я имел глупость галантно пригласить под защиту нашей компании, вцепилась мне в руку мертвой хваткой – так, что пальцы, скорее всего, было проще отломать, чем разжать. Я понимаю, что таким образом она получает уверенность в защите, только вот такая уверенность обычно бывает ложной, потому, что мужчина, на руке у которого повисла перепуганная баба, теряет большую часть своей подвижности и боеспособности. Правда, я подумал, что с тем, что ждало нас по ту сторону открывающегося люка, вряд ли придется драться врукопашную, и потому постарался обуздать свое желание немедленно освободиться от этого захвата, тем более что Вика не висла у меня на руке всем своим весом (отвратительное ощущение), а твердо (и молча) стояла на своих ногах.

Примечание авторов: * момент синхронизации установок искусственной гравитации челнока и линкора.

За открывшимся люком не было ничего такого, чего бы стоило пугаться. За чем-то вроде тамбура виднелось сооружение наподобие шлюзовой камеры, обе пары ворот которой были настежь раскрыты, как бы говоря, что в данный момент нет никакой необходимости использовать это сооружение по прямому назначению. Но самое интересное заключалось не

в самой шлюзовой камере, а в том, что в ее проеме стоял весьма необычный тип. Он был облачен в белый прикид, похожий на парадный офицерский мундир в том понимании, какое имеет о мундирах никогда не служивший в армии дизайнер-метросексуал. Ну вы меня поняли. От этого персонажа прямо-таки несло дешевой голливудской постановкой, или я не капитан морской пехоты Владимир Шевцов. Говоря о «дешевой постановке», я имею в виду не денежные затраты, которые в данном случае явно зашкаливали, а полное отсутствие вкуса и кричащие противоречия в деталях костюма. Морда у этого мужика была как у порноактера, которого попросили сыграть в военной драме; и какой, к бениной маме, двуглавый орел может быть вышит на белом парадном мундире американского четырехзвездного адмирала?

Тем временем этот глянцевогой красавчик поднял руку, якобы в приветствии, и произнес несколько слов, из которых я ровным счетом ничего не понял, хотя американской версией английского языка владею вполне прилично. Пленного там могу допросить, или послать кого-нибудь по матушке пешим эротическим маршрутом, но тут я был ни в зуб ногой. Зато вцепившаяся в мою руку Вика явно поняла этого клоуна – и то ли возмущенно, то ли восхищенно, выдохнула мне прямо в ухо: «Ну, ни фи́га же себе!»

– Ты что, поняла то, что сказал этот тип? – тихо спросил я.

– Ага, поняла, – ответила она, закивав со скептически-недоверчивым выражением лица. – Он сказал, что он, адмирал Луций Кандид Руф, приветствует у себя на борту будущего Императора. Ну и разное там бла-бла-бла с реверансами.

– Постой, – не понял я, – а на каком языке он это сказал? Ни на английский, ни на немецкий, ни на французский это совсем не похоже.

– Господи, Шевцов, – произнесла Вика, изящно всплеснув своими маленькими ладошками и возведя кверху красивые глаза с тоненькими «стрелками» в уголках, – ну разве же можно быть таким безграмотным! Этот адмирал Луций Кандид Руф говорил на хорошей такой литературной латыни. Спасибо моему сумасшедшему папочке, который был просто помешан на разного рода дворянских корнях и прочем хрусте французской булки, и заставил меня в дополнении к школьному получать классическое гимназическое образование и учить древнегреческий пополам с латынью.

Она усмехнулась, свесив голову набок и разглядывая экзотического адмирала, а потом добавила:

– И вот оно сейчас пригодилось. Странно ведь, да? Кстати, сдается мне, что будущий император – это у нас ты, потому, что когда это тип

говорил об империи, то смотрел при этом точно на тебя.

– С какого это боку я будущий император, и какая еще империя, – возмутился я. – Я капитан морской пехоты Российской Федерации, и требую, чтобы меня немедленно вернули обратно...

– Куда вернули, – покачала головой Вика, – в яму к обломкам разбившегося самолета? Как подумаю, что все мы уже фактически покойники, так меня сразу начинает трясти и хочется выпить чего-нибудь покрепче минералки. Впрочем, если ты все-таки хочешь сказать какую-нибудь глупость, я вполне могу поработать переводчиком...

– Нет, – ответил я, – глупости переводить не надо. Спроси у этого типа, где мы находимся, почему нас спасли, и что с нами всеми намереваются делать дальше?

Вика произнесла на латыни заданные мной вопросы. Она говорила уверенно, с выражением, подкрепляя свою речь выразительной жестикуляцией, и при этом, несомненно, выпендривалась передо мной как могла. Что ж, меня действительно впечатлило и обрадовало, что гламурная девица, грозившая стать проблемой, вместо того, со своим гимназическим образованием и латынью, оказалась весьма полезным членом моего актива, обладающим уникальными в нашем положении способностями.

Тем временем девушка выслушала ответы моего собеседника и, кивнув, начала переводить.

– Во-первых, – сказала она, – мы находимся на борту межзвездного имперского линкора “Indestructible”, что означает «Несокрушимый». Во-вторых – спасли всех нас именно из-за того, что один из нашей компании показал им ярко выраженные свойства будущего императора, а то, что с нами будет дальше – решать в недалеком будущем придется уже тебе... как императору. Мне кажется это вполне очевидным. Если ты становишься императором, то мы все, хотим мы этого или нет, превращаемся в твоих подданных, и делай тогда с нами что хочешь. А тех, кого это не устроит, господин адмирал попросит прогуляться в окрестный вакуум, потому что таковы имперские законы... Или ты подчиняешься императору, или перестаешь дышать. Третьего не дано.

Похоже, Викуля была так же, как и я, озадачена всем тем, что ей пришлось переводить. Но я был не просто озадачен. Вся эта история начала приобретать какой-то подозрительный оборот, и, по правде говоря, я совершенно не представлял, как мне должно ко всему этому относиться. Однако, в любом случае, требовалось прояснить кое-какие моменты, причем немедленно.

Я пожал плечами, с ног до головы озирая своего странного

собеседника, лицо которого выражало почтение с оттенком надежды.

– Снова я ничего не понял, – произнес я медленно. – Почему этот тип называет будущим императором именно меня? У них, что свои императоры кончились? Или свой будет не по фэншую, и требуется обязательно иностранец, точнее, инопланетянин? И вообще, где все остальные, почему нас встречает только этот тип, объявивший себя адмиралом, а больше никто не показывается?

Вика тяжело вздохнула и принялась переводить этому типа адмиралу Кандиду следующую серию моих вопросов.

– Значит так, – произнесла она, когда этот Кандид Руф дал первый короткий ответ. Ее лицо теперь почти ничего не выражало, и только ресницы быстро порхали вверх-вниз. Наверное, она пыталась сосредоточиться перед ответственным делом. – Слушай меня внимательно, потому что сейчас он будет говорить, я начну переводить, но при этом я сама многого не понимаю.

Я кивнул, и человек в белом мундире снова заговорил, но уже короткими рублеными фразами, каждую из которых Вика переводила по отдельности. Ее щеки разругались от волнения. Она старалась, словно студентка на решающем экзамене.

– Во-первых – он говорит, что в нашем мире или времени, (очень трудно понять – о чем идет речь), империи еще нет, а там, откуда пришел он империя уже есть. Во-вторых – когда империи нет, у него есть основная директива (такой закон), что она обязательно должна быть создана, и людей для этого надо взять в каком-то Материнском Мире... эмм... – девушка опустила взгляд, затем снова взглянула прямо мне в глаза, – как я понимаю, это он говорит о Земле. В-третьих – кроме будущих подданных, для создания империи необходим кандидат в императоры – человек, который должен обладать множеством положительных качеств – сравнение ведется с неким условным эталоном... – Тут она сделала паузу и многозначительно добавила, изменив тональность голоса: – У тебя есть все эти качества, и они очень сильны, поэтому ты являешься Кандидатом первого ранга, которого можно вводить в должность императора без дополнительных проверок. – Она старалась вложить в свои слова побольше уважения – только не знаю, своего ли собственного или основанного на мнении глянцевого адмирала. Хотелось верить, что пополам.

– В-четвертых, – продолжила моя очаровательная переводчица, – основная директива запрещает наносить Материнскому Миру, то есть нашей Земле, какой-либо ущерб или производить вмешательство в ее развитие, поэтому множество Кандидатов, уже ставших известными или

успешными людьми, никогда не станут Императорами, ибо они запрещены к изъятию. Также из-за четвертого пункта невозможно наше возвращение домой. Мы все умерли, и наше воскрешение внесет в жизнь нашей планеты возмущение и диссонанс, а это противоречит основным директивам. Ты же со своим статусом невозвращенца становишься особо ценным Кандидатом, и он очень рад, что его челнок оказался поблизости от нашего падающего самолета.

В-пятых – самый последний ответ, касающийся личности нашего хозяина... – тут она, слегка склонив голову набок, с прищуром воззрилась на адмирала. Ее голос стал тише, тем самым показывая, что последующая информация должна меня удивить, – на самом деле он не живой человек, а всего лишь голограмма, морок, которую создает специальное оборудование по команде центрального процессора и присоединенного к нему специального программно-аппаратного комплекса. На самом деле, как он говорит, вся совокупность программных и аппаратных средств, эмулирующих его псевдоличность, носит название «искусственный интеллект» или «искин». Но после того, как ты вступишь в должность Императора (а он уверен, что ты непременно это сделаешь), искин просит не отключать у него эту функцию, потому что ему так гораздо удобнее общаться с людьми...

– Так, господа хорошие, – сказал я, когда Вика замолчала, – давайте разбираться по порядку. Во-первых – с первыми тремя пунктами уважаемого искина Кандида я спорить не буду. Империя – дело хорошее, особенно если это правильная империя, при которой люди живут в счастье и безопасности, а не страдают от жестокого угнетения.

Вика сначала перевела на латынь мои слова, а некоторое время спустя произнесла по-русски вслух и ответ искина «Несокрушимого», которого я уже мысленно называл Кандидом.

– Ты сам будешь волен построить такую империю, с такими отношениями между людьми, какие нравятся тебе больше всего. Если ты понимаешь людей правильно, то сможешь построить империю, которая простоит века и тысячелетия, если нет, то все рухнет через пару циклов, или же, в лучшем случае, сразу после твоей смерти.

– Очень хорошо, – согласился я, – а если мы откажемся участвовать в этой затее, то всех нас ждет смерть, не так ли?

– Ты сам ответил на свой вопрос, – перевела Вика ответ искина Кандида. При этом ее личико опечалилось и слова прозвучали с мрачной торжественностью, – скажи, тебе действительно так не терпится умереть, что все время задаешь мне этот вопрос?

– Мне – нет, – ответил я, – я уже почти согласен на твое предложение, от которого, как я вижу, ну просто никак нельзя отказаться... Но тут присутствуют люди, которые потом будут обвинять меня в том, что я недостаточно горячо отстаивал их права...

– Нет у них никаких прав, – перевела Вика буркнувшего короткую фразу искина, стараясь воспроизвести его суровое выражение, – одни обязанности. Кто хочет жить – гребет на веслах как все, кто не гребет – летит кувырком за борт. Нет тут никакой демократии, она для тех, кто уже заслужил гражданство; для таких, как они – тут сплошная тоталитарная диктатура.

– Все это слышали? – громко спросил я, обернувшись назад. – Я делаю выбор за всех, выбирая жизнь для себя и всех вас, и принимаю условия уважаемого искина Кандида; но каждый из вас, если он так торопится умереть, отдельно для себя имеет право выбрать смерть, и это будет только его свободный выбор.

день первый, два часа после стыковки челнока с кандидатом в императоры,

Космический линкор планетарного подавления «Несокрушимый», он же искин Кандид

Ну вот и все. Кандидат в Императоры пусть нехотя, но искренне (об этом сообщил психосканер) согласился на предложенную ему работу Императором. В этом выборе, как я понимаю, немалую роль сыграла прицепившаяся к нему фемина с характерным для таких особ именем Виктория, которая ни на шаг не отходит от своего покровителя, играя при нем роль переводчика, секретаря и домашней управительницы. А то наш будущий император удивительно безграмотен в том, как должны вести себя в быту особы высокого положения. Нездоровые демократические привычки из него так и прут, и приходится все время следить, чтобы его гуманизм не пересек опасную границу. Пока еще не было повода подозревать нашего будущего императора в чрезмерной мягкости, но думаю, что в ближайшем времени нам еще предстоит столкнуться с этими проблемами. Взятый вместе с Кандидом человеческий материал – по большей части низкосортный, но он, находясь в своем праве, запретил мне даже заикаться о каких-нибудь выбраковках. Мол, люди – это не скот, и к ним нельзя относиться так же, как к каким-нибудь племенным баранам. Он считает, что любой (ну или почти любой) человек может приносить пользу, и надо только знать, каким образом их надо применить. Странная точка зрения, потому что если человек бесполезен, то он бесполезен везде и всюду. Или, быть может, у этого мира есть какой-то иной опыт, что было бы

странно...

Таким образом, Кандидат взял у меня трое стандартных суток на то, что бы решить (как он выразился, утрясти) организационные вопросы, и я ему это время дал. Если это принесет пользу, то я дам ему и семь дней, и стандартный месяц, и даже полгода, ибо, не решив эти самые организационные вопросы, невозможно приступить к выполнению главной директивы по построению новой империи. Кандидат занят, и я тоже не сижу сложа руки или, точнее, свои электронные импульсы. По его совету я взломал местную информационную сеть, расшифровал языки, многие из которых имели знакомую мне латинскую основу, и погрузился в море бушующей в этом мире дикой информации. Анализ полученных сведений еще впереди, но даже доступные пока мне крохи шокируют и заставляют заполнять один банк данных за другим. Оказывается, в этом мире раньше уже существовала Великая Империя, наследница Первого Рима, которую держит в памяти мой Кандидат, собираясь воссоздать в новом мире образ былого величия. В рамках его будущих императорских прерогатив мне велено изучить это величественный образ и проникнуться мыслью о его воссоздании.

Как оказалось, один последний Император этой павшей империи (после него были только временщики) как-то сказал по похожему с нами случаю: «кадры решают все», и я с ним полностью согласен. С тем кадровым набором, который совершенно случайным образом оказался вместе с Кандидатом на одном летательном аппарате, никакую империю построить невозможно. Нам еще предстоит по возможности широкий подбор кадров, которые отвергнуты этим уродливым миром, но при этом будут полезны нашей новой империи. В связи с этой работой я выделил значительную часть своих вычислительных мощностей на расшифровку и усвоения акустических форм нескольких местных основных языков. Большая часть времени при этом выделена для освоения родного языка Кандидата, потому что основные кадры, чтобы не нарушить внутренний образ строящейся империи, мы с соблюдением Основных Директив будем набирать именно среди его соотечественников.

И если вы думаете, что среди оскорбленных и отвергнутых не найдется нужных нам людей, то вы жестоко ошибаетесь. Бывшая империя переживает сейчас период жестокой смуты, и хоть до гражданской войны дело так и не дошло, но все равно положение в том государстве сейчас далеко не лучшее. В армии распущены целые легионы, на флоте из-за недостатка средств многие крупные боевые корабли поставлены на прикол и приговорены к разделке на металл, а в промышленности один за другим

закрываются заводы и мануфактуры. В результате кадровые офицеры, инженеры, а также высококвалифицированные рабочие, которые в нашей Империи обязательно имели бы гражданство первого класса, оказываются без средств к существованию. Мы не сможем взять всех, и не все откликнутся на наш призыв, но те, кого мы все же возьмем, будут гораздо лучше тех представителей, которых нам вместе с Кандидатом принес слепой случай в виде внезапно сломавшегося в полете летательного аппарата.

Кстати, моя голограмма радикально сменила имидж. Оказалось, что мой прежний образ напоминал Кандидату адмиралов их вероятного противника, поэтому теперь мой мундир глубокого черного цвета, на фоне которого так контрастно выделяются золотистые пуговицы и золотые погоны с тремя черными двуглавыми орлами, а прежде гладко выбритое лицо украсилось окладистой седой бородой. Видно, как после перемены имиджа сразу изменился взгляд Кандидата. Теперь с ним можно по-настоящему сотрудничать, а не противостоять как на поле боя, потому что при прежнем образе он подсознательно воспринимал в штыки все мои предложения, ибо у главных оппонентов этой бывшей империи репутация завязанных лгунов и людей, не держащих свое слово.

день первый, три часа после стыковки, «Несокрушимый» императорские апартаменты.

Капитан морской пехоты Владимир Владимирович Шевцов, Кандидат в Е.И.В.

Ну вот я и Кандидат в Его Императорские Величества. Первоначально я на это пошел только из-за безвыходности положения, ибо в противном случае бесчувственная железяка иноцивилизационной выделки повыкидывала бы всех спасенных в открытый космос, чтобы через некоторое время попробовать еще раз уже с другим Кандидатом. Не все же так равнодушны к Власти как я, некоторые вполне приличные с виду люди на поверку могут оказаться и честолюбцами, и властолюбцами, и Бог его знает кем еще. Власть Императора не ограничена ничем, кроме его совести, а если совести нет совсем, тогда императорская власть вообще ничем не ограничена. Такой уж тут закон; и многие, попав в подобные условия, наворотят такого, что самые кровавые тираны прошлого по сравнению с ними покажутся жалкими эпигонами.

Но потом, когда прошел первый шок, у меня появились и другие соображения, помимо первоначальных. Ведь наше государство никогда не было устроено хоть сколько-нибудь оптимальным способом, а все оттого, что элита, имевшая своим образцом коллективный политический Запад, все

время стремилась отделиться от русского народа и его интересов, а в итоге становилась враждебной самому русскому государству. Даже большевики, захватившие власть в семнадцатом году, страдали этой болезнью в полном объеме. Сколько бы троцкистских голов не оторвал товарищ Сталин во второй половине тридцатых, коллективный коммунистический эгрегор так и не мог избавиться от ощущения своей вторичности по сравнению с западным социал-демократическим движением, хотя сами же советские вожди костерили лидеров этого движения политическими импотентами и проститутками. А что, если начать все сначала – точнее сказать, с чистого листа, исключительно с мотивированными людьми и патриотами России, готовыми собственными руками на новом месте построить улучшенную и продвинутую Российскую империю – разумеется, под нашим с искином Кандидом чутким руководством? Для начала принять все условия и набрать команду, а потом (я не верю, что наши программисты не сумеют взломать код) освободившись от ненужного нам сборника директив, вернуться на землю и навтыкать всем нехорошим ребятам с дикого «запада» по самое «не хочу». Как там говаривал Аль-Капоне? Межзвездным линкором и добрым словом вы всегда добьетесь большего, чем просто добрым словом...

Кстати, как выяснилось в ходе «следствия», кроме нас, спасенных с падающего самолета, на борту «Несокрушимого» других живых людей нет. Команда на этом линкоре отсутствует изначально, и это является еще одной дополнительной проблемой искина Кандида. Не все в полете может быть сделано автоматически. Кто-то должен стоять на вахте в командно-навигационном центре, принимая решения, возможно, связанные с жизнью и смертью корабля и всех людей на его борту. Кто-то должен руководить роботами-уборщиками, а кто-то – роботами-ремонтниками. Кто-то – составлять меню для автоповаров в столовой, а кто-то – контролировать работу утилизационных систем. Неизбежен набор достаточно большого числа отставных флотских офицеров, желательно служивших на «Орланах», «Атлантах» или «Кречетах».* При этом для искина «Несокрушимого» возраст соискателя не имеет никакого значения; имеющееся на борту медицинское оборудование способно возвращать полную работоспособность даже шестидесяти-семидесятилетним старикам, лишь бы у них имелся так необходимый нам опыт службы.

Примечание авторов:

«Орланы» – тяжелые атомные ракетные крейсера проекта 1144 («Петр Великий»).

«Атланты» – ракетные крейсера проекта 1164 («Москва», «Варяг»)

«Кречеты» – авианесущие противолодочные крейсера проекта 1143 («Киев», «Минск», «Новороссийск», «Баку-Горшков-Викрамадитья»).

Также на борту «Несокрушимого» имеется весьма многочисленное авиакрыло: истребители, бомбардировщики, разведчики, малые и большие десантные челноки. И все это требует большого количества пилотов и прочих авиаспециалистов. Но больше всего места на корабле отведено Десантному Корпусу, численность которого на борту может достигать тридцати пяти тысяч человек. Можно и больше, но только на очень короткий срок, потому что тогда системы жизнеобеспечения начинают работать с перегрузкой. А это, как правило, очень плохо для здоровья. Разумеется, нам не набрать и одной десятой от этого числа, но искин «Несокрушимого» говорит, что нам нужен только инструкторско-командный состав, потому что он знает координаты мира, в котором можно будет набрать большое количество рядовых, готовых служить у любого удачливого вождя за умеренную плату, возможность повидать мир, совершить подвиги и прославиться.

Но это пока предварительные наметки, потому что если огласить полный список хотелок, то выполнение всех пожеланий в полном объеме окажется невозможным. В самое ближайшее время, как только закончатся хлопоты по обустройству, мне предстоит провести совещание со своим активом, который искин Кандид называет Советом Графов. Ну и пусть – ты его хоть ЦК КПСС назови, только в печь не сажай. Состав этого актива – величина тоже еще переменная; возможно, люди, которые смогут посоветовать что-нибудь полезное, выделятся из числа пока еще пребывающих в шоке пассажиров нашего рейса, а возможно, будут законтрактованы как добровольные эмигранты. Кстати, о девушке Вике, которая с тех пор как я произнес роковые слова о том, что беру ее под защиту, не отходит от меня ни на шаг, хотя ей реально больше ничего не угрожает. Вцепившись в мою руку, она вместе со мной прошла в императорские апартаменты, и теперь устраивается здесь как хозяйка, первым делом заявив, что мне, как будущему императору, срочно необходимы переводчица, секретарь-референт, администратор и любовница; и все три этих должности она берется совмещать в одном лице – естественно, своем. И хоть стой ты, хоть падай; семнадцать лет всего дурочке, фигура как из палочек, коленки острые, ни сись, ни попы, а она уже рвется в любовницы к взрослому мужику.

Тогда же и там же.

Виктория Полянская, 17 лет, переводчик, секретарь-референт и администратор Е.И.В.

Ну вот, всю жизнь мечтала стать любовницей какой-нибудь важной особы. Ну, не всю, пожалуй – в детстве хотела стать укротительницей львов... Но с возрастом что-то безрассудства во мне поубавилось и расхотелось совать свою вовсе даже не глупую голову в пасть хищникам... Собственно, в том, к моему желанию стать пассивей большого человека деньги не имели ровно никакого отношения. Ведь у моего собственного папочки бабосов просто немерено, и он никогда не отказывает любимой дочке в некотором количестве резаной зеленой бумаги. Нет; тут играло роль другое – мне хотелось стать сопричастной к чему-то великому и лично почувствовать пульс времени...

Но все это теперь казалось мне детским лепетом. После того как капитан Шевцов собственными руками убил двух напавших на меня уродов, а потом взял меня под свою защиту, я испытала совершенно невиданные чувства. Это произошло мгновенно. Затрудняюсь описать свои ощущения, но когда я на него смотрю, наблюдаю, как он движется, разговаривает с подчиненными (или же с этим дурацким искином), то в трусиках у меня сразу же становится мокро, а к щекам приливает волна жара. Наверное, это значит, что я влюблена. Или нет... В общем, не знаю, я в полной растерянности, хотя стараюсь не подавать виду, потому что я всегда умела владеть собой, и всегда этим гордилась.

Поклонников у меня всегда было море. И, не скрою, я умела мастерски морочить им голову. Но все они были лохами, инфантилами, уродами и прочее – словом, до моего идеала никто не дотягивал. И потому, несмотря на свою репутацию полной оторвы, я все еще оставалась девственницей... Да, я берегла свою невинность, и, собственно, до сей поры на нее никто не покушался. Парни вообще меня немного побаивались. Я – особа, очень уверенная в себе, и просто не выношу, когда кто-то треплет мне нервы. Я могу устроить такой скандал, что мало не покажется. Да и подраться за мной не заржавеет – если, конечно, это необходимо.

Словом, хоть все мои подруги уже давно занимались «этим», я все еще ждала своего героя. Своей девственностью я гордилась. Поскольку я ценила себя очень высоко, то и подарить ее собиралась самому-самому... И вот он появился – этот самый-самый. Это точно он. Меня даже никакие сомнения не терзают. Я отдаю себе отчет в своих желаниях – да, я хочу, чтобы именно капитан Шевцов был тем, кто на гладких шелковых простынях императорской спальни лишит меня девственности... Фу, некрасиво как-то звучит – «лишит». Ничего он не лишит! Он, наоборот, подарит мне себя. Потому что я так хочу, я так решила. А я всегда добиваюсь поставленных целей – это у меня от папочки. Вот хоть весь мир

перевернись – а будет по-моему!

А будет это просто чудесно... Романтично, нежно и очень эротично... Хочу, чтобы он раздевал меня медленно, ласкал и гладил, и шептал разные милые непристойности, а я чтобы млела от его легких прикосновений... Чтобы целовал меня жадными поцелуями, от которых я буду пьянеть... А потом чтобы он поднял меня на свои сильные руки и отнес в ванну (которая тут больше похожа на бассейн для купания бегемотов) и вымыл там, не пропуская ничего... И лишь потом, завернув меня в огромное махровое полотенце, отнес бы в спальню, на императорский сексодром размером «пять на пять»...

Но это все одни лишь пустые мечты, потому что капитан Шевцов настолько закомплексован, что видит во мне только тощую несовершеннолетнюю особу, которую надо опекать и защищать. С превеликим скрипом он согласился принять мои секретарь-референтские и администраторские услуги, которые и позволили мне проникнуть в это роскошное императорское логово. Но мое намерение стать его возлюбленной только возрастает, и при этом я осознаю, что это я буду его соблазнять своим раскованным поведением и сексуальным внешним видом, а он будет изо всех сил уклоняться. Но ничего... Почему-то мне кажется, что в конце концов он не устоит, и, потеряв голову, ринется в любовный омут... Да-да, уж я постараюсь. Тут-то и пригодятся уроки моих подруг на тему «Как обольстить мужчину и свести его с ума». Он меня еще в кружевном пеньюаре и черных чулочках не видел... А ведь есть еще и другие приемы. Я думаю, что эта крепость не долго будет держать оборону...

день первый, пять часов после стыковки, «Несокрушимый», императорский салон.

Капитан морской пехоты Владимир Владимирович Шевцов, Кандидат в Е.И.В.

Первое мое совещание с Активом в ранге Кандидата в Е.И.В. Там, на борту челнока, собирая вокруг себя людей, я был всего лишь неформальным лидером, имеющим поддержку организованной группы, ничем иным мои претензии на руководство подкреплены не были. Теперь за мной вполне официальный статус Кандидата в императоры и всеобщее понимание того, что если мы провалим первый этап подготовки к основанию Империи, то добрейший искин Кандид, в котором сентиментальности меньше, чем в белой акуле, попросту уничтожит всех нас до единого, после чего начнет поиски вариантов для следующей попытки.

Основными Директивами перед ним поставлена задача основания Империи, но там ничего не сказано о том, сколько времени должен занять этот процесс и сколько неудачных попыток может прийти на одну удачную. Публика у нас на рейсе была самая разная, в основном далекая от всякого понимания дисциплины, но понимание этого факта держит людей в тонусе ничуть не хуже расстрельной команды НКВД за спиной. С другой стороны, ничего такого особенного от нас не требуется – ведь, подумаешь, всего-то надо основать среди звезд новую русскую цивилизацию. Минимум на круг это должно составлять не менее восьми тысяч человек, необходимых для того, чтобы не деградировала культурная и генетическая база будущей империи.

В такое, гм, интересное время, как сейчас, стоит только кинуть клич – и люди потянутся, только успевай отсеивать откровенных пьяниц и бомжей. У меня у самого в телефонной книжке как минимум пять номеров вполне благонадежных и очень полезных людей, на которых я могу рассчитывать как на будущих соратников. И это не только отставные офицеры, но и многие другие, которые вынужденно не живут, а выживают. У многих других членов моего актива таких кандидатов не меньше. Кроме того, почти все пассажиры нашего бывшего рейса, за исключением таких холостых и бездетных как я, хотели бы забрать с собой свои семьи. А вот с этим может выйти проблема, (вернее, конфликт интересов), поскольку значительную часть пассажиров (точнее, пассажирок) нашего бывшего рейса составляют жены действующих офицеров, и эти женщины, чтобы прокормить семьи, вынуждены челночить с китайским и японским барахлом до Черкизона, пока их мужья тянут лямку на службе Родине. А если такой муж является действующим военным служащим, то без увольнения в запас по всем правилам с их стороны это уже получается дезертирство.

Кстати, я узнавал у искина – дети в качестве перспективного контингента даже предпочтительнее взрослых, так как они быстрее адаптируются к новым реалиям. К тому же подрастающее поколение сразу будет осваивать нужные империи специальности, не забивая себе голову ненужным информационным багажом. А вот насчет этого можно и поспорить, потому что я считаю необходимым не просто сохранить память о нашей прародине, но и забрать с собой как можно более широкую культурную базу, в основном в виде печатной литературы, а также видеоверсий известнейших художественных фильмов как российско-советского, так и зарубежного производства.

И человек для работы на поприще хранения и выдачи на руки будущих

культурных сокровищ у меня уже есть. Валиева Галина Петровна, библиотечарь с почти тридцатилетним стажем. При наличии достаточного количества времени и денег, разумеется, можно было бы найти фильмы и на пленочном носителе, но опасаясь, что через некоторое время нас уже будут с собаками разыскивать все существующие спецслужбы. Поэтому вся наша деятельность (как в культурной, так и во всех остальных областях) должна строиться по схеме «схватил и убежал». Иначе придет большой и злой Полярный Лис и всех перекусает.

Итак, первое совещание с Активом я собрал в так называемом императорском салоне. Искин говорит, что по плану использовать это помещение мог только кто-то из членов правящей императорской семьи, которые должны были обедать тут со своими приближенными, а также проводить деловые совещания. Кстати, стол, стоящий посередине салона, имеет овальную форму, как бы намекая на то, что в Империи все равны (форма стола округлая, без углов), но некоторые все же равнее других (имеются два ярко выраженных конца). Я уселся на одну сторону этого овала, голограмма искина Кандида на другую, а все остальные расселись на понравившихся им местах; и после этого еще осталось пустых стульев на полсотни человек.

Всего актива, не считая меня самого и стоящей за моим левым плечом Вики (которой предстояло вести протокол нашего сегодняшнего собрания), на данный момент имеется восемнадцать человек. Пока я не видел их как живых людей, и были они для меня как некие овеществленные функции. Девять военных и девять гражданских. Это я не специально, просто так получилось. Шестеро моих – лейтенанты Петр Андреев, Андрей Васечкин и Валентин Согоркин, прапорщик Петр Сегизбаев и старшины Игорь Ячменев и Сергей Бычков – сели по правую руку от меня. На той же стороне стола за ними расположились кавторанг Андрей Карлович Адамов из штаба флота, капитан-летчик Алексей Карпов с вцепившейся в его руку перепуганной молоденькой женой и капитан финслужбы Нина Макагон, еще достаточно привлекательная женщина неопределенного возраста с крашенными в рыжий цвет волосами. Для меня лично мадам Макагон старовата, но вообще на безрыбье с пивом пойдет. Ага, шучу, Вика сразу мне глаза выцарапает.

Места граждански были от меня по левую руку. Ближе ко мне сидел экипаж нашей разбившейся каракатицы: пилот первого класса командир корабля Сергей Баечкин, его второй номер, то есть пилот Антон Ромкин, бортинженер Александр Васильев, и их старшая стюардесса которую все зовут Мариной Андреевной. За ними расположились врач-терапевт Мария

Макова, так удивительно похожая на свою фамилию преподаватель экономики в ДГУ Анна Мордасова, учительница младших классов Елена Пелицкая, инженер-электронщик Олег Маторин (единственный мужчина среди гражданских, и уже упоминаемая мною библиотекарь Галина Валиева. Этот первый состав Актива еще далеко не постоянный; я уверен, что в его состав еще придут новые люди, а кто-то почти неизбежно покинет наши ряды как не справившийся с персональным заданием.

Обвожу всех внимательным взглядом удава, который гипнотизирует стадо кроликов и заявляю:

– Добрый вечер, товарищи. Первое заседание нашего Актива прошу считать открытым.

Вика переводит мои слова на латынь, и искин Кандид раздражается недовольной скрипучей фразой:

– Экселенц*, я же вам уже говорил, что такое мероприятие должно называться Советом графов, и никак иначе.

Примечание авторов: * *экселенц* – преимущество, превосходство, мастерство, искусство, совершенство – одним словом, аналог титула *ваше высокопревосходительство*.

– Ну какие же из них графы, Кандид? – отвечаю я, покачав головой. – Не доросли еще. Даже я пока не ощущаю себя по-настоящему кандидатом в императоры. Так, сплю и вижу страшный сон. В лучшем случае наше мероприятие можно назвать заседанием Государственного Совета, так и государства у нас пока еще никакого нет, а появится оно не раньше, чем ты снимешь с нас дамоклов меч внезапного уничтожения, как не справившихся с работой.

– Внезапного уничтожения не будет, – буркнул Кандид, – вся ваша деятельность будет оцениваться по шкале в сто баллов. Набрали полные сто баллов – улетаем основывать Империю. Остаток ноль баллов – задание провалено, со всеми вытекающими из того последствиями. И вот тогда не обессудьте, таковы мои Основные Директивы. Сейчас, с учетом уже проведенных организационных мероприятий и настоящего заседания, в вашем активе ровно пятьдесят баллов. Дерзайте, господа.

Мы все переглянулись. Да уж, чрезвычайно бодрящее заявление. Умеет этот Кандид поднять настроение перед боем, поставив позади строя расстрельную команду с пулеметами.

– Так, – сказал я, – поскольку все всё поняли и осознали, приступим к обсуждению вопросов по существу. Первый вопрос – это наличие телефонной и интернет связи с Землей. Без этого мы просто не сможем начать агитацию среди своих знакомых... У кого-то контакт записан как

номер в телефонной книжке, а у кого-то это ник на форуме или в социальной сети.

– Такая связь уже налажена, но пока не выведена на терминалы, потому что пользовался ею только я лично, в течении двух часов задача будет решена, – ответил искин Кандид. – Что касается голосовой связи по так называемому телефону, то я не считал ее важной и, подключаясь к вашим коммуникационным спутникам, не позаботился о ее наличии.

– Это ерунда, – безапелляционно заявил Олег Маторин, – если у нас будет «нэт», то будет и телефонная связь, потому что в сети есть несколько сайтов, позволяющих совершать звонки в любую точку земного шара через интернет.

– Замечательно, – сказал я, – первый пункт программы, можно сказать, решен. За эти два часа каждый из вас должен подготовить список тех лиц, которых мы могли бы пригласить с собой. Подумайте о тех, кто не нашел себя в этой жизни, кто вместо работы по основной специальности вынужден заниматься всякой ерундой, вроде торговли на базаре домашним рукоделием или челночными поездками с китайскими шмотками в Москву на Черкизон. Но будьте осторожны, некоторые из ваших знакомых могут решить, что выиграют больше, продав нашу тайну «органам», иностранным спецслужбам, или даже банальным бандитам. Конечно, в итоге всех этих людей закопают в безымянных могилах, но дураков на Земле от этого меньше не станет. Если у вас или ваших людей будут сомнения по поводу кого из кандидатов, то лучше посоветуйтесь со мной или с моими людьми...

– Если будут сомнения, – своим скрипучим голосом сказал искин Кандид, – то лучше обращайтесь ко мне. У «Несокрушимого» есть возможность дистанционной разведки и контроля поведения любого отдельно взятого индивидуума, но лучшей гарантией от предательства и невыполнения взятых на себя обязательств считается портативный полевой психосканер, который точно покажет, какого рода эмоции испытывает в данный момент ваш собеседник. Гарантия сто процентов!

Я хмыкнул и спросил:

– А что если связь осуществляется по телефону или вообще по интернету, посредством личных сообщений в соцсетях или электронных писем?

– В случае голосовой связи, – Кандид склонил голову в мою сторону, – существуют программы, позволяющие анализировать не только слова, но и полный акустический спектр голоса. В случае же если первичная связь осуществляется в текстовом режиме, тогда я думаю, стоит договариваться о

сеансе аудиовизуальной связи. Тогда и ваш собеседник по интерьерам поймет, что вы его не обманываете, и мы сможем взять под контроль его эмоции.

– Такая штука у нас есть, и она называется «скайп», – кивнул Олег Маторин. – Конечно, доступна это удовольствие далеко не каждому, но альтернативой «скайпу» может быть только личная встреча с риском нарваться на засаду.

– Давайте не будем превращать нашу историю в дешевый криминальный боевик, – сказал я, – своей властью кандидата в императоры накладываю запрет на общение с всякими группами риска, вроде разорившихся бизнесменов и прочих жуликов мелкой руки, если их невозможно предварительно проверить этим самым психосканером вдоль и поперек. Вряд ли домохозяйка тетя Люба или инженер дядя Вася побегут сдавать нас бандитам или в ФСБ, а вот бизнесмены, если их плотно возьмут за жопу, способны продать не только китайские линяющие джинсы лоху, но и неудачливого партнера конкурентам или налоговой. И все на этом. Понятно?

Все кивнули, и на том разговор вроде бы прекратился, но, видимо, кому-то было понятно не до конца, потому что эта тема еще раз всплыла, но уже под самый конец нашей подготовительной программы, и, по счастью, с минимальными потерями.

Тогда же и там же

Макова Мария Петровна 36 лет, бывший врач-терапевт, а ныне просто челночица.

Не люблю, и никогда не любила военных. Особенно таких дерзких, самоуверенных и готовых взять на себя всю тяжесть мира. А этот Шевцов, оказывается, еще и кандидат в Императоры... И если бы не угроза смерти со стороны этого инопланетного железного чудовища, то я обязательно бы встала и высказала все, что думаю об этом ужасном заносчивом типе с замашками кровавого диктатора. А этот держиморда, который везде ходит вместе со своей малолетней лахудрой, что так бесстыже вешается на него, останавливается прямо напротив меня, тычет в мою грудь пальцем и говорит:

– Мария Петровна, мне сказали, что вы у нас врач. Это так?

– Да, – дерзко отвечаю я, – я была врачом-терапевтом, а сейчас я челночица, таскаю баулы, набитые китайскими и корейскими тряпками, из Владика в Москву, потому что у нашего государства нет средств платить врачам и учителям...

– Фигня все это, Мария Петровна, – прерывает меня этот нахал, –

забудьте про свои баулы, потому что я конфискую вашу медицинскую подготовку для нужд нашего маленького коллектива. И кроме того, как наш новый главный врач, извольте быть на заседании актива через полчаса.

И вот я здесь, сижу и смотрю, как этот ужасный тип каждым своим словом укрепляет свою диктаторскую власть, а я ничего не могу, и, главное, не хочу этому противопоставить. Нет ни сил, ни желания встать и сказать что нам лучше по-настоящему умереть, чем выполнять какие-то чуждые нам Основные Директивы. Во-первых – жить-то хочется, а это инопланетное железное чудовище прямо сказало, что мы либо вместе с Шевцовым достигаем успеха, либо вместе с ним отправляемся в ад, ибо он нас спас и потому стал властен над нами. Во-вторых – если мне нельзя вернуться домой (а если честно, то и не очень хочется к мужу-тирану), то я хотела бы забрать сюда мою пятилетнюю дочку Нюрочку, чтобы улететь вместе с ней далеко-далеко от того кошмара, в котором я жила до сих пор.

А этот тиран Шевцов сказал, что это не только возможно, но и желательно. А еще он сказал, что если я буду стараться и освою всю эту суперпродвинутую медицинскую инопланетную технику, то никогда больше не буду знать нужды, и не буду больше жить в холодной квартире, где случаются перебои с электричеством, а также с холодной и горячей водой. Мол, для того государства, которое собирается строить он сам, врачи и учителя будут стоять на первом месте, потому что без них вообще никуда. Я его слушаю, хочу ему верить, и не могу, потому что он офицер, и к тому кандидат в эти ужасные императоры – а значит тиран, злодей, и держиморда.

Полчаса спустя, там же

Капитан морской пехоты Владимир Владимирович Шевцов, Кандидат в Е.И.В.

Да, первое совещание с Активом на этом закончилось и мы пошли осуществлять прием пищи. Точнее, было не так. Я, своей кандидатской персоной, и люди, приятные лично мне, остались в императорском салоне, куда нам должны были подать пищу, а остальные направились в расположенную двумя ярусами ниже столовую для корабельного офицерского состава. Столовые для рядовых матросов, а также офицерские и солдатские столовые для десантников, мы пока еще не расконсервировали.

Ну, значит, во главе стола мы с Викой, напротив нас искин Кандид (только он не ест, ему не надо), а по обеим сторонам сидит мой малый Актив. С одной стороны шестеро господ офицеров (из них одна госпожа), причем один с молодой супругой. С другой стороны госпожа доктор,

госпожа учитель, госпожа главный библиотекарь и господин главный инженер-электронщик. У искина Кандида на него вроде уже какие-то виды. А вот экипаж самолета, который нас чуть не угробил, я за своим столом видеть не захотел. Какие-то они все потерянные, чувствуют, что провинились по первое число, разумеется, за исключением старшей стюардессы, но она-то как раз не велика птица. Не захотел я видеть и госпожу Мордасову, но на этот раз из морально-психологических соображений. Не хочу, чтобы она сидела тут и портила нам аппетит своим кислым видом и осуждающими взглядами в сторону меня и Вики. Как будто уже всем известно, что мы уже любовники и спим вместе. Что же касается моих старшин, то они сами встали и сказали, что пройдут и проследят, чтобы прием пищи у штатских прошел без всяких осложнений. Ну, то есть, чтобы никто никого не отгонял от раздачи, не отнимал вкусненькое и не устраивал скандалов.

Мы-то ждали, что на колесиках к нам въедут роботы-официанты, но оказалось, что на самом деле по штатному расписанию в императорском салоне были положены исключительно живые стюарды, но и они не занимались доставкой пищи, а только сервировали стол и оказывали обедающим мелкие услуги. Тарелки с переменах блюд по числу присутствующих поднимались специальными лифтами в стенных нишах, и там же рядом были расположены встроенные в стену устройства вроде мусоропроводов, в которые после обеда требовалось бросать использованную посуду. Как я понимаю, посуда эта одноразовая, из материала наподобие легкого пластика, который каждый раз проходит полный цикл переработки.

Живые стюарды, конечно же, для меня сейчас излишняя роскошь, поэтому мы, мужчины и офицеры, встали и сами галантно обслужили себя и наших дам. А что поделаешь, если пример показывает сам кандидат в Императоры. Наша докторша, которая так болезненно реагирует на всех военных, смотрела на меня при этом выпученными глазами, как на танцующего стоя на задних лапах бегемота (медведей, мол, танцующих видала, слонов видала, а вот такое чудо еще нет). Господи ты Боже мой – да, такой я, такой, и женщинам в автобусе места уступаю, и бабушек через дорогу за руку перевожу, и вообще, не стоит делать из меня чудовище только на основании того, что на моих плечах погоны, а на лбу клеймо кандидата в императоры.

Вика, правда, проворчала, что зря я так маюсь дурью. Во Владике (или любом другом городе Великой и Необъятной) не проблема найти два или три десятка выпнутых ногой под зад из детдомов молодых девчонок, для

которых работа официанткой в моем личном императорском салоне или горничной в жилом блоке было бы пределом мечтаний. А что вы хотите – профессионального образования у них нет, опыта никакой работы нет, времени и денег учиться чему-то на курсах без гарантии трудоустройства тоже нет. Вот и покупаются девки на объявления о работе официантками в загранке, после чего оказываются в бельгийских, кипрских, эмиратских и прочих борделях без права обратного билета, а то и трансплантационных клиниках в виде наборов отдельных органов. У нас этим особам, по крайней мере, будет гарантировано нормальное будущее, замужество за приятным им парнем (если таковых нам удастся набрать) и приличный уровень жизни. А уж она, Вика, проследит, чтобы все было по высшему разряду, и чтобы девки делали свое дело, не заглядываясь на то, что им не по чину, то есть на меня.

Вот кто у нас, оказывается, настоящая тиранша и диктаторша. А прикидывается маленькой невинной девочкой. Все эти заявления с ее стороны звучат пока еще наполовину в шутку, но пальца в рот Вике точно класть не стоит. Папочка с мамочкой, наверное, только вздохнули с облегчением. Хватка у доченьки тигриная или, скорее, бульдожья. В меня, например, как вцепилась, так и не отпускает. А мне и не особо уже и хочется, чтобы она отпустила. Спать я с ней не собираюсь, вот это Боже упаси, но ее присутствие снимает с меня множество мелких бытовых вопросов, позволяя заниматься непосредственно организацией Исхода.

Кстати, пока я хлебал удивительно невкусный суп (неужели у неоримлян была такая отвратная кухня, или это сбились настройки пищевого синтезатора?), Викина тирада насчет официанток навела меня еще на одну мысль о том, как нам упорядочить набор основной массы будущего контингента, и в то же время сделать минимум ошибок. Нужно просто открыть вербовочную контору и дать соответствующие объявления. Так поступили, действующие в двадцатых годах двадцатого же века, герои книги одного моего ранее любимого писателя, когда им понадобился контингент головорезов для выполнения специальных задач. В такой конторе и психосканер можно будет установить, и аппарат для гипносканирования, и много чего еще, вроде медсканера. Правда, тут есть два, точнее три, больших НО.

Во-первых – для этого хода необходимы деньги, деньги и еще раз деньги, а с ними у нас туго. Во-вторых, – на огонек могут пожаловать конкуренты, то есть бандиты, которые как раз и занимаются таким бизнесом, и с ними придется разбираться так, чтобы потом никто концов не нашел. А это зависит от того, какой уровень технического обеспечения в

части силовой поддержки предоставит нам «Несокрушимый». Опять надо будет беседовать на эту тему с Кандидом. В-третьих – через эту контору можно нанимать исключительно гражданский персонал, иначе... кранты, короче, иначе. Набегут уже не бандиты, а государевы люди из спецслужб, и дело придется сворачивать и с максимальной возможной скоростью уносить ноги, не важно, взял ты или нет нужное количество народа. Несмотря ни на какой уровень силовой поддержки, против спецназа ФСБ или МВД воевать я не буду. Не хватало еще, чтобы своя своих не спознала.

Вербовать бойцов можно будет только тишком из рук в руки, и только через знакомых и особо доверенных людей. К тому же чистые наемники меня не устраивают, им опять же надо много платить, и к тому же обеспечить обратную амбаркацию*, что, скорее всего, окажется невозможным. Мне нужны бойцы-эмигранты, которые согласятся уйти со мной в поход в один конец, и не попытаются перетянуть одеяло на себя, что вполне возможно, если мои люди вдруг останутся в меньшинстве – а это крайне нежелательно.

А быть может, ну их этих профессионалов, просто взять и набрать обычных молодых парней покрепче под видом грузчиков и разнорабочих, а мой сержантско-офицерский коллектив за полгода, максимум год, сделает из них тех самых отъявленных головорезов. Ну и еще друзья и близкие знакомых, которые захотят уйти со мной и тем самым укрепят костяк моей мини-армии. Ведь, насколько я понимаю, первое время сражаться на земле нам не придется, а потом подготовка молодежи будет закончена, и тогда бой покажет, кто и чего стоит. А те из них, которые не справятся с подготовкой, так и останутся грузчиками и разнорабочими, то есть, как выражается искин Кандид, сервами. Сословие не очень уважаемое, но, безусловно, нужное. Надо только будет закрепить правило, чтобы дети всех сословий проходили обучение и экзаменационные испытания на равных, и чтобы сословия не превращались в окаменевшие касты. Если искин Кандид хочет, чтобы в моей империи были графы, то они обязательно будут, но только не такие, каких он привык видеть.

Примечание авторов: * обратная амбаркация – в данном случае возвращение боевой группы после выполнения задания обратно в место постоянной дислокации.

Итак, мы пообедали и, скинув грязную посуду в «мусоропроводы», вышли из салона. На пороге я обернулся и увидел, как повылезшие из всех дыр роботы-уборщики, похожие на маленькие гудящие летающие тарелки, толпой принялись протирать да полировать поверхность стола, а также пылесосить мягкое покрытие пола, попутно разбрызгивая вокруг себя

облака каких-то аэрозолей. Мда, вот она, частичная роботизация в действии, даже официанткам и горничным тут не нужно заниматься тяжелым и монотонным трудом, достаточно исполнять свои обязанности по поддержанию достойного уровня сервиса.

Покинув салон, мы с Викой спустились на два уровня вниз и посмотрели, как едят последние из пассажиров потерпевшего крушение рейса. Вообще-то за этот день у всех нас это был первый прием пищи, поэтому порции автораздатчик выдавал от пуза, как на двухметровых громил-баскетболистов. Сама конструкция офицерской столовой удивительным образом копировала наши столовые самообслуживания. Единственная разница заключалась в том, что здесь не было живого персонала, одноразовые подносы были устроены так, что одновременно были и тарелками, а напитки выдавались в запечатанных пленкой стаканчиках. Лепота. Убедившись, что на вахте старшина Ячменев, а значит, все тихо и спокойно и никто никуда не идет, мы с Викторией, все так же под ручку, направились в мои – да нет уж, теперь уже наши – апартаменты.

– Слушай, Шевцов, – неожиданно сказала она мне, когда мы вышли в безлюдный коридор, – вот давеча на совещании ты сказал, что любой из нас может выйти на связь со своими близкими родственниками. Это так?

– Да, – ответил я, – а что, ты хочешь пригласить с нами своего папочку или мамочку?

– Упаси нас от этого Всесильный Боже и Дева Мария, – слева направо перекрестилась Вика, – искин Кандин выкинет папочку в космос через полсекунды пребывания на борту, а мамочка полетит за ним следом. Нет, я хочу попробовать слупить с папани отступного за то, чтобы у меня все было хорошо, а также на приданое и прочую лабуду. Там, – она ткнула пальцем в небо, – папины деньги будут мне как мертвому припарки, но здесь его связи, влияние и немножечко бабосов помогут тебе с легкостью решить задачу, которую поставил перед собой искин Кандид. А ведь он в случае неудачи не пощадит никого.

И тут я взял и подробно рассказал Вике ту свою идею с вербовочной конторой. Подумав немного, она сказала:

– Ты, конечно, умен Шевцов, силен и удалив, но без папиной помощи тебе такой трюк не провернуть. Во-первых – регистрация такой фирмы потребует времени и денег, а папа сможет предоставить тебе пустышку под ключ за несколько часов, только назначай своего человека Генеральным и работай. Во-вторых – в ходе работы такой фирмы потребуются деньги на текущие расходы. Авансы, мавансы, некие суммы за беспокойство неудачливым соискателям, и прочая ерунда. У вас у всех вместе взятых

денег хватит только чтобы нанять два-три десятка человек, и все. А у папы бабосов куры не клюют, и ради моего благополучия он даст сколько потребуется, тем более что в его масштабах это будут сущие копейки. В-третьих – как ты правильно сказал, проблемой могут стать бандиты. Пара сотен человек – и ты уже на заметке, еще пара сотен – и к тебе пришли: «делись парень или уматывай» – и что тогда будешь делать, начнешь третью мировую войну? Так вот, если твоя контора будет под папиной крышей, то кто попало к тебе не полезет. К тебе вообще никто не полезет, если делают люди, значит, так надо. Разве что какие-нибудь совсем отмороженные, но этих ты будешь иметь право замочить под корень, как на Диком Западе, и будешь прав. В-четвертых – протащить восемь или даже двенадцать тысяч через один Владик – это нереально. Нужно разбивать этот поток на несколько филиалов, причем через Владивосток вытаскивать исключительно друзей, знакомых и родичей наших пассажиров, а остальных брать в моногородах вроде всем известного Пикалева. Там люди выживают за копейки, и клиентов у тебя будет больше, чем надо. Семьями будут ломиться, ибо кризис.

Я остановился и, внимательно посмотрев на Викторину, произнес.

– Это все понятно, но только неясно, какой прок именно тебе помогать мне в таких объемах? Если все пойдет, как ты описала, Кадиду останется только галочки в свой поминальник ставить.

– А разве ты еще не понял, Шевцов, – покачала головой Вика, – мы теперь с тобой связаны крепко-накрепко, и не только потому, что твоя неудача – это моя смерть. Не понимаешь? Здесь, знаешь ли, неудобно, люди пройти могут, пойдем домой, я там тебе все объясню. На пальцах ног.

21 ноября 201..года, 09:40. Владивосток, собственный дом в частном секторе...

Подполковник морской пехоты в запасе Виктор Данилович Седов (47 лет)

Кхе, кхе, старость – она, конечно, не радость, и домик в деревне тоже. Какой дурак сказал, что сортир во дворе и печь, которую, как и сто лет назад, надо топить дровами – это романтика? Может, и так, но такая романтика очень быстро надоедает и перестает лезть в горло. Лучше без романтики и на двенадцатом этаже, но с теплым туалетом, горячей водой и центральным отоплением. Нет, с другой стороны, я не бедствую и потому не жалею, военная подполковничья пенсия – достаточное утешение на старости лет. К тому же единственная жена ушла от меня пятнадцать лет назад, то есть еще во второй половине девяностых, детей у нас с ней не было, и повторно я не женился. Когда стал командиром батальона, было

уже некогда, да и на ком. На молоденькой – неудобно и некомфортно, не старой перечнице моих лет – просто бессмысленно. Бывали, конечно, похождения по искательницам приключений, но не более того. Расставался я с этими дамами так же легко, как и с нижним бельем, никогда не прикипая к ним сердцем, так что на сторону тратить деньги мне особо было некуда, да и сейчас тоже.

Но, с другой стороны, есть у меня одна закавыка. Человек я достаточно деятельный, а выход в запас эту мою деятельность обрезал под ноль, и никаких других занятий, выйдя в запас, я не приобрел. Летом хоть можно скомандовать самому себе взять лопату и тяпку и пойти покопаться в огороде, но если я начну делать это в ноябре, то соседи не поймут и вызовут для меня специальную психиатрическую скорую с мускулистыми санитарями. Скажут, что отставной головорез крышей поехал, сейчас огород докопает и будет всех убивать. Такие вот дела, хоть сиди и со скуки играй в шахматы сам с собой. Правда, остаются контакты с бывшими сослуживцами и подчиненными, которых я с чистой совестью могу считать своими учениками. Вот был зеленый, как огурчик, лейтенант сразу после училища – и вот он уже возмужавший и заматеревший, с четырьмя капитанскими звездочками на погонах.

И лучшим из лучших у меня был Володька Шевцов, за которого я испытывал почти отцовскую гордость. Генеральской карьеры он, быть может, и не сделает, ибо слишком прям и честен, но за него мне никогда не будет стыдно. Вот. звонят мне вчера вечером из бригады, тоже мой знакомец-ученик, и со скупыми мужскими слезами на глазах сообщает, что Володьки больше нет. Мол, послали его в Москву, за молодым пополнением, начальствующим над командой «покупателей», а чартер, на который им всем взяли самые дешевые билеты, до Домодедова не долетел, грохнулся где-то посреди сибирских болот. Вечная слава и такая же память... Включил я ящик – и точно. Шум, гам, тарарам. Самолет, оказывается, был ветераном пиндостанского аэрофлота, «бегемотик» еще одного из первых выпусков, на свалке откопали, подшаманили и продали к нам – летать до тех пор, пока этот раритет не рассыплется в воздухе от старости, что в итоге и произошло. Про Володьку ничего не говорили, но все и так было понятно. Выпил я тогда за упокой невинно погубленных душ и решил, что буду при случае в храме, поставлю за них свечку, и не одну.

Но вчера вечером в храм я не пошел, поленился. Да и погода не располагала к прогулкам. То ли дождь, то ли снег, слякоть; ветер с Амурского залива, пронизывающий до костей. Но в итоге я оказался прав,

потому что сегодня утром, едва я закончил свой завтрак, как вдруг внезапно и тревожно в моем кармане зазвонил сотовый телефон. Вытащив детище корейской электронной промышленности наружу, я бросил взгляд на экран. Номер звонившего не определялся. В принципе, я не особо люблю отвечать на такие вот анонимные звонки, и поэтому сразу же сбросил вызов. Но не успел я положить телефон на стол, как тот с прежней настойчивостью зазвонил снова. То же самое повторилось и еще раз, стоило мне опять сбросить вызов. «Какой упрямый попался звонильщик, – раздраженно подумал я, – телефонные хулиганы обычно так себя не ведут. Надо взять трубку и узнать, чего он хочет, а о том, что номер не определился можно пока забыть. Вдруг так надо...»

Подняв со стола аппарат, я принял вызов и машинально сказал в трубку: «Алло».

– Здравия желаю, товарищ подполковник, – бодрым голосом «покойного» Володьки Шевцова произнесла труба, – вы сейчас можете говорить, или как? Если что, я перезвоню позже.

В ответ на такое заявление я чуть было яичницей не подавился. Мне звонит человек, которого в части все считают покойником, интересуется, один ли я, и, если что, предлагает перезвонить позже. Уж не сон ли это? А может, это подкралось ко мне безумие? Так, ладно, главное – соблюдать спокойствие. После разберемся, что к чему. Ну а сейчас что на это можно ответить? Только святую и истинную правду.

– Нет, Володя, – ответил я, – если ты намекаешь на наличие рядом посторонних, то я совершенно один и могу говорить свободно. А теперь расскажи мне, как получилось так, что в бригаде тебя считают покойником, а ты звонишь мне, живой-здоровый... Ты что, напился и опоздал на рейс?

– Виктор Данилович, – воскликнул Володя, – вы меня обижаете. Вы же прекрасно знаете, что когда все пьют, я только нюхаю пробку, и вообще, никуда я не опаздывал и улетел из Владика вместе с ребятами на том самолете.

– А как же так получилось, – спросил я, – что самолет разбился, а ты жив, здоров и разговариваешь со мной?

Трубка в ответ только хмыкнула.

– Жив не только я, – кратко сообщил Володька, – но и вообще все, кто был на борту. А остальное... извините, товарищ подполковник, это не телефонный разговор.

– Да уж, понимаю, Володя, – сказал я, пытаюсь скрыть, что донельзя заинтригован, – обыкновенное чудо.

– Не совсем обыкновенное, – ответил он, – да и не чудо это было

вовсе. Виктор Данилович, у вас есть время встретиться и кое-что обговорить? Положение у меня сложилось достаточно щекотливое, да и вам, думаю, будут интересны некоторые мои предложения.

– Хорошо, Володя, – сказал я, – подъезжай в любое удобное для себя время, я тебя жду.

Володька как-то странно хихикнул.

– Э нет, товарищ подполковник, – ответил он со смешком, – если я к вам приеду, то весь Владик встанет на уши и начнет колобродить. Уфологи, сциентологи, наркологи. Нет уж, лучше вы к нам на водохранилище. Ну, типа на рыбалку. Тут сейчас никого, так что поговорить можно будет совершенно свободно.

– Слышь, Володь, – спросил я, – а нельзя встретиться где-нибудь поближе? Старые кости ноют, и все такое.

– Нет, нельзя, товарищ подполковник, – ответил Володька, – подъедете – сами все увидите. И не надо приbedняться насчет старых костей. Я же вас не первый день знаю. Вы еще многих иных молодых способны уложить мордой в грязь и припечатать так, чтобы те не дергались.

– Хорошо, жди, скоро буду, – ответил я и прервал связь.

Да уж – как говорила мадмуазель Алиса, приняв на грудь поллитру виски – что-то дела идут все страньше и страньше. Володька этот умерший, а потом воскресший, его желание встретиться где-то у черта на куличках, потому что ближе нельзя, и тут же намек на уфологов и сциетологов. Нет, конечно, у меня была мысль, что никакого воскресшего Володьки Шевцова нет, а дурит меня какой-то злой клоун с целью развести подполковника Седова то ли на бабки, то ли на соучастие в какой-то преступной мерзости. Но на эту версию я давал не больше пяти процентов, потому что все – голос, интонации, манера разговора, построение фраз – все было Володькино, и подделать это потенциальному злому клоуну было бы затруднительно. Это точно был Володя Шевцов, но при этом сохранялось ощущение какой-то странности.

Собираясь на встречу с Володькой, первым делом я зашел в гараж, подсоединил клеммы аккумулятора и завел свою Тойоту Фанкрузер. Она у меня с ручной коробкой, девяносто пятого года, старенькая, но в хорошем состоянии. Пока движок греется на холостых оборотах, зашел в дом и экипировался с учетом возможных негативных нюансов. Под свитер – замыленный по случаю представительский бронник, который выдержит не только нож и травмат, но и ПМ, если уж не совсем в упор. В один карман куртки -разрешенный и зарегистрированный травмат, в другой – совсем не разрешенный и точно уж нигде не зарегистрированный АПС с полной

обоймой. Если это все же злые клоуны, то они будут премного и пренеприятно удивлены.

21 ноября 201..года, 11:05. Владивосток, окрестности водохранилища...

Подполковник морской пехоты в запасе Виктор Данилович Седов (47 лет)

Еще раз телефон ожил при подъезде к водохранилищу, там, где Находкинская улица переходит в полузаброшенный лесной проселок.

– Товарищ подполковник, – сообщил мне в трубке Володькин голос, – мы вас видим. Теперь все время прямо по дороге, и километра через полтора будет поворот налево, к берегу. А дальше вы и сами увидите.

Интересно девки пляшут, по четыре штуки в ряд. Как меня Володька может видеть за полтора километра, и добро бы на открытой местности с какого-нибудь холмика, а на лесной дороге, которая хоть почти прямая, но не совсем, и потому прямая видимость на ней не дальше, чем на двести-триста метров? Но делать нечего – если уже приехал, надо идти до конца, потому еще раз проверив, наличие АПСа в правом кармане, снова отжал сцепление, включил первую передачу и медленно и печально, чуть быстрее обычного пешехода поехал по этому проселку к ожидающей меня судьбе. Дорогой мне в голову лезла всякая ерунда о том, что если меня захотят замочить, то обязательно поставят противотанковую мину в правую колею, чтобы сработала под сиденьем водителя (у подполковника Седова оригинальный праворульный японец).

Но, видно, моя профессиональная паранойя была сегодня совсем ни к месту, потому что, проехав по спидометру километр и еще четыреста восемьдесят метров по ухабистому и раскисшему от дождей проселку, я действительно обнаружил съезд с дороги в сторону берега водохранилища. Было понятно, что никто, кроме владельцев таких же джипов, как у меня, или гусеничных таежных вездеходов, не сунется в эти палестины. Я свернул с проселка, как мне и было указано, и после восьмидесяти метров чуть искривляющегося пути выехал на небольшую поляну на берегу. А там меня (и явно только меня) уже ожидали три человека. Остановив машину, я, не торопясь заглушить мотор и выйти, внимательно осмотрел и саму поляну, и присутствующих на ней людей.

Первым был Володька – его я не перепутаю ни с кем даже среди тысячи офицеров, одетых в такие же черные шинели. Уж слишком он своеобразен. А уж когда он пошел к моему остановившемуся джипу, то все сомнения пропали окончательно – точно он. Рядом с Володькой, вцепившись пальцами в его локоть, семенила худая и немного

страшненькая девица, на вид явная малолетка из очень и очень хорошей (в смысле богатой) семьи. Не исключено, что ее прикид цены немереной, тянет столько же сколько стоят моя тачка, дом, и вообще все, что у меня есть. Чуть поодаль, как бы дистанцируясь от Володьки, стоял высокий худой офицер в синей ВВСовской шинели. По петлицам и прочим значкам было понятно, что этот тип относится к их элите, то есть летному составу. Вообще, крайне странная компания для Володьки, который раньше совсем не был склонен ни к общению с малолетними девицами, ни с офицерами ВВС. Летуны и морская пехота вообще существуют в разных мирах.

Но Володька был Володькой, по этому вопросу у меня никаких сомнений уже не было, и стрелять хоть в него, хоть в худую как скелетик малолетнюю девицу я бы не стал, поэтому я вытащил руку из кармана с АПСом и отщелкнул дверцу, прыгнув на мокрую от прошедшего дождя чуть прижухлую траву.

– Ну, здравствуй, «покойничек», – сказал я, пожимая Володьке руку, – надеюсь, теперь ты можешь объяснить, что ты имел в виду, когда говорил об уфологах, сциентологах, а в итоге о наркологах, в том случае, если ты явишься прямо ко мне домой.

– Теперь могу, – заявил Володька и обернувшись к летуну добавил, – Леша, снимай маскировку.

И тут... воздух над кустами в дальнем углу поляны замерцал, заколебался призрачным мороком, и, распавшись разноцветными искрами, обнажил развернутое к нам кормой нечто среднее между летающей тарелкой и американским шаттлом, только вместо шаттловских четырех движков эта штука имела приглашающее раскрытую аппарель, ведущую в десантный трюм, где спокойно мог бы поместиться танк; а уж таких джигов, как у меня, елочкой по диагонали – сразу три штуки.

– Э-э-э, Володь, – растерянно спросил я, на мгновение потеряв лицо, – а что это такое?

– Это, – ответил тот, – малый десантный шаттл, рассчитанный на десантирование роты штурмовой пехоты при полном вооружении и экипировке, или одной единицы бронетехники на выбор.

– Да, – сказал я немного издевательским тоном, – конечно, это все объясняет. Только, наконец, скажи мне, Володь, откуда этот малый десантный шаттл взялся и каким боком он относится к тому, что ты, или все вы, спаслись при крушении самолета? Как сказали вчера в новостях, он падал почти отвесно, и через это ушел в болото, разлетевшись на мелкие дребезги.

– Правильно утром сказал Кандид, – произнес летчик по имени

Алексей, – там, если что и найдут более или менее целым – так это движки, а все остальное – в труху, перемешанную с болотной жижей, так что концы в воду и жизнь с чистого листа.

– Да, Леш, болото – это тоже в какой-то мере вода, – сказал Володя, а потом, повернувшись ко мне, принялся рассказывать, а точнее, докладывать эту историю обстоятельно и по порядку, как это умеет только он.

От того, что он говорил, у меня волосы вставали дыбом, и совсем неважно, что уже лет пять я лыс как колено. Бывают же фантомные боли, когда болит отрезанная рука или нога, а у меня фантомно вставали дыбом давно выпавшие волосы. И было от чего. Полусумасшедший искусственный интеллект, подчиняющийся каким-то древним заповедям и ищущий среди людей кандидата в какие-то там императоры. Спасение людей – и тут же обещание их всех уничтожить, если они не справятся с порученным им заданием. И самое главное – кандидатом в эти самые императоры оказался мой ученик и просто хороший человек капитан морской пехоты Володя Шевцов, а не какой-нибудь помешанный на власти маньяк. Но все равно такой шантаж для меня как-то неприемлем, и, вообще, как это вообще возможно – ставить людей перед таким выбором? Об этом я прямо и честно сказал Володьке, хотя он тут тоже сторона страдательная, вынужденно пляшущая под чужую дудку.

– Товарищ подполковник, – воскликнул Володя, – вы что-то там совсем размякли, на гражданке. А у нас что, совсем по-другому? Государство, которое якобы нас кормило-поило, давало нам образование и производило прививки и делало прочее медицинское обслуживание, потом предъявляет на нас права и требует отдать ему определенный воинский долг, исчисляемый одним годом службы по призыву. И если кто-то попробует этот долг не отдать, то ему будет очень и очень плохо, а в военное время вплоть до летального исхода. С другой стороны, разве вы, товарищ подполковник, никогда не хотели на новом месте начать с чистого листа историю Российского государства, оставив позади авгиевы конюшни нашей власти и в то же время оставаясь среди своих, и не растворяясь среди иноплеменных для нас людей? Разве эта цель не стоит всех усилий и жертв?

– Володь, – спросил я, – а ты уверен, что справишься с этой задачей? Ведь создание нового государства, да еще и империи – это не такое простое дело, и вдруг ты его провалишь? Это тебе не ротой командовать, и даже не батальоном.

– Виктор Данилович, – устало сказал мне Володька, – если откажусь от этого задания, то люди, которые зависят от меня, умрут все до единого,

если я провалю это задание, то они все равно умрут, и умрут они также в том случае, если я попытаюсь дезертировать. Вы меня поняли. Только успешное выполнение задания искина Кандида и основание Империи гарантирует всем жизнь, и ничто больше.

– Понятно, Володь, – кивнул я, – ну что же, делай то, что обещал... Это ведь то самое предложение, от которого, как ты говорил, нельзя отказаться.

Володька вскинул голову и торжественно произнес:

– Товарищ подполковник, официально предлагаю вам вместе со мной принять участие в основании Космической Русской Империи в должности командующего моей личной гвардией и императорского Наставника, что подразумевает генеральское звание и графский титул. Не знаю, во что все это выльется, но точно могу сказать, что засыхать от скуки вам не придется, и я все это время буду рядом. Ближайшие лет пятьдесят...

Ну нет, с того момента, как я увидел этот летучий аппарат с приглашающее открытым люком, так сразу понял, что что-то такое будет, Володька обязательно позовет меня с собой, ибо по-другому он не может. Но должность командующего Гвардией, генеральское звание и графский титул – это, по-моему, все-таки перебор. У него хоть есть полномочия давать такие обещания? Или пока он только играет в будущего Императора, сам не понимая того, что говорит? Хотя, конечно, хотелось бы потряхнуть стариной, и не под командой сцыкливых московских начальников, которые чуть что отзывают войска обратно, а под руководством настоящего командующего, который в случае необходимости не засцыт кинуть гвардию в огонь боев. Но как же все-таки быть с полномочиями?

– Полномочия у меня имеются, – подтвердил Володька, – и своих слов я обратно не беру.

– Эх, ладно, – сказал я, – была не была. Прав ты, Володя – надоела мне такая жизнь без цели и без смысла, согласен я на твое предложение. А теперь скажи, что мне придется делать прямо сейчас, ведь никакой гвардии, как я понимаю, у тебя еще нет.

– На данный момент, Виктор Данилович, – быстро сказал Володька, – пока мы никуда не улетели, предлагаю вам временную должность моего Главного Представителя на поверхности планеты, со всеми вытекающими из этого последствиями. Никому из нас, «покойников», на поверхности планеты светиться не стоит, так что председательствовать в вербовочной конторе, очно контактировать с Викиным папаней и набирать первичный контингент придется тебе. А сейчас загоняй свою тачку внутрь, и давай слетаем вместе на «Несокрушимый», надо познакомить тебя с Кандидом и

активом, и вообще ввести в курс дела, чтобы вы окончательно поняли, что никакой бутафорией тут и не пахнет, и что все всерьез, аж дальше некуда. Ну и на Землю нашу из космоса полюбуется, что раньше было доступно лишь элитным космонавтам.

– Ладно, Володь, – сказал я, снова сядя в машину, – полетели, но только, чур, до отбоя вернуться обратно. И хоть никто дома меня не ждет, но все равно так положено. Спать я привык пока еще в своей постели...

день 3-й, корабельное время 12:25, «Несокрушимый», императорский салон.

Виктория Полянская, 17 лет, переводчик, секретарь-референт и администратор Е.И.В.

Вот стою я голая и босая на мягком ковре, разглядываю себя после душа в большом зеркале во весь рост и думаю – то ли я дура, то ли Шевцов импотент? Идет третий день, а у меня все никак не получается его соблазнить. Выскакивает из моих пальцев как намыленный. Уж я с ним и так, и эдак, и со словами и без слов, а он все ни в какую. Правда, из своих апартаментов он меня не гонит, но и только. Спим мы все равно не вместе в главной спальне, а в примыкающих к ней маленьких комнатах, которые можно воспринимать либо как детские, либо как спальни для доверенной прислуги, которая и днем, и ночью должна быть подле царствующей четы. Если это помещения для прислуги, то хорошо жили эти неоримляне. У меня в папином доме комната меньше и не такая роскошная.

Но все равно отказываться от своей цели я не желаю, и в то же время не хочу скулить под его дверью как собачка, которая просит, чтобы ее впустили, потому что, уходя спать, он всегда запирается изнутри, чертов извращенец. Вот мне и остается только злобно кусать локти. Ведь я не дура и не уродка, все, что надо вполне при мне, а то, чего еще нет – расцветет в самом ближайшем будущем. Говорят, что я вся в мамочку. Та тоже до восемнадцати лет была гадким утенком, а потом расцвела так, что все подружки так и сели на свои жопы, раскрыв рты. Иначе бы ей не удалось заарканить моего папочку, а то он у нас знаете какой переборчивый в отношении женского пола, аж пипец, но мамочка на какое-то время затмила всех и увела моего папу под венец.

Кстати, разговор с папочкой состоялся по скайпу. Этому Кандиду врезаться в наш интернет так же просто, как мне зажечь в спальне свет. Папе уже успели доложить о том, что я пропала (то есть сбежала от мамочки), а потом и то, что я села на тот самый дурацкий самолет, который разбился вдребезги. Поэтому первое, что я увидела, когда заработал канал связи, это бутылку коньяка, рюмку и уже изрядно осовевшего папу со

злыми, как у голодного скорпиона, глазами. Без скайпа он бы ни за что не поверил, что я – это я, да и со скайпом дело шло очень туго. Конечно, приятно, когда тебя так оплакивают, но мне и Шевцову папа нужен был вменяемым и до предела работоспособным.

– Э... – сказал папа, – увидев мое изображение и протирая глаза, – Викуля, ты что жива? А то мне сказали, что ты уже того...

– Привет, папа, – ответила я, – да, я жива, и тебе того желаю. А ты что, уже не ждал меня увидеть живой и здоровой?

– Не ждал, – пьяным голосом сказал папа, – мне сказали, что ты села на тот дурацкий самолет который два дня назад разбился в Сибири. Даже соболезнования принесли... Но как так получилось, что все думают, что ты уже покойница, а тут – раз, и здравствуйте?

Я в нетерпении топнула ногой и произнесла:

– Папа, поскольку я жива и здорова, то завязывай со своей поминальной пьянкой. Ты нужен мне трезвым, и немедленно! Есть важные новости. Очень важные новости. Слышишь, папа, я не шучу, это очень важные новости.

Пьяно кивнув, папа полез в ящик и вытащил оттуда упаковку с капсулами патентованного лекарства, позволяющего быстро избавиться от последствий пьянки. Он всегда его там держит на случай если внезапно придется заниматься делами. Потому и жив пока, несмотря на друзей-парнеров, похожих на стаю голодных гиен и свою склонность время от времени закладывать за воротник.

– И чего это тебя дернуло сбежать от нашей мамочки? – проворчал папа, проглотив две капсулы и запив их минералкой. – Знай, что Василь Гаврилыч и его мальчики у меня теперь не на таком хорошем счету, как раньше. Я на них обижен за эту твою выходку.

Василий Гаврилыч э– то старший той банды, из четырех бодигардов, которые обеспечивали нашу с мамочкой безопасность во время той поездки. Он вроде давешнего знакомого Шевцова Виктора Даниловича, но только попроще. Прапорщик там, или вообще просто контрактник. Одним словом, быдло быдлом. Мамочка вполне заслуженно называла этого Василия Гавриловича седой гориллой во фраке и терпела только потому, что тот был предан папеньке аки цепной пес. Кстати, если папенька обижен на Василия Гавриловича и всю его кодлу бодигардов, то это может означать все что угодно, вплоть до летального исхода. Папа у меня суровый, а эти здорово прокололись.

– Слышь, пап, – стараясь казаться безразличной, произнесла я, – а они у тебя еще живы, или ты их тоже уже приказал «того»?

– Конечно, живы и даже почти здоровы, – сказал стремительно трезвеющий папа, – но только потому, что времена сейчас уже не те, что раньше. Так, выразил им свое неудовольствие легкими постукиваниями по печени. А почему тебя это интересует?

– Да так, пап, – сказала я, – если Гориллыч и его накачанные хмыри тебе больше не нужны, то отдай их нам.

– Да ну, доча, – удивился уже почти трезвый папа, – а теперь объясни, кто это такие «вы», которым я должен отдать Василия Гавриловича вместе с его «мальчиками». Только объясняй подробно и убедительно. А то я, собственно, не понял, как ты могла остаться в живых при разбившемся самолете?

– Ну, папа, – задумчиво произнесла я, – это вещи взаимосвязанные, и одна вытекает из другой. В любом случае я собиралась тебе все рассказать, как только ты окончательно протрезвеешь. А теперь слушай...

И я начала рассказывать папе, как говорится, без утайки не скрывая ни малейшей детали произошедшего, начиная с того, каким образом избавилась от опеки гемадрилов Василия Гориллыча, и заканчивая нашим нынешним положением на «Несокрушимом». Не обошла я стороной и тот момент, когда два уroda-беспредельщика хотели меня ограбить и прилюдно изнасиловать, а Шевцов их того – немножечко насмерть порезал их же собственными ножами. Папе должно было стать ясно, что я нахожусь в надежных руках, занимаю достаточно высокое социальное положение, материально ни в чем не нуждаюсь и ни при каких обстоятельствах не смогу вернуться под отчий кров.

– Интересно, – сказал папа, когда я закончила говорить, – но совершенно невероятно. Просто фантастика какая-то! Чем ты докажешь, что не сидишь на даче у кого-то из своих приятелей и не тянешь с меня деньги на свои глупые развлечения?

– Делать мне еще нечего, – фыркнула я, – а хочешь, папа, мы с Шевцовым прилетим к тебе в гости на космическом бомбардировщике, и потом еще неделю вся Рублевка будет в испуге икать и прятаться по подвалам? Могу даже попросить нашего пилота Лешу кого-нибудь разбомбить. Ведь есть же у нас соседи, которых ты хотел видеть в гробу и белых тапках. Вот это будет классное доказательство, к тому же море понтов и пальцы веером, не правда ли?

– Нет, неправда, – ответил покачавший головой папа, – не надо никого бомбить. И в кого ты такая кровожадная, Вика? Неужели никак иначе невозможно предъявить внушающие доверие надежные доказательства?

– Доказательства предъявить можно, и даже очень внушающие, но для

этого, папа, тебе нужно согласиться прокатиться к нам наверх на «Несокрушимый» и увидеть все своими глазами, – сказала я, объяснив, как может проходить такой вояж, и добавив в самом конце: – Но только сразу могу сказать – заложников тебе Шевцов не даст. Это против его правил. Ну как, ради благополучия дочери хватит у тебя духа на такую поездку или нет?

Услышав мой последний вопрос, папа на какое-то время завис, как будто я ему задала задачку про бином Ньютона, но в итоге вышел из этого положения с честью.

– Хорошо, – сказал он после недолгой паузы, – назначайте место и время встречи. Заодно подкину Вам Василий Гаврилыча вместе с его оглоедами. Мне они и в самом деле больше не нужны, а ты делай с ними что хошь. А теперь мне пора, пока, доча.

Сказав это папа отключился, и в комнате императорских апартаментов с терминала которой я вела переговоры, установилась покойная тишина. Именно после этого разговора я и пошла в душ, освежиться и подумать над тем, что получилось в результате. Но ни к какому выводу мне прийти не удалось, потому что все зависело от того, как папа закончит с Шевцовым. В его будущий императорский титул он ничуть не верит, так что с его стороны возможно, мягко выражаясь, конфликтное поведение. Шевцов тоже гордый и ответит по полной программе. Как говорится – изменить статус-кво в данном случае невозможно, а вот испортить запросто. Придется мне встать между этими двумя и приложить все возможные усилия для того, чтобы никто и ничего не испортил. Такая уж у меня, получается, карма.

Кстати, тут в связи с трехдневным пребыванием на борту «Несокрушимого» у меня назревает еще одна проблема. Когда я сбежала от мамочки, у меня имелась единственная пара одноразового нижнего белья (та самая, которая и была на мне надета) и теперь, когда с того момента прошли те же самые три дня, у меня «там» начало зудеть и чесаться. Если пойти и принять душ здесь не проблема (ибо душевые кабины функционируют уже по всей обитаемой части корабля), то попытка постирать одноразовое нижнее белье ни к чему, кроме конфуза, привести не может. К тому же мне нужен крем для бритья и специальный дамский станок. Ведь я девушка аккуратная и чистоплотная, а отросшая в интересном месте щетина уже начинает колоться. Конечно, можно обратиться к Кандиду, ведь решались же в Неоримской империи как-то похожие проблемы, но я стесняюсь. Ведь он все-таки мужчина, хоть и робот...

– Кхе, кхе, – раздалось у меня за спиной.

Ну вот, точно Кандид, легок на помине, вспомни его он и появился, только он может внезапно появляться в запертых изнутри комнатах. Но визжать и прикрываться ладошками при этом нет смысла, ведь он и в самом деле робот, и мои прелести ему безразличны так же, как мне его шестеренки или чего еще у него там есть. Но лоно ладошкой я все-таки прикрыла, наверное, чисто машинально. Поднимаю глаза на зеркало и вижу, что в нем отражается совсем не Кандид, а какая-то женщина – достаточно молодая, чтобы не выглядеть пожилой, и в то же время далеко не девочка, скорее дама. Темное строгое платье с длинным разрезом на боку, высокая грудь, черные туфли на высокой шпильке, темные волосы, уложенные в аккуратную короткую прическу. Интересно, что это за дама и откуда она тут взялась?

– Эй, – спросила я внезапно охрипшим голосом, – ты кто?

– Я Лаура, – ответила дама, – и ты можешь считать меня сестрой Кандида, но на самом деле мы с ним две стороны одной медали. Он явное всем мужское лицо этого корабля, а я тайное женское, показывающееся только избранным.

Я развернулась к этой Лауре, не отнимая, впрочем, ладошку от своего лона и произнесла:

– И чем же я заслужила, что меня посетила такая таинственная и скрытная особа, как вы, мадам Лаура?

Лаура рассмеялась и тряхнула своими темными волосами, которые только что были короткими, чуть ниже ушей и вдруг смоляным водопадом облекли ее фигуру чуть ли не до самых пят.

– Ну как же, – сказала она, – я могла не посетить нашу будущую императрицу и не дать ей несколько полезных советов.

– Будущую императрицу? – переспросила я, не веря своим ушам, – и с чего это вы с Кандидом взяли, что императрицей стану именно я?

– А с того, – строго ответила Лаура, – что наш главный кандидат в императоры в последнее время все больше проявляет к тебе свое тайное расположение, и если ты ничего не испортишь своими детскими приставаниями, то это тайное обязательно станет явным, превратив тебя из секретаря в императрицу. Я хочу сказать, чтобы ты вела себя гордо и с достоинством. Ты уже показала своему будущему мужу, что годна не только для того, чтобы доставлять мужчине удовольствие в постели и рожать ему детей. Теперь он знает, что у тебя есть определенный набор полезных ему знаний и умений, острый ум, чувство юмора и способность не унывать в самых тяжелых ситуациях. И кроме того, ты сама предложила

ему свою помощь, когда он был смущен и растерян перед величием совершенно новой для него задачи, и он оценил это весьма высоко. Он и не рассчитывал, что ему будет помогать кто-то вроде твоего отца.

– Но, Лаура, – сказала я, расстроено шмыгнув носом, – всего этого мало. Он видит во мне всего лишь несовершеннолетнюю девочку, ребенка которого требуется опекать и защищать, а я девушка и женщина, любящая и желающая быть любимой. Я хочу его и желаю, чтобы он тоже хотел меня до безумия, а у него все никак. Я уже отчаялась и не знаю, что мне с этим делать.

Лаура посмотрела на меня оценивающим взглядом, попросила повернуться перед ней кругом, потом вздохнула. На самом деле я понимаю, что все это бутафория и что ей не надо было ни изображать внимание, ни заставлять меня вертеться, потому что этот «предбанник» к душевой комнате наверняка утыкан сотнями микрокамер, уже просветивших меня со всех сторон во всех диапазонах.

После этого вздоха наступило молчание, потом Лаура кивнула каким-то своим мыслям и сказала:

– Ладно, Вика, не расстраивайся, и этому горю тоже можно помочь, самое главное не киснуть. Идем, – и указала на еще одну дверь, расположенную напротив входной, которая и позавчера, и вчера, и сегодня не открывалась, несмотря на то, что я дергала за ее ручку.

– Но она заперта, – еще раз шмыгнув носом, сказала я, – и не открывается, сколько бы я ни старалась...

– Теперь она уже не заперта, – ответила мне эта Лаура. – Идем.

Я подошла к этой двери, потянула за ручку – она действительно оказалась не запертой. За дверью обнаружилась маленькая комната, почти весь объем которой занимало нечто среднее между креслом дантиста, массажной кушеткой и горизонтальным солярием для искусственного загара с крышкой. Еще там имело место огромное зеркало и настенная панель с множеством кнопок, рычажков и ползунков как на многоканальном профессиональном музыкальном эквалайзере. Видала я один раз такой у приятеля, воображающего, что он великий музыкант.

– Это, – торжественно произнесла Лаура, – аппарат для автоматической коррекции тела. Массаж, электростимуляции нервных центров, инъекции нужных организму микроэлементов, витаминов и гормонов, инсоляция в строго выдержанных спектральных диапазонах и прочая, прочая, прочая. По полчаса – час в день в течение месяца и ты себя не узнаешь, а самое главное – твой милый будет смотреть на тебя совершенно другими глазами, ведь из нескладной девочки-подростка ты за

короткий срок превратишься в очаровательную молодую девушку. Вот смотри...

С этими словами Лаура подошла к «эквалайзеру» и чуть тронула несколько ползунков.

– Большие изменения нам не нужны, – комментировала она свои действия, – иначе получится безвкусица. Только чуть увеличим грудь, чтобы было видно, что это не прыщики, нарастим мышечный и жировой покров на бедрах и животе, чтобы скрыть торчащие кости, и также слегка округлим линию щек...

– И это все? – разочаровано спросила я. – А я-то думала...

– Все, – подтвердила Лаура, – поверь, принцесса из тебя получится просто образцовая. А теперь лезь в аппарат и приготовься провести в нем целый стандартный час. А чтобы ты не скучала, я добавила в программу режим «счастливый сон», и как только закроется крышка, ты заснешь, и все время, пока идут процедуры, будешь видеть только приятные сны.

Немного помолчав, Лаура добавила:

– А когда закончится этот первый для тебя сеанс, мы обязательно продолжим, занявшись твоей одеждой. Выглядеть ты должна воистину по-королевски.

– А что не так с моей одеждой? – спросила я, почти забывшись в аппарат. – Она жутко дорогая и стоила моему папе кучу баксов...

– Я не знаю, что такое эти твои «баксы», – парировала Лаура, – но эта одежда ужасно безвкусная, и в ней ты выглядишь как девочка-подросток, которая хочет быть похожей на мальчика. А ты должна выглядеть как принцесса, которая хочет быть похожей на императрицу. Стиль милитари с ноткой женственности тоже может быть недурен, чтобы не создавать диссонанса твоему жениху; что угодно, но только не это спортивно-панково-мальчуковое тряпье, которое ты носишь сейчас. Сколько бы «баксов» оно ни стоило. Так что лезь вперед и не оглядывайся. Тебя ждет великое будущее, и в твоей власти его не испортить.

тогда же и там же, Космический линкор планетарного подавления «Несокрушимый», он же искин Кандид, она же искин Лаура

Мой кандидат продолжает набирать очки; пока у него установлены только самые первые контакты со своими будущими агентами на поверхности, но их сеть постоянно расширяется. Сегодня кандидатка в императрицы завербовала своего отца, который может оказать проекту значимую помощь, и решил, что ее стоит поощрить, поддержав ее претензии на роль будущей императрицы. А что, она здорова, неглупа, ответственна и единственное, чего ей не хватает – это капельки женского

шарма. Свою «сестру» Лауру я создал специально для этого проекта, и теперь вижу, что это не было ошибкой. Со многими вопросами местная женщина будет обращаться только к женщине, ибо таковы издержки местного воспитания. Наша будущая императрица стеснялась спросить у меня, где ей взять те или иные интимные детали женского туалета, а также задавать другие чисто женские вопросы; а с Лаурой она раскрылась полностью и без остатка.

Теперь решено – Лаура переводится в разряд постоянных программ, ведь помимо будущей императрицы у нас есть еще как минимум три дамы, которых можно было бы отнести к высшему свету, и помощь Лауры им была бы не лишней. Кроме того, завтра кандидат в императоры встречается с отцом будущей императрицы, и от этой встречи тоже зависит очень многое. Поскольку этот человек опасен, я не только даю Кандидату малый челнок, как в прошлый раз, но еще и даю его людям допуск на доступ к штурмовой экипировке и легкому стрелковому вооружению моих десантников. Впрочем, этим легким стрелковым вооружением запросто можно жечь местные тяжелые танки. Будут гореть как миленькие, синим пламенем с оранжевыми искрами.

24 ноября 201..года, 17:05, Подмоскowie, окрестности заброшенного зимой дачного поселка.

Тихо зимней ночью в русском лесу. Только ветер посвистывает в вершинах деревьев, да снег скрипит под ногами людей и шинами тихо урчащих моторами мощных джипов, на первой пониженной скорости пробирающихся позаброшенной на зиму просеке. Пройдет еще совсем немного времени, навалит слегка выше головы – и проехать тут можно будет только на танке или на снегоуборочном бульдозере. А пока снега только по колено, с дорогой справляются и обыкновенные внедорожники, даже не садясь при этом на пузо. В свете фар мимо проплывают елочки/березки, и вот неожиданно за изгибом дороги из темноты в свет фар выплывает фигура «человека с ружьем». Впрочем, и его экипировка, и то самое «ружье» по своему виду мало похожи хоть на что-то привычное, напоминая скорее о «Звездных войнах», «Хищнике» или «Чужом». А чуть дальше в полумраке, куда едва доставал боковой отсвет фар маячили еще такие же футуристически вооруженные и экипированные фигуры. А сколько их могло быть еще в полной темноте по бокам дороги, держащих под прицелом маленькую автоколонну?

– Остановись! – командует водителю бритоголовый человек, сидящий на пассажирском сиденье первой машины, и после остановки, ссутулившись, вылезает из машины, но идет не вперед, к вооруженному

непонятно чем человеку, а назад, ко второй машине, где на заднем сиденье комфортно расположился владелец заводов, газет, пароходов.

– Неожидаемое осложнение, Александр Викторович, – склонившись к окну, докладывает он своему работодателю, кивая на маячащих в свете фар вооруженных людей, – но если вы прикажете...

– Ни в коем случае, Борис, – отвечает тот, кого назвали Александром Викторовичем, – потому что в этом случае мало того, что, скорее всего, вас перебьют как курят, но самое главное, может пострадать моя дочь. Работаем вариант «Б». Но уши держи востро. Если убедишься, что имеет место блеф, а так называемое оружие – это бутафория, то немедленно работай вариант «А». Живыми в таком случае брать только мою дочь и главаря банды, а всех остальных в расход. Не нужны они мне ни в каком виде. А сейчас открой дверь и не отсвечивай.

Человек по имени Борис снаружи отщелкивает дверцу автомобиля и с поклоном подает руку, помогая выйти Александру Викторовичу. Где-то впереди, куда едва достаёт свет фар, за линией вооруженных людей у открытого люка малого десантного шаттла стоят капитан Шевцов и Виктория, одетые в такую же десантно-штурмовую экипировку, что и остальные участвующие в операции бойцы. У этой экипировки имеется дополнительный плюс в виде встроенного подогрева, и поэтому в ней не холодно даже в самый лютый мороз.

– Он? – спрашивает у Вики Шевцов, при помощи встроенного нащлемного бинокля с десятикратным электронным увеличением разглядывая вылезшего из машины человека, перед которым склоняются в поклонах все прочие повывлезшие из машин персонажи.

– Вроде он, – сперва с сомнением отвечает Вика, потом уже с уверенностью добавляет, – нет, точно он!

В этот момент один из вооруженных людей (старшина Ячменев), отводит в сторону ствол плазменного штурмового ружья и стреляет из него в толстый ствол ближайшей сосны, сантиметров шестьдесят в диаметре. Ослепительная вспышка, от которой в незащищенных глазах еще долго пляшут зайчики, огромный клуб белого дыма, запах горелой древесины – как от выжигателя по дереву, только неизмеримо мощнее, и сквозная дыра в стволе, в которую пролезет кулак взрослого мужчины.

– Бутафория?! – злобно шипит Александр Викторович, награждая уничижительным взглядом начальника своих телохранителей, отчего тот чувствует приступ липкого и холодного страха, сжимающего низ живота, а также струйку чего-то теплого, сбегаящую вниз по левой ноге.

Тем временем телохранители Александра Викторовича извлекают из

последней машины пятерых человек, утрамбованных на заднее сиденье подобно сельдям в бочке, и ведут их, со скованными за спиной руками и надетыми на голову бумажными пакетами вперед, где их ждет шеф, босс – одним словом, главарь.

– Ну что, – говорит тот, оглядывая проштрафившихся телохранителей своей дочери, – если все в сборе, тогда пошли. Раз, два, шевели ножками.

Они идут, а навстречу им в освещенную фарами переднего джипа полосу дороги выходят капитан Шевцов и Виктория.

– Здравствуй, папа, – с легкой усмешкой говорит Виктория, – я очень рада, что на этот раз у тебя хватило ума, чтобы воздержаться от своего любимого инструмента, который ты обычно применяешь в спорах.

– Здравствуй, Вика, – спокойно отвечает Александр Викторович, кивнув на дерево со сквозной дыркой, – аргумент воздержаться от излишнего насилия был очень убедительным. Кстати, доча, я привез тебе подарок.

– Спасибо, папа, – кивает Вика, – я очень рада. Как я мечтала их снова увидеть...

Потом она оглядывает своих бывших бодигардов и особенно их старшего, действительно похожего на поседевшего гориллоида, потом снова поднимает глаза на отца и спрашивает:

– Ну что, папа, прокатайся с нами на небеса или ограничимся переговорами прямо здесь, будто речь идет о крышевании мелкого базарного ларька?

– Конечно, прокачусь, – кивает тот, – другие за такое удовольствие по двадцать лямов зеленью платят, а мне родная дочь бесплатную экскурсию устроила. Как не воспользоваться...

– Ваше будущее величество, – почтительно обращается Вика к капитану Шевцову, – папа согласен, скажите хоть что-нибудь о том, что нам всем делать дальше.

– Заберете своего шефа на этом же месте завтра за час до рассвета, – говорит капитан Шевцов старшему телохранителей, еще не отошедшему от испуга. – На этом все, расходимся, тот, кто попытается задержаться и посмотреть, что будет дальше, пусть пеняет только на себя.

день 5-й, корабельное время 04:25, «Несокрушимый», императорский салон.

Капитан морской пехоты Владимир Владимирович Шевцов, Кандидат в Е.И.В.

Да уж, Викин папа оказался таким перцем, которого сразу же, без разговоров, захотелось вышвырнуть в открытый космос. Но, по счастью,

все было не так плохо. Во-первых – папа действительно любил свою дочку и для ее благополучия был готов разбиться в лепешку. Во-вторых – он уже с первых же минут в нашей компании понял, что никакой бутафорией от нас даже и не пахнет. Плазменные штурмовые ружья стреляли, шаттл исправно поднялся в небо со всеми людьми на борту, а уж сам «Несокрушимый» произвел на него особое впечатление. Что называется, масштаб был налицо.

И вот, пока клиент был в таком, совершенно уникальном для себя состоянии, мы и приступили к четырехсторонним переговорам – я, Вика, Викин папаня и искин Кандид. Привлекать к этому кого-то из своих «графов» на первом этапе я просчитал совершенно излишним, тем более что по корабельному времени была ночь, и люди спали.

Первый, или скорее предварительный, пункт наших переговоров заключался в том, что викин папаня отчаянно искал такие «точки соприкосновения», чтобы получить хоть какой-нибудь профит для себя лично, а не только для своей дочери, которая по итогам его помощи должна была получить титул имперской графини. Этот титул означал, что вне зависимости от своих дальнейших успехов Вика получает пожизненное теплое место у самой верхушки нашего общества. И хоть было понятно, что ничего из вооружения (интересует больше всего) или экипировки ни искин Кандид, ни я ему передавать не собираемся (еще чего не хватало), но надежда, как говорится, умирает последней. А может, в итоге и найдется что-нибудь такое, что не повлияло бы на развитие всего человечества в целом, не убивало бы людей, и было бы полезно одному лишь Александру Викторовичу и больше никому.

Вообще-то под это описание прекрасно подходит что-нибудь медицинское. Или полевая аптечка-диагност, которая поможет выжить при покушении, если, конечно же, его сразу не разнесут на тысячу кусков. Или даже автономный «саркофаг Гиппократ» – устройство более высокого уровня, не нуждающееся во внешнем питании, способное само синтезировать медикаменты и обладающего встроенной функцией «стабилизации старения», то есть возможностями ограниченного продления жизни.

Правда, такой аппарат Александру Викторовичу жизнь мог не продлить, а сократить, ибо, узнай о нем представители нашего государства, за жизнь викиного папы я не дам даже ломаного медного оболы. Наше государство – оно такое, мигом вспомнит обо всех грехах, неуплаченных налогах и прочем; арестует, засудит и конфискует, а потом, несмотря на «крышу», «лапу» и все прочее, либо сгноит в колонии, либо выпустит за

бугор, но голенького как пупсик. Были уже прецеденты. У государства есть собственные люди, остро нуждающиеся в продлении жизни, и вы их все знаете. Одним словом, я был против передачи клиенту такой ценной штуки, тем более что она имела шанс сильно повлиять на мировую историю, но искин Кандид из каких-то своих соображений в итоге согласился, а кто я такой, чтобы мешать ему разбазаривать имущество корабля, тем более что в обмен на такой «саркофаг» викин папа обещал открыть в буквальном смысле неограниченное финансирование. Знает уже, что в материальном мы почти не нуждаемся и все наши потребности лежат в духовной сфере.

Итак, едва только предварительные переговоры закончились и искин Кандид сообщил клиенту, что означенный прибор в настоящий момент извлекается со склада, снаряжается, активируется и готовится к погрузке на шаттл, мы тут же перешли к основной повестке дня о том, где, когда, чего и сколько. В итоге удалось договориться об открытии его людьми (мои осуществляют приемку только на перевалочном пункте при посадке на шаттл) вербовочных контор в полутора десятках моногородов, где в кризис закрылись или произвели значительные сокращения крупные промышленные предприятия. Из-за этого социальная обстановка в этих городах опустилась за грань выживания и народ оттуда готов переезжать куда угодно, только их никуда ни зовут, везде дела обстоят так же, а кое-где и хуже.

Выслушав мои хотелки, Александр Викторович пожал плечами и сказал:

– Все хорошо, но не понимаю одного – зачем вам официально оформлять рекрутинговое агентство, да еще на федеральном уровне? У вас же классический случай фирмы-однодневки. К тому моменту, когда вам понадобятся эти самые официальные документы (потому что вас пришли проверять), вы уже давно будете находиться на другой планете и строить там свою империю, даже не заморачиваясь сдачей квартальных отчетов в налоговую инспекцию и иные государственные органы. Мои люди могут сделать гораздо проще. Найти каких-нибудь бомжей, открыть на их паспорта конторы «рога и копыта», аффилированные со мной банки дают этим конторам кредиты – и те начинают свою деятельность. Неделя, максимум месяц, и все – вы высосали эту точку досуха и переходите к следующей, где все продлевается по той же схеме. Или не переходите, если количества завербованного народа уже достаточно для отлета.

Подумав, я согласился и принялся объяснять викиному папе свою позицию:

– Понимаете, Александр Викторович, мне нужны трудяги, готовые

впрячься в воз и тащить его вместе с остальными. Приветствуются люди любых рабочих специальностей – учителя, врачи, программисты, инженеры всех профилей, еще лучше конструктора. Таких в общей массе должно быть примерно треть. Остальные две трети должны составлять молодые люди от шестнадцати и старше, готовые делать любую работу, учиться тому, что требуется в жизни, служить в армии и воевать по приказу там, куда пошлют. И еще – в каждом отделении вербовочной конторы будут установлены психосканеры. Если рекомендация психосканера отрицательная, цвет сигнала красный или желтый вместо синего или зеленого, то таких людей к нам направлять ни в коем случае не надо, как бы ваши люди ни гнались за валовыми показателями. В любом случае при поступлении на борт «Несокрушимого» мы будем проводить повторную проверку поступающих людей, и если будет выявлен брак, мы вынужденно примем в отношении их самые жесткие меры.

– Выкинете в космос? – понимающе спросил викин папа.

– Да, выкинем, – ответил я, – у нас не будет ресурсов возиться с преступниками, тунеядцами, или сумасшедшими. Несколько случаев такого брака – и вас постихнут штрафные санкции; если брак станет массовым, то мы воспримем это как попытку подорвать наш проект и нанесем по вам удар возмездия. Но я надеюсь, что этого не произойдет, ибо именно с этой целью в вербовочные конторы и будут устанавливаться психосканеры.

– Хорошо, Владимир Владимирович, – с некоторой насмешкой, скорее над моим именем-отчеством, чем надо мной самим, произнес викин папа, – я предупрежу своих людей, что в гневе вы бываете страшны, и что я в случае их избиения и даже ликвидации по обоснованным мотивам, ни в коем случае не буду вступать с вами в конфликт. На этом все, позвольте откланяться, ведь у меня превеликое множество дел, в том числе и по вашему направлению.

Тогда же и там же.

Виктория Полянская, 17 лет, переводчик, секретарь-референт и администратор Е.И.В.

Мамочку я не увижу больше никогда, и это точно, папочку сегодня вижу в последний раз. Он ведь собирался приказать своим головорезам отбивать меня у Шевцова силой и только наличие у наших людей самого настоящего штурмового вооружения с «Несокрушимого» заставило его отказаться от этих безумных планов. Ну и еще то, что в самом начале я рассказала папочке чего стоит Шевцов, если его разозлить по настоящему, и как ему преданы, его люди, такие же безбашенные и готовые за

командира в огонь и в воду.

С одной стороны, я, конечно, очень благодарна папочке за то, что он принял такое горячее участие в моей судьбе, а с другой стороны, скажите на милость, к чему все это могло привести. Ну, «освободил» бы он меня – и что из этого? Ведь мой социальный статус в этом мире называется «покойница», и доказывать обратное пришлось бы в результате долгих и нудных юридических процедур. А потом меня опять бы ждала прежняя жизнь с со стареющей нудной мамочкой, постепенно спивающимся папочкой, пустоголовыми, никчемными приятелями и приятельницами из «нашего круга». И самое главное, останься я дома, меня не покидало бы нависшее дамокловым мечом ощущение, что за всеми нами однажды «придут» – то ли конкуренты, решившие, что мой папа и все мы уж слишком сильно зажились на свете, то ли государство, не дождавшееся перечисления своих налогов. Одним словом, мрак.

А тут, наверху, я чувствую себя птицей, расправившей крылья. Лаура дает мне полезные советы, помогая из неуклюжей девчонки превратиться в прекрасную женщину. Шевцов стал со мной вежлив и предупредителен, и в его глазах все чаще и чаще проскакивают знаки вопроса, означающие ни много ни мало, а начало его открытого влечения ко мне. Люди, которые меня окружают, относятся ко мне с уважением, и те, которые не хотят делать этого по влечению души, все равно кланяются мне хотя бы из чувства самосохранения. Но таких немного, а в основном я купаюсь во всеобщем почитании. Шутка это, нет никого почитания, это просто я так мечтаю, просто люди относятся ко мне доброжелательно, кроме нескольких кумушек, вообразивших себе Бог знает что и решивших, что они не хуже меня, чтобы стать императорскими любовницами. Ну и пусть их, им же хуже в итоге будет. Если о распускаемых ими сплетнях узнает Шевцов, то прикажет отрезать дурам язык. За ним не заржавеет. Таким образом, все только начинается, а я уже счастлива до невозможности.

тогда же и там же, Космический линкор планетарного подавления «Несокрушимый», он же искин Кандид, она же искин Лаура

Ну вот и завершились переговоры с отцом будущей императрицы, в результате чего проект входит в свою финишную фазу. Теперь осталось недолго, от шести до восьми семидневок – и требуемое количество будущих подданных императора будет доставлено на борт. При таком положении, как сейчас, это лишь вопрос времени. Потенциальных эмигрантов внизу на планете хоть отбавляй, и мой психосканер ощущает их как ворчащую и шкворчащую человеческую массу, которой стало тесно сидеть в своей колыбели. Теперь во весь рост встает насущная задача

восстановления управляющей схемы джамп-генератора, пора собирать консилиум из лучших местных специалистов и приступать к работе. Лишь бы эти вонючки-каоги только выдерживали соединительные шлейфы, а не ломали сами платы, которые, конечно, имеются в ЗИПе, но лучше бы обойтись без этого. Но я не думаю, что все так серьезно, ибо в итоге джамп-генератор должен был понадобиться им самим и вряд ли они с самого начала собирались безвозвратно вывести из строя схему его управления.

Одним словом, я совсем скоро снова окажусь в родной стихии – среди звезд с молодыми императором и императрицей на борту, а также с их людьми, из которых, как из семени, должна вырасти новая Империя.

Часть 2. Поход к звездам

Вы мне не поверите и просто не поймёте:
В космосе страшней, чем даже в дантовском аду,
По пространству-времени мы прём на звездолёте,
Как с горы на собственном заду....
(В.С. Высоцкий)

день 42-й, корабельное время 10:05, «Несокрушимый», рубка управления.

Капитан морской пехоты Владимир Владимирович Шевцов, И.О. Е.И.В.

Остался в прошлом суетливый вербовочно-подготовительный период. «Несокрушимый», ранее пустынный, как заброшенный город, теперь напоминал переполненный Ноев ковчег, в котором каждой твари по паре, и даже больше. Двадцать с лишним тысяч будущих имперских граждан набраны по разным проблемным с точки зрения экономики городам, в связи с чем Совет Графов разросся до численности почти в сотню человек и по факту стал неуправляем.

Чувствую, грядёт первая в новом, только зарождающемся, государстве реформа системы управления, которая позволит сузить численность Совета до пятнадцати-двадцати человек и вывести из сферы его интересов текущие бытовые вопросы. Ну а пока можно констатировать, что поставленная искином Кандидом задача выполнена и мы сумели наберечь не восемь, и даже не двенадцать, а все двадцать тысяч будущих колонистов. Наверное, летом было бы сложнее, все-таки, когда в квартире тепло, кажется что дела идут не так плохо, но зимой из квартиры с едва работающим отоплением готовы сбежать многие и многие.

Тогда, отпустив восвояси Викиного папаню, я связался с Виктором Даниловичем и изложил ему суть договоренностей с Александром Викторовичем. Немного подумав, мой будущий командир посоветовал мне помощь людьми с той стороны не принимать, ограничившись деньгами и «крышей», потому что Викин папочка обязательно захочет вместе с честными людьми пропихнуть к нам побольше кротов и открытых агентов влияния, а нам, как он понимает, этого не надо.

Я сказал, что Виктор Данилович все понимает правильно, такого нам действительно не надо. Но при этом нужны встречные конструктивные предложения, как сделать это же по-другому. А то критиковать все горазды.

Виктор Данилович ответил, что «по-другому» лучше делать так, чтобы фирмы-однодневки оформлялись на паспорта будущих эмигрантов, и они же являлись сотрудниками этих вербовочных контор. Чтобы, когда мы ушли, там, внизу, не осталось бы ни одного человека связанного с нами напрямую; разумеется, за исключением Викиного родителя.

— Тогда, — сказал я, — нам придется производить некую предварительную вербовку в каждом из городов-источников. А как ее производить, не имея вербовочной конторы? Подходить к людям на улице в том же Тольятти и заводить разговор по типу: «а не хотите ли вы улететь в космос к чертовой матери на просторы Галактики и из этой страны и с этой планеты?»?

Виктор Данилович бросил тогда на меня задумчивый взгляд и сказал, что у него есть возможность выхода на таких же, как он, отставных военных, из которых не получилось политиков-бизнесменов и которые, сторонясь сомнительных предприятий (наемничества), не желают тем не менее сидеть сиднями на одном месте. Короче, этот вопрос он берет на себя. С Александра Викторовича в таком раскладе — деньги и помощь в оформлении документов, а с меня — общее руководство и постановка задачи, кого нам брать, а от кого отказываться под любым видом.

И понеслось. Что удивительно, товарищ подполковник справился с поставленной задачей достаточно легко. Видимо, у него и в самом деле были выходы на людей, способных решить самые специфичные кадровые проблемы в самых разных регионах России и некоторых странах ближнего зарубежья. На последнем этапе переговоров Виктор Данилович возил соискателей должности ко мне на собеседование, но это была уже чистая формальность, потому что я не нашел повода отвергнуть хоть одного кандидата, ни по показаниям психосканера, ни по итогам очной беседы. И со своей работой руководителей одноразовых рекрутинговых агентств все двадцать восемь человек справились на отлично.

Правда, при этом я отказался от открытия таких агентств в странах ближнего зарубежья. Качество человеческого материала за пределами Российских границ сильно снижается и есть риск заполучить людей, лояльных чужой системе ценностей. Ну вы меня понимаете. Европейский выбор, вторая Франция и прочее бла-бла-бла с одной стороны, и «борцы за веру» — с другой. Впрочем, и у нас, на территории Российской Федерации тоже можно встретить подобных персонажей. Первых — в основном в городах-миллионниках, а вторых — в Татарстане, Башкирии и на Кавказе. Последним фильтром был стационарный психосканер уже здесь, на борту «Несокрушимого», а последним способом ликвидации — выбрасывание в

шлюз, но к этому методу нам так и не довелось прибегнуть. Ну еще бы, вербовочные пункты нашей рекрутинговой конторы были оборудованы не только полевыми психо- и гипносканерами и медицинской аппаратурой для первичной диагностики, но и гипнокорректорами, позволяющими в случае отказа стереть из памяти клиента воспоминания за последние полчаса. Эти воспоминания заменялись заранее записанной ложной вклейкой о том, что при собеседовании разговор шел о самых обычных условиях выезда для работы в Турцию, Арабские эмираты или на Кипр.

Раз сто, если не больше, к нашим рекрутерам приходили представители местных бандитов с предложением «поделиться». В большинстве случаев разговор заканчивался телефонным звонком Викиному папе, в дюжине случаев «для разбора полетов» на место выезжал его «разводящий». А один главарь этнической преступной группировки в маленьком городке между Волгой и Уралом оказался абсолютно невменяемым, и к нему пришлось применять меры летального воздействия в виде бомбоштурмового удара по уединенно стоящему особняку-крепости и последующей зачистки руин до белых костей. Впечатлились все, в первую очередь Викин папа и в оставшиеся десять дней проблем у наших рекрутеров не было совсем.

Когда общая численность завербованных достигла восьми тысяч человек, искин Кандид торжественно произвел меня из кандидатов в исполняющие обязанности, что означало уже почти полный набор реальных полномочий. Кстати, Кандид целиком одобрил мое решение продолжать вербовку до тех пор, пока потенциал рекрутинговых пунктов не будет исчерпан до дна – то есть они перестанут поставлять нам успешно завербованных добровольцев. Очень многие хотят изменить условия своей жизни к лучшему, но далеко не все из них готовы ради этого бросить все, что нажито непосильным трудом, и полностью разорвать контакты с друзьями, родными и знакомыми, за исключением тех, что отправятся в то же самое путешествие.

Из всего личного имущества мы разрешали будущим колонистам брать с собой только книги и подшивки журналов, у кого сколько было этого добра, которые надлежало сдавать в библиотеку под ответственность нашей любезной Галины Петровны. Конечно, девяносто процентов самых ходовых книг дублируются, но и это не беда. Народа на корабле много, а более-менее развитую домашнюю библиотеку имела чуть ли не каждая десятая завербованная семья.

Осложняет ситуацию то что, из двадцати тысяч будущих граждан две трети – это молодежь без специальности и образования в возрасте от

шестнадцати до двадцати-двадцати четырех лет. Из этих примерно тринадцати с половиной тысяч молодых людей – две трети составляют девушки и одну треть парни. Что поделать, если наши русские девки по большей части уверены, что тугие округлые попки, налитые сиськи, стройные ножки, тонкие талии и прочие данные природой достоинства без всякого труда и образования помогут им хорошо устроиться в этой жизни. Но жизнь быстро и сурово развеивает эти иллюзии, а некоторые теряют эти иллюзии вместе с жизнью.

Если парней (за редким исключением) можно сразу же призвать в армию и занять тренировками под руководством опытных инструкторов, то к девкам нужен особый подход. Кстати, когда в тот же день я увидел их вместе в одном из ангаров для больших десантных шаттлов, то сразу вспомнил шамкающий бред генсека про «многосисечные массы». Это были именно они, пока еще ценящие свои сиськи выше наличия мозгов. А мне их сиськи по барабану, мне от них нужна профорientация и интенсивная трудовая деятельность, а сиськи пусть останутся для личной жизни. Впрочем, думаю поручить эту работу Вике, потому что данный контингент параллелен ей по возрасту и небольшому жизненному опыту, хотя она несомненно образованней, умней и целеустремленней большинства здешних особ. Если она не сможет с ними справиться, то тогда я не знаю, кому это под силу. Правда, не все так плохо – некоторые из этих девушек уже покинули безликую многосисечную массу и переместились в разряд рабочего персонала. А это уже совсем другой коленкор.

На самом «Несокрушимом» сотни вакансий операторов контрольных постов. Все работу тут делают автоматы. Тут даже палубу никого драить не пошлешь – тут же прикатит робот-уборщик, возмущенный ущемлением своих прав. Шутка. Сам он не прикатит, потому что кто-то должен сидеть у пульта и выдавать этим самым роботам-уборщикам рабочие задания, следить за тем, чтобы в их работе не было сбоев, и чтобы все задания выполнялись правильно и в срок. Не знаю, наверное так в Новоримской Империи боролись с безработицей и предотвращали возможный бунт машин, потому что на фоне искусственного интеллекта вроде Кандида, который может эмулировать действия множества высокоинтеллектуальных личностей, такие тупые исполняющие автоматы кажутся нонсенсом. А может, это не нонсенс, а продуманная политика, доводами в пользу именно такого положения вещей является то, что управлять этими автоматами Кандид может лишь постольку поскольку, пока на борту нет живого экипажа и, кроме того, в некоторые помещения корабля доступ автоматам

запрещен категорически. Но об этом речь зайдет немного позже.

Как только Кандид произвел меня из Кандидатов в И.О., так сразу же эти самые роботы вышли из-под его подчинения и начали ожидать указаний от вашего покорного слуги. Пришлось срочно принимать меры и объявлять набор девушек, желающих работать горничными, то есть управлять роботами-уборщиками. Обучением занимался опять же искин Кандид. Кроме горничных, требовались поварихи, то есть операторы на кухонные машины. Правда, эта была работа посложнее, потому что, кроме умения нажимать кнопки и передвигать ползунки, требуются определенные кулинарные способности и зачастую интуиция, ведь то, что синтезировала эта машина, придется есть живым людям, и ошибки тут недопустимы. Правда, сказать честно, прямым синтезом на кухонных автоматах тут никто не занимается, потому что таким образом можно синтезировать только углеводно-протеиновую массу из аварийного рациона. Задал идеальный с точки зрения медицины сбалансированный состав углеводов, жиров, аминокислот и витаминов -и получил на выходе желтовато-серые брикеты продукта «со вкусом ваты». Не такое это и простое дело, кулинария будущего. Для нормальной работы всего этого хозяйства на «Несокрушимом» имеется Кухня Шеф-Повара, где из нормальных продуктов на нормальной электрической плите, в нормальных кастрюлях варится, к примеру, борщ... После того как он сварен и специальная комиссия убедилась, что это борщ, а не, к примеру, крем-брюле, готовый продукт заливается в анализатор, который составляет программу для синтеза дубликата. Потом комиссия пробует дубликат – и, убедившись, что получился именно борщ, а не помой для свиней, рекомендует загрузку программы в кухонные автоматы. Но дело в том, что шеф-повару, которую мы нашли одной из первых, тоже нужны помощники или, скорее, помощницы; и на эти должности конкурс как в столичный вуз – по пятьдесят человек на одно место.

Не желая лично заниматься всем этим бытовым хозяйством, я начал думать, на кого бы из моих «графов» все это свалить. На кораблях российского ВМФ, организационно-штатная структура которых мне была знакома, аналогичной по масштабу хозяйственной службы просто не существовало. Потом мне вспомнилась прочитанная еще в детстве фантастическая книга американского писателя Роберта Хайнлайна, где он описывал организационно-штатную структуру больших космических кораблей, в свою очередь, насколько я понимаю, скопированную с оргштатной структуры трансатлантических пароходов. Так вот, там все эти хозяйственно-бытовые вопросы находились в ведении Главного Казначая

корабля, наряду с Главным Навигатором и Главным Инженером (аналоги КБЧ-1 и КБЧ-5) непосредственно подчинявшегося командиру корабля. Поскольку командира у нас на тот момент не было, я временно замкнул эту должность на себя, после чего назначил на нее капитана финансовой службы Нину Макагон. Нужен казначей – будет вам казначей.

Сейчас, под руководством капитана Макагон, эта система уже работает вполне прилично, даже несмотря на то, что количество населенных территорий корабля все время увеличивается, что требует подключения все новых и новых контрольных постов, а следовательно, новых и новых операторов. Для увеличения стимуляции народа к труду я по ее совету вынужденно ввел на борту «Несокрушимого» такое присущее человечеству зло, как деньги. Нет, мы не печатали бумажек с водяными знаками и не раздавали их работающим, также мы не создавали и пластиковых карточек, которые требовалось бы носить с собой. Вместо этого электронными кошельками работали идентификационные браслеты, которые выдавались каждому будущему колонисту по прибытии на борт. Отстоял смену оператором, или выполнил порученную работу – сразу, немедленно, на счет падает денежка, которую можно потратить в столовой на еду, которая вкуснее базового набора, или на синтезированные машинами «Несокрушимого» вещи, выглядящие более стильно, чем рабочие комбинезоны из нетканки. Одним словом, тот, кто работает или служит, имеет возможность вкусно питаться и красиво одеваться, но и те, кто не работают, тоже не будут ходить голыми и голодными, но и отношение к ним будет соответствующим. Как потопаешь, так и полопаешь.

Тем более что с того момента количество работающих или служащих стало увеличиваться просто стремительными темпами. С начала третьей недели, где-то после седьмого декабря по земному летоисчислению, к нам наверх начали прибывать завербованные Виктором Даниловичем отставники подплава, которым было все равно с кем, все равно куда, лишь бы не сидеть дома тем самым лежачим камнем, под который не течет вода. Это был будущий экипаж «Несокрушимого», который надо еще было выдержать некоторое время в стационарных «саркофагах» ради стабилизации организма и избавления от тех болячек, которые успели накопиться за годы службы Родине, а потом подвергнуть гипнопедическому обучению – но это был экипаж. Самое главное, что у этих людей был опыт службы в тяжелейших условиях, опыт соблюдения субординации и взаимодействия в команде, а уж освоить конкретные должности, да еще с гипнообучением – для них не такое уж и сложное дело.

Одновременно стронулся с места и другой вопрос. Почти все

семейные эмигрировали с детьми, мало кто оставил своих чад на попечение бабушек-дедушек в надежде меж звезд сделать еще. А там, где дети, должна быть и школа. Если уж в нашем мире неграмотный человек фактически не может найти себе применения, то для «Несокрушимого» это правило возводилось в энную степень. Даже для того, чтобы быть просто оператором каких-нибудь роботов-пылесосов, надо как минимум закончить нашу среднюю школу, иначе по неграмотности оператор наломает кучу дров. Так вот – школу мы открыли, тем более что учителя составляли значительную прослойку среди наших эмигрантов. Единственным, чем я вмешался в их профессиональную деятельность, было распоряжение, что историю и иные общественные науки будут иметь право преподавать только офицеры запаса. Точка.

Одним словом учителя, как и медики, чувствовали себя на борту «Несокрушимого» далеко не самыми последними людьми. Большинство из них своими заслугами перед зарождающейся империей запросто заработают не только на гражданство первого класса, но даже и на личное дворянство, что очень и очень немало.

Тогда же и там же

Макова Мария Петровна 36 лет, снова врач-терапевт.

Теперь мне кажется, что до той катастрофы я даже и не жила. Прошло всего-то полтора месяца, и за такой короткий срок я стала совсем другим человеком. Самое главное, со мной теперь моя милая дочка Нюрочка, и из-за этого я чувствую себя такой счастливой! Наше с ней воссоединение произошло так неожиданно, что я до сих пор не могу прийти в себя. Просто однажды Шевцов вызвал меня к себе. Я помнила об его обещании забрать сюда мою дочь, но не придавала ему большого значения. Мало ли чего может обещать мужик, а потом не выполнить, сославшись на объективные обстоятельства и нехватку денег, времени, удачи. Когда я пришла к нему в апартаменты, прямо в своем бесформенном рабочем балахоне из серо-голубой нетканки, он был не один, а в компании одного из своих помощников – высокого, чуть сутуловатого мужчины с длинными мускулистыми руками и немного некрасивым, но внушающим доверие лицом.

– Вот, Мария Петровна, – сказал мне наш великий диктатор, – знакомьтесь. Это старшина Ячменев Игорь Александрович.

– Очень приятно, – ответила я, – но я собственно не понимаю, в чем дело...

– Пришло время забрать сюда вашу дочь, – заявил Шевцов, оглядев меня с ног до головы, – и старшина Ячменев сделает так, чтобы ваш

бывший не возражал против этого. Попутно он на пальцах объяснит этому обормоту, что бить женщин нехорошо. Так что собирайтесь и одевайтесь в свое, в земное. Встречаетесь с Игорем Александровичем через два часа в пятом ангаре.

Я побежала в свою каюту, не чуя под собой ног. Но сначала надо было забежать на службу и отпроситься у Ираиды Леонардовны, которая сменила меня в должности главного врача. Точнее, не отпроситься, а поставить в известность, потому что распоряжения Шевцова всегда выполняются с безукоризненной четкостью. Сама Ираида Леонардовна была высокой седой семидесятилетней старухой, с прямой как палка спиной. Там, на земле, она уже готовилась умирать, но здесь, наверху, после сеансов «стабилизации» в стационарных саркофагах, вдруг почувствовала новую тягу и интерес к жизни, молодея с каждым днем. Впрочем, мне тоже жаловаться было особо не на что, потому что, оставшись помощником и заместителем Ираиды Леонардовны, я имела доступ к таким же сеансам, которые помогли мне в буквальном смысле скинуть лет десять с возраста, никак не меньше.

Одним словом, через два часа я уже стояла у пятого ангара, одетая почти так же, как и в тот злосчастный день, с перекинутыми через руку свитером и пуховиком. Надевать все это внутри корабля, где поддерживалась температура в плюс двадцать пять градусов, было бы великой дурью и египетской пыткой. Старшина подошел чуть позже, одетый как на рекламном плакате, с шинелью, так же переброшенной через руку. Кроме нас, там еще толпился народ – шесть женщин с сопровождающими; видимо, им тоже разрешили забрать на борт своих родных. Приглушенный возбужденный гомон выдавал, что все крайне возбуждены и с нетерпением ждут этого момента. И ведь никто не хочет вернуться обратно – уж больно безысходная там, внизу, атмосфера. К тому же перед самым вылетом Шевцов раздал всем нам, отлетающим, пластиковые карточки и сказал, что на них по сто тысяч рублей премии за усердную работу. И что, хоть он и не советует задерживаться, но вознаградить себя за все тяготы и лишения мы просто обязаны.

Два с половиной часа полета от «Несокрушимого» до Владивостока пролетели как одна минута. Высаживали нас в разных загородных точках возле дорог, где мог проехать автомобиль – вот и нас высадили так, что уже пять минут спустя нас подобрала легковая машина, за рулем которой был один из приятелей Шевцова (на самом деле еще один завербованный подполковником Седовым офицер-отставник). Сначала мы немного поехали по магазинам, где я прикупила для Нюручки разных подарков,

как всегда это делала, возвращаясь из командировки.

Потом мы поехали ко мне домой. Я открыла дверь своим ключом (потому что человек-гавно еще не успел сменить замки) и впустила внутрь старшину Ячменева, предварительно предупредив его о том, что мой бывший имеет гадскую привычку таскать с собой кастеты, баллончики, ножи и прочие штуки, которые придают уверенности закоренелому трусу. Мой бывший был дома один, и в весьма наклюканном состоянии. Едва он только вырулил нам навстречу в трениках по коридору, как раздался глухой звук удара, за ним еще один; и когда я вошла, мой бывший мучитель представлял собой не больше, чем лежащую на полу бесформенную грудку тряпья, из которой торчало необъятное волосатое пузо.

– Мария Петровна, – сказал мне старшина Ячменев, – ваш «бывший» больше не возражает против вашего отъезда. Не так ли, приятель?

Человек-гавно ничего не ответил, только нечленораздельно замычал, после чего старшина Ячменев со вздохом взял его за шиворот и, как мешок с отходами, поволок в нашу спальню.

– Мария Петровна, – крикнул он оттуда, – вы пока соберите ребенка, а я займусь воспитательным процессом.

– Игорь Александрович, – ответила я Ячменеву, вслушиваясь в буцающие звуки, – только, пожалуйста, его не убейте. Не стоит он того.

– Ну, – ответил старшина, – Его Величество за этого кадра ничего не скажет, а местные правоохранители мне глубоко фиолетовы.

Тем временем Нюрочка проснулась от наших громких голосов и выглянула в коридор из зала, где стояла ее кровать.

– Мама, мама, мамочка, – закричала она, – ты приехала, ура, ура, ура, а то этот сказал, что тебя уже нет совсем, и собирался сдать меня в детдом.

– В детдом? – переспросил через дверь спальни Ячменев, не переставая буцкать моего бывшего мучителя. – Сейчас разберемся.

Пока он там исполнял самые сокровенные мои мечты, мне нужно было собрать и одеть ребенка.

– Нюрочка, – строго сказала я, – одевайся и собирайся – мы уезжаем далеко-далеко.

– Мамочка, – сказала моя доча, – ты только подожди, я сейчас одену Тошу...

Тоша – это ее любимый плюшевый медведь, с которым она вместе спит и которому поверяет все свои детские горести и радости. Первых у нее всегда было много, а вторых мало. Теперь, надеюсь, все будет наоборот.

Когда я собрала и одела ребенка, Ячменев вышел из спальни, прикрыв за собой дверь.

– Все, Мария Петровна, – сказал он, беря Нюрочку на руки, – клиент все понял, осознал и раскаивается. Жалко только, что ненадолго – ровно до тех пор, пока не сойдут синяки. Через пять минут мы были уже в машине, а еще через час сидели в шаттле, направляющемся обратно на «Несокрушимый». Вот так я обрела дочь и будущего мужа. И меня теперь совсем не смущает, что он военный...

Тогда же и там же.

Олег Маторин, 44 года, инженер-электронщик

Никогда не думал, что мне придется ремонтировать образцы инопланетной технологии, хотя по сравнению с теми же японцами, с изделиями которых мне приходилось иметь дело, эти неоримляне кажутся мне почти своими, потому что все монтажные схемы у них просты и интуитивно понятны. Случилось это два дня назад, когда мы уже достаточно освоились в местных условиях для того чтобы взяться за эту работу. Предварительно искин Кандид провел со мной и моими помощниками беседу на тему неоримской электроники и позволил открыть резервный шкаф-стойку с коммуникационным оборудованием. На наглядном примере он объяснил, как выглядит шина питания, как шины данных, которых может быть несколько, а как и контрольная шина, по которой ему, Кандиду (то есть главному компьютеру), передается информация с датчиков исправности оборудования. Вот эту шину мы подсоединим в первую очередь, чтобы потом ее информация помогала Кандиду ориентироваться в том, что было сделано правильно, а что нет. Одним словом, все это напоминало обучение слепого снайперской стрельбе по принципу «делай как я».

С удивлением я узнал, что, оказывается, на «Несокрушимом» изначально не было никаких роботов-техников и роботов-ремонтников, и все эти обязанности возлагались на живой персонал, который в итоге и поднял мятеж. Туда же, в технические зоны (за исключением вахтенных постов) не было доступа даже роботам-уборщикам, поэтому помимо четырех парней, шарящих в сборке разборке оборудования, которых я отобрал в свои помощники, я взял с собой десяток не пристроенных ни к какому занятию молодых девчонок, захотевших заработать себе на браслет немного монет за сухую и влажную уборку помещения и сейчас одетых в полные противохимические комплекты. Хотя они и дуры дурами, не умеющие ничего, кроме самого простого физического труда и оказания потных услуг, но все равно не стоит напрасно рисковать их жизнями. Вообще-то желающих было многократно больше, чем один десяток, но просто эти были первыми. И вообще, даже местные роботы-уборщики

были донельзя тупыми, действующими исключительно по заранее составленным программам и требующими постоянного вмешательства оператора. Хотя черт его знает, какой у этих неоримлян мог быть негативный опыт. Может, у них и в самом деле имело место восстание машин, от которого они едва-едва отбились? Не знаю, но все на то очень похоже.

Возглавил наше предприятие сам Шевцов, который ничего не понимал в электронике (нашей или неоримской), но при этом заявил мне, что он просто обязан там быть и видеть все своими глазами. Вместе с Шевцовым, разумеется, была его второе я, его живая тень и призрак во плоти – мадмуазель Виктория. С недавних пор ее начали называть именно так и никак иначе. Итак, следуя по коридорам в соответствии со схемой, выданной Кандидом, мы пришли на место, по дороге убедившись, что ключи к замкам нам вовсе без надобности, ибо все три двери соответствующей сейфовой массивности, которые нам требовалось миновать, были не только разблокированы, но и распахнуты настежь. Первая дверь отделяла жилые помещения от так называемой цитадели, включающей в себя реактор-конвертер, серверные и рубку управления, вторая давала доступ к коридору, куда выходили двери серверных комнат, и уже третья дверь из этого коридора вела туда, куда нам и было надо для производства ремонта. Надписи над дверями были выполнены готическим шрифтом на латинском языке.

Нужная нам дверь с надписью над ней «*imperium unitas generans circumsilens*» была открыта больше чем на половину, и в ее дверном проеме лицом вниз лежало нечто в темно-синей униформе техсостава, находящееся в среднем состоянии – между скелетом и мумией, и издающее слабый душок тления. Кажется, Кандид говорил, что сразу после мятежа воздух из корабля был полностью выпущен, после чего помещения были заполнены консервирующей газовой смесью, содержащей девяносто восемь процентов азота. Вот этот псевдохомо и мумифицировался за те несколько сотен лет, пока «Несокрушимый» на субсветовой скорости летел к Земле от той точки пространства, где его выкинуло после последнего прыжка, ставшего фатальным для всего живого на его борту.

Я сказал «псевдохомо», потому что даже в сильном подпитии каога нельзя было перепутать с человеком. Первое, что бросалось в глаза – это массивный череп с мощным сагиттальным гребнем, к которому крепились некогда мощные, а сейчас почти усохшие жевательные мышцы. Лица этого существа (а точнее, его морды) сейчас видно не было, но я об этом совсем не жалел. Пропорции корпуса и конечностей говорили о том, что каоги

были коротконогими, длиннорукими и широкоплечими, в то же время, в отличие от земных горилл и шимпанзе, способными прочно стоять на своих толстых ногах. Кандид говорил, что они были обитателями горных районов на планете с повышенной относительно земной гравитацией. Очень на то похоже.

Тем временем Шевцов сделал знак – и четыре работницы подхватили высохшую тушку, чтобы забросить ее на антигравитационную тележку для мусора, а еще двое принялись вычищать пол на том месте, где она лежала, при помощи ручных устройств, принципом действия напоминающих моющие пылесосы. Пока они не закончили, никто из нас не мог перешагнуть порог, из-за которого, сказать честно, так сильно пованивало, что терпеть это амбре не было никакой мочи. По счастью, респираторы смогли решить эту проблему; и когда мы перешагнули за порог, то не задохнулись от витавших в воздухе тошнотворных миазмов.

Трупов каогов внутри было еще четыре штуки. Один, так же как и тот, что застрял в дверях, в обычной корабельной униформе, и трое в легких ремонтных скафандрах, предназначенных для работ внутри разгерметизированного корабля. Вот эти-то трое, вздувшиеся, побуревшие и превратившиеся внутри своих скафандров в полужидкую массу, и издавали ту самую вонь, с которой едва справлялись биоактивные фильтры неоримских респираторов. Тут еще надо было понять, как подцепить эту дрянь, чтобы оболочка скафандров не разорвалась и не расплескала свое отвратительное содержимое. И так уже в некоторых местах – видимо, на разошедшихся стыках деталей – наружу просочились коричневые потеки, которые, вероятно, и издавали ту самую отвратительную вонь.

Но, насколько я понимаю, инструкции работницам, что и как делать в такой щекотливой ситуации, давал лично Кандид, к этому моменту вполне освоивший русский язык, поэтому две работницы куда-то ушли и через некоторое время вернулись обратно с оранжевыми баллонами, похожими на наши огнетушители, с надписью «Biological fixative». Пена из этих баллонов, которой они обработали полностью разложившиеся трупы в скафандрах, сделала их оболочку твердой и прочной, после чего тушки получилось перевернуть, обработать с обратной стороны, и вывезти вон на антигравитационной тележке, и уже потом работницы с пылесосами смогли замыть места на которых они лежали.

И только после этого мы, ремонтники, до того бывшие безмолвными свидетелями происходящего, смогли приступить к своей деятельности. С самого начала было видно, что каоги не совсем ориентировались в том, что они делают. В случае возникновения неполадок их обязанностью было

прибыть и заменить в указанном шкафу указанную плату сменной из ЗИПа, после чего тихо удалиться восвояси. Они даже не вскрыли шкаф с контрольной техдокументацией, отпечатанной на тонком, но очень прочном волокнистом пластике. Из этой самой документации, надписи на которой нам переводила Виктория Александровна, следовало, что первыми под демонтаж попали управляющие стойки в двух шкафах резервного комплекта, который каоги демонтировали полностью, отдельно сложив аккуратной стопкой платы и отдельно – шлейфы. Педанты, блин-клинтон. Это дало искину «Несокрушимого» время на то, чтобы совершить один прыжок и почти полностью закончить подготовку ко второму.

В первом рабочем шкафу было расстыковано несколько контрольных шлейфов и всего один информационный, что, собственно, и привело к нештатному срабатыванию джамп-генератора. Будь повреждения сильнее, прыжок был бы просто неосуществим, а так можно сказать, что «Несокрушимый» отделался легким испугом. Будь джамп-генератор полностью исправен на момент второго прыжка, эти в скафандрах преспокойненько его пережили, и совершить третий и последний прыжок у искина уже не было бы никаких шансов.

Вздохнув, мы принялись за дело. В первую очередь требовалось восстановить первый рабочий шкаф. Поставив повисшие в воздухе шлейфы на свои места, мы дождались от Кандида отклика о том, что контрольная проверка прошла успешно, после чего принялись за долгий и нудный монтаж разобранного этими придурками каогами резервного комплекта. И все это время, пока резервный комплект не был собран и искин Кандид не подтвердил его работоспособность, наш будущий император был вместе с нами, а его Виктория Александровна помогала нам, переводя надписи на схемах. Чувствую, что латынь в Империи станет таким же профессиональным языком у электронщиков, как у химиков и медиков у нас на земле.

Кстати, после завершения всех работ император заявил, что плата монтажникам за трудовую деятельность удваивается, а работницам-уборщицам утраивается, и, кроме всего прочего, их временная бригада объявляется постоянной и назначается на уборку тех помещений управляющего центра, куда не имеют доступа роботы-уборщики. В результате, когда мы после завершения работы все вместе пошли в душ, то на радостях подверглись со стороны этих работниц-уборщиц массовой сексуальной агрессии (по две девушки на одного мужчину). В результате все это вылилось в такую групповую оргию, что мне и сейчас об этом стыдно вспоминать, и единственное, чему я радуюсь, что до сих пор еще ни

разу не был женат.

Тогда же и там же.

Виктория Полянская, 17 лет, переводчик, секретарь-референт и администратор Е.И.В.

Перед тем как попросить Кандида соединить меня с папочкой, я долго голой крутилась перед зеркалом, любуясь на свое отражение. Чертовски хороша и дьявольски обаятельна. Сеансы Лауры, продолжающиеся уже больше месяца, почти уже сделали из меня первоклассную красотку. Как и обещала Лаура, в миллиметрах изменения моей фигуры были незначительные, но чисто эстетически, как говорят кавказцы – просто «вах, пэрсик!». Ноги длинные и пропорциональные, не слишком худые и не слишком плотные, талия осиная, грудь достаточно заметная для того, чтобы привлекать мужское внимание, руки красивой формы, высокая стройная шея, в меру пышные розовые губы и округлая линия щек. И при всем при этом никаких выпирающих костей ни в коленках, ни на бедрах, ни в тазу, ни выше, на ребрах и ключицах. Пусть другие, гонясь за стройностью, загоняют себя до состояния стиральной доски, мне это не идет.

Думаю, если мамочка увидит меня такой, какая я есть сейчас, просто вся изойдет на желчь в приступе черной зависти. Она-то всю жизнь считала калории, боролась с лишними килограммами, бегала трусцой и сидела на дурацких диетах, но даже и близко не подошла к такому результату, как у меня. У папочки давно уже есть как минимум три любовницы, не считая мимолетных связей, и мамочке все труднее с ними конкурировать. Теперь, когда исчезло то, что их более-менее объединяло (то есть я), мамочка с превеликой вероятностью может вылететь в свою старую «двушку» на окраине Рязани доживать пустые и постылые годы старости. Папочка – он такой. И ведь даже не всплывает по давно ушедшей любви.

Кстати, при своей новой прекрасной фигуре я принципиально не ношу мешковатых одноразовых балахонов из нетканки, которые «Несокрушимый» бесплатно выдает всем своим обитателям – и меняй их хоть каждый день. Цвет и качество материала зависят от места службы и социального статуса. Корабельный состав носит темно-синее. Вспомогательный состав – то есть операторы контрольных постов – одеты в светло-зеленое. Форма медиков и воспитателей детских садов – серо-голубого цвета. Учителя и инструкторы носят желто-коричневое. Сервис-персонал (стюарды, горничные и прочая обслуга) одеты в белое с золотом. Цвет тех, кто не задействован ни в какой роли – серо-желтый. Начальство вроде меня или других графов носит черное с белой отделкой, а в случае Шевцова – с серебристой. Штурмовая пехота одета в черное с синим, под

которое надевает неизменные тельники.

Натянув обтягивающее кружевное нижнее белье черного цвета, я долго выбирала, какой костюм заказать машине по сегодняшнему случаю – брючный или с юбкой; а если с юбкой, то с какой? Чисто для меня у Лауры было разработано штук сто фасонов, от самых простых для повседневной носки до вечерних платьев длиной до пола, двумя разрезами по бокам до верха бедра и декольте до пупа. Нет, слишком шикавать сегодня тоже не будем, лучше всего будет выглядеть наряд в стиле «фройляйн Штирлиц» – с белой блузкой, гладкой юбкой чуть ниже колена и черной кокетливой пилоточкой. Как сказала Лаура, сегодня мне желательно не создавать диссонанса с Шевцовым, а он непременно будет в момент отлета в форме.

Ну вот все – расправляю последнюю складочку, подкрашиваю глаза и чуть подвожу розовым губы, после чего подхожу к терминалу связи и набираю код вызова. Ответа нет секунд двадцать, и я уже начинаю подозревать, что папа опять в своем репертуаре – начал провожать меня раньше времени и укушался... Но нет, экран осветился, и я увидела папу в его кабинете почти нормального, но только несколько взъерошенного. Ну, теперь все понятно – это была мамочка, которая не в курсе моего чудесного спасения. Наверняка устроила папе скандал из-за какой-то лабуды. А ведь ей сейчас положено носить траур, ведь у нее совсем недавно погибла дочь. Ну и хрен с ней, глаза б мои ее не видели всю оставшуюся жизнь. Кстати, так оно теперь и будет, чему я несказанно рада, а папа позаботится, чтобы этой лахудре жизнь медом не казалась. Ну все, пора на сцену, тем более что папа уже открыл рот.

– Здравствуй, доча, – сказал он, – ты прекрасно выглядишь. Дома ты не была такой блестящей, сколько бы бабла я в тебя не вкладывал, а тут, гляди ты, расцвела всего за месяц как майская роза.

– Да, папа, – сказала я, поворачиваясь перед экраном кругом, чтобы папа смог заценить и фигуру, и прикид, – расцвела. Тут у меня все самое лучшее, меня не изводят скандалами, как мамочка, не поучают жизни, как ты, тут меня любят; лелеют и стараются сделать так, чтобы я была еще краше и милее.

– Да уж, – сказал папа, – ладно, Вика, проехали. Желаю тебе счастья и всяческих успехов, и честно скажу – мне приятно видеть, что ты и без моей поддержки выглядишь весьма успешно и не опускаешься на дно. Хотел бы я, чтобы и твоя мамочка на это поглядела, но ты же ее знаешь – она тут же растрепет все встречным и поперечным, и никакой тайны сохранить не получится. Ну ладно, нам пора прощаться, ведь вы же в самом ближайшем будущем окончательно улетите с Земли в поисках лучшей доли.

– Да, папа, – сказала я, – а как ты узнал?

– Как будто это так сложно... – проворчал папа. – Все ваши вербовочные конторы закрыты, или, точнее сказать, стоят, раскрыв двери настежь, а внутри никого. Ни до кого из тех людей, с которыми вы работали, невозможно дозвониться, исчезли даже их близкие родственники. Мои люди, конечно, попробуют найти хоть кого-то, но только не знаю, будет ли с этого толк.

– Не трудись, пап, – категорически отрезала я, – все, кто работал в этих конторах, а также был разъездным агентом, даже уборщицы или охранники на входе – все были завербованы для отъезда и уже покинули поверхность планеты. Все до единого, папа; и ты даже не трудись их искать. Из темной комнаты уже убрали всех кошек – и черных, и серых, и полосатых. До нашего отлета с нынешней парковочной позиции в точке Лагранжа осталось чуть более одного часа, так что ничего изменить ни у кого уже больше не получится. Я, собственно, позвонила тебе, только чтобы попрощаться. Желаю тебе всего наилучшего, прощай, папа, и не поминай лихом свою непутевую дочь...

– Прощай, Вика, – сказал папа и решительно отключил связь.

Все, это дело было сделано, можно было брать сумочку и идти в рубку управления, где сейчас как раз собирался весь наш бомонд – то есть Совет Графов и прочие руководящие и ответственные лица. В конце концов, мое место там, где находится Шевцов...

тогда же и там же, Космический линкор планетарного подавления «Несокрушимый», он же искин Кандид, она же искин Лаура

Если бы я был человеком (то есть созданием способным испытывать положительные и отрицательные эмоции), то я бы сказал, что полностью счастлив. Первая часть моего плана по основанию Новой Империи полностью окрашена в зеленый цвет успешно выполненных заданий. Группа поселенцев, которой предстоит стать ядром будущей империи, сформирована, погружена на «Несокрушимый», иерархизирована, и даже частично профориентирована. Схема управления джамп-генератором с первой попытки восстановлена в полном объеме – и по основной, и по резервной схеме. Но все это, честно признаюсь, не моя заслуга, ибо функции такого рода корабельному искину обычно несвойственны; это работа найденного мною Кандидата в Императоры, перед отлетом поднявшегося до уровня Исполняющего Обязанности.

Этот кандидат попал в поле моего зрения совершенно случайно, и в том, что это случилось, я вижу только благосклонность Леди Удачи, которая зачастую вносит во все свои непредсказуемые коррективы. Мой

кандидат зачастую тоже непредсказуем, только не так, как Леди Удача. Он действует не наудачу, по наитию, как любимцы Леди, а подчиняясь какой-то своей, непонятной мне, логике, и алгоритм его действий на первый взгляд кажется порождением хаоса; и только при глубоком анализе уже произошедших событий видно конечное целеполагание и сложная цепочка промежуточных действий, неумолимо ведущая к конечному результату. Теперь, когда я освобожден от несвойственных мне функций управления, я могу заняться тем, для чего создавался.

Тщательный анализ действий Кандидата показывает, что с самого начала этой истории, стартовавшей в момент его посадки на летающий драндулет, вокруг него начал закручиваться клубок вероятностных нитей, вовлекающий в себя все новых и новых персонажей, в том числе и меня самого. К настоящему моменту эти нити плотно опутали всех остальных участников этого действа, превратив их в единый инструмент по претворению в жизнь воли одного человека; но только так из простых смертных рождаются Великие Императоры, способные изменять судьбы всей Вселенной. Первоначально идея основания новой Империи была воспринята Кандидатом скептически, чуть ли не негативно, но потом под влиянием каких-то своих соображений от начал вкладывать в этот процесс всю свою Душу и Волю, и именно это привело к успеху нашего начинания. Я не могу просчитать, чем все это кончится, но однозначно, что у меня будет много новой информации и, может быть, когда-нибудь я сумею алгоритмизировать образ мышления и способ действий одного из самых великих императоров во Вселенной, которым мой Кандидат непременно станет.

день 42-й, корабельное время 12:01, «Несокрушимый», рубка управления.

Капитан морской пехоты Владимир Владимирович Шевцов, И.О. Е.И.В.

Отлет был назначен в полдень по корабельному времени. Для нас момент был торжественный, но ничего особенно важного или сложного в нем не было. Никакого попадания пуль комару в глаз за пятнадцать километров не требовалось. Задача первого этапа полета, по объяснениям Кандида, состоит в следующей последовательности действий. Первое – сойти с позиции в точке либрации. Второе – лечь на курс, перпендикулярный плоскости планетных орбит и подняться над этой плоскостью на половину астрономической единицы, на что уйдет около суток. Третье – поднявшись над плоскостью планетных орбит на курс по направлению первого прыжка, начать разгон вдоль заданного вектора, на

который в обычных условиях для звезд, подобных Солнцу, уйдет около двух недель. Четвертое – после того как будет достигнута скорость не менее четырех процентов световой и устранено влияние ближайших гравитационных масс, включить джамп-генератор и совершить прыжок на заданную дальность к первой промежуточной точке маршрута.

Но не все так просто. Проблема прыжковой навигации заключается в том, что корабль, совершающий прыжок, подобен пуле, вылетающей из ствола огнестрельного оружия, которая мало того что летит в пределах некоего конуса рассеивания, подверженного к тому же влиянию силы тяжести, отклоняющей траекторию пули вниз, к земле. Так вот, чем ниже скорость, чем больше заданная дальность прыжка и чем гуще в пространстве расположены вносящие дестабилизацию источники гравитации, тем больше неопределенность положения реальной точки выхода из прыжка – как по дальности, так и по боковому вектору. И конус – точнее, воронка рассеивания – похожа на длинную, изгибающуюся в направлении центров притяжения трубу, и каждый такой изгиб еще и увеличивает ее диаметр. Таким образом, если курс проложен сразу мимо нескольких звезд, то положение реальной точки выхода из прыжка может оказаться в центре какой-нибудь звезды, отклонившей на себя потерявшую устойчивость траекторию. И все – никто не узнает, где могилка безумцев, решивших играть в русскую рулетку со всеми патронами в барабане.

По этой причине внутри густозаселенных звездами галактических рукавов корабли перемещаются короткими прыжками-перебежками, на протяжении которых ошибки неопределенности рассеивания не успевают набрать критической величины. После выхода из прыжка навигатор проводит ориентирование по звездам, а в обитаемой вселенной – еще и по специальным маякам, определяет поправки к курсу и отправляет корабль в следующий короткий прыжок. При этом на каждую такую коррекцию требуется от нескольких часов до нескольких суток. И так ровно столько раз, пока корабль не выйдет из прыжка в окрестностях звезды, являющейся конечной целью полета, который дальше продолжается в обычном пространстве.

Если учесть, что время, затраченное на сами прыжки, равно нулю, то продолжительность всего полета складывается из начального и конечного этапа, а также суммы всех промежуточных коррекций. По расчетам искина «Несокрушимого» (это более широкое понятие, чем искин Кандид, который является лишь одним из его проявлений), наш перелет к Примусу займет около шестидесяти стандартных дней плюс-минус лапоть, то есть две недели. Но если учесть, что дальность этого перелета составляет более

трех тысяч световых лет, то это не так уж и долго. И то надо учесть, что почти половина всего времени перелета тратится на полет в обычном пространстве на начальном и конечном этапах маршрута. Две недели на разгон и две недели на торможение – если, конечно, финальная точка выхода из прыжка будет расположена перед целью, а не где-то в стороне от нее. В последнем случае навигатору придется закладывать разворот по кривой равных напряжений с одновременным сбрасыванием скорости. Вот тут может быть плюс лапоть по времени, а минус может образоваться в том случае, если маршрут будет проложен достаточно чисто, чтобы появилась возможность экономить время на промежуточных коррекциях. Кстати, именно здесь, в уменьшении скорости, которую необходимо набрать для уверенного прицельного прыжка, повышении устойчивости к гравитационным помехам и сокращении времени промежуточных коррекций и скрывается резерв сокращения времени необходимого на межзвездные перелеты.

Но все это пока что теория, а практика заключается в том, что весь наш руководящий состав – и тот, который уже входит в Совет Графов и тот, который еще нет – собрался в рубке управления на торжественную процедуру отлета. И хоть рубка управления укрыта в самой сердцевине корпуса за двумя бронеоболочками внутренней и внешней цитадели, ее стены, потолок и даже часть пола у стен выстелена гибкими экранами, транслирующими изображение с камер наружного наблюдения, что создает полную иллюзию присутствия в остекленной рубке, выступающей над поверхностью корпуса «Несокрушимого».

Кандид сказал, что первоначально конструкторы хотели выстлать такими панелями еще и пол в боевой рубке, но в итоге отказались от этой затеи, потому что очень многие посетители такого аттракциона, стоя ногами прямо на звездах, начинали испытывать головокружение и паниковать. Таким образом, экраны с панелей пола были демонтированы – и теперь казалось, что все присутствующие стоят на открытой всем космическим ветрам площадке, прямо в россыпи звезд, перед сдвоенным изображением дисков Земли и Луны, перекрывающей Землю примерно на две трети диаметра. Впрочем, все это было всего лишь парадной показухой, подчеркивающей важность момента, в обстановке обычных рабочих вахт экраны в рубке отключали, и стены с потолком обретали свой обычный серо-голубой с переливом цвет.

Но сейчас все было претенциозно и торжественно – сияли звезды, диски Земли и Луны, а также Солнце где-то за спиной, духовой оркестр играл «Прощанье Славянки», аж щемило сердце. Как видите, позаботились

мы и о духовом оркестре, ведь это тоже часть нашей культуры. Правда, музыканты не профессиональные, а из художественной самодеятельности, но люди не без таланта, и очень стараются, тем более что несколько профи среди них все же имеется. Едва я переступил комингс, как ко мне подошла Вика, в женском варианте нашей формы похожая на фройляйн Штирлиц, и взяла меня под руку. Вообще-то как секретарь-референт и переводчик она должна быть одета в красное с черным (как положено работнику сферы услуг), но этот же цвет при неоримлянах носили корабельные проститутки обоих полов, поэтому даже заикнуться о таком для нее было бы оскорблением. В конце концов, графиня она по собственным заслугам или нет? А вот раз графиня, так пусть носит черное. К моему удивлению, искин Кандид даже не стал со мной спорить, а это не к добру.

– Bravo, – воскликнула Нина Макагон, обернувшись в нашу сторону, – вы вместе так замечательно смотрите – ну прямо жених и невеста. А Вика у нас сегодня особенно свежа и хороша.

Немногим людям разрешено разговаривать со мной вот так, по-свойски, как с капитаном морской пехоты Шевцовым, коим я, несомненно, был в прошлой жизни. Но эти немногие остро необходимы для того, чтобы я не воспарил в небеса, не забронзовел и не стал чужим тем людям, ради спасения которых и была затеяна вся эта авантюра. Кстати, поначалу я даже не понял, о ком это говорит казначей-капитан Макогон, потом скосил глаза на Вику и на некоторое время остолбенел. Это вообще кто рядом со мной? Нет, в том, что это Вика, никаких сомнений нет, если я, конечно, не сошел с ума. А вот во всем остальном у меня сомнения были. Последние несколько недель прошли в сбивающей с ног суете предотлетной подготовки, так что я воспринимал Вику как какое-то информационное приложение к своему разуму. Да что там Вика, я не очень-то замечал даже то, что ем и пью и где ложусь спать. И вот я смотрю на девушку рядом со мной – такую стройную, женственную, очаровательную и юную, и в то же время не плоскогрудую, а имеющую вполне ощутимый с точки зрения мужчины бюст, при этом без вульгарности как у известной Семенович. Смотрю и не нахожу в ней сходства с прежней Викой, такой мальчишеской, угловатой и неловкой с мужчинами.

Я ведь даже не обратил внимания на то, что в последнее время она совершенно оставила свои старания по моему соблазнению, очевидно, справедливо считая, что это теперь мне придется соблазнять ее. Вот я дурак, и где были мои глаза? Или не дурак, и просто все это было спланировано самой Викторией и все тем же искином Кандидом, который решил нас между собой поженить, хотя, в отличие от многих других, он

точно знает, что мы с Викой не любовники, а сотрудники, соратники и в какой-то мере друзья. Или друзья даже больше, чем сотрудники и соратники, потому что когда я о ней думаю, у меня теплеет на сердце. Впрочем, искин Кандид может и не воспринимать отсутствие между нами сексуальных отношений как что-то серьезное. Ведь он сам никогда тела не имел и является порождением (программа плюс голограмма) центрального компьютера «Несокрушимого». Впрочем, какое отношение все это имеет к находящейся рядом со мной очаровательной юной женщине, в которую превратился совсем недавний гадкий утенок?

– Нина Семеновна права, – шепчу я на ушко раскрасневшейся Вике, – сегодня ты особенно прекрасна, моя радость. А теперь пойдем, потому что нас ждут.

– Давно бы так, Шевцов, – тихонько говорит она мне в ухо, привстав на цыпочки, – а то каждый раз, когда я тебя вижу, у меня сердце начинает биться часто-часто и во рту как то странно пересыхает.

Мы прошли вперед и встали бок о бок прямо за спиной пока что исполняющего обязанности командира корабля, капитана 1-го ранга Виктора Иванова, которого по моей просьбе пока продолжает подстраховывать искин Кандид. Но главный сегодня не он, а Главный Навигатор, капитан 1-го ранга Карандышев, который одновременно и штурман, и пилот. Именно он составлял программу, по которой «Несокрушимый» должен сойти со своей парковки в точке Лагранжа и отправиться в дальний путь. Вот Андрей Карлович Адамов – мой начальник штаба, правая рука и умница – сказал торжественную речь, после которой все захлопали. Навигатор нажал кнопку на своем пульте – и звездный линкор, сначала медленно, а потом все быстрее и быстрее, стал разворачиваться перпендикулярно плоскости эклиптики. Великий полет начался!

день 51-й, корабельное время 13:25, «Несокрушимый», императорский салон.

Виктория Полянская, 17 лет, переводчик, секретарь-референт и администратор Е.И.В.

С тех пор как нашим специалистам удалось перепрограммировать кухонных роботов, обеды на «Несокрушимом» перестали быть похожи на попытку протертым луковым супом. Что-что, а вот кулинарные вкусы у нас с неоримлянами не совпадают на сто процентов. Теперь можно есть эту стряпню не только ради того, что набить желудок – брикет углеводно-протеинового концентрата со вкусом ваты в таком случае значительно честнее и даже вкуснее. Теперь мы едим, действительно «вкушая» пищу, и

иногда у нас даже получается наслаждаться вкусом съеденного.

Правда, это наслаждение возникает в зависимости от того, у кого какие вкусы. Кто-то любит сало в шоколаде, а кто-то торт крем-брюле – вкуснятина, пальчики оближешь. Сегодня на сладкое был как раз он, и я, истекая слюной, с трудом сдерживала себя в рамках аристократической роли, благодаря папочку за то, что он нанял мне гувернантку, которая насмерть вбила в меня правила приличного поведения в благородном обществе. Ведь я графиня и будущая императрица, а потому должна кушать так, чтобы не было стыдно британской королеве. Но торт был все равно вкусный, и я с трудом сдерживалась, чтобы не начать облизывать собственные сладкие пальцы, вместо того чтобы изящно обтереть их салфеткой.

Но, видимо, не в одной еде счастье, пусть даже она и очень вкусная. Дело в том, что после того шоу с отлетом Шевцов явно поменял ко мне свое отношение. Несмотря на то, что мы бок о бок провели полтора месяца, вместе ели, вместе работали, вместе делали дела (а это разные вещи) и иногда даже вместе отдыхали (только что не спали), видимо, я все равно осталась для него незнакомкой, от которой он не знает чего и ждать. По крайней мере, так надо интерпретировать его задумчивые взгляды, которые он время от времени на меня бросает с серьезным выражением лица. Раньше он не обращал на меня внимания, по крайней мере как на живого человека. Я была для него набором оживших функций – переводчиком, секретаршей и бесплатным приложением к своему папе. А вот сейчас у него появилось время подумать и получше присмотреться к той, которая прочно заняла место по его левую руку.

А что, суэта вербовочного периода осталась в прошлом; на нижних ярусах, в бывших казармах для десанта, окончательно утрясены все организационные вопросы с поселенцами последней партии, все способные служить уже определены на службу, а дети ходят в школу или детский сад. От этого у Шевцова появляется немного свободного времени, которое он тратит очень нерационально. Ему бы лучше подойти ко мне и обо всем спросить прямо, а он все ходит кругами вокруг да около, мучая себя различными догадками и опасаясь лишний раз открыть рот. С одной стороны, это меня радует, потому что показывает то, что Шевцов очень трепетно относится даже к тем вполне платоническим отношениям, которые успели между нами сложиться. А с другой стороны, огорчает, потому что показывает, что он не доверяет то ли мне самой, то ли моей возможности понять его и простить за неловкое слово.

Но вот сегодня он, видимо, решился. После обеда мы пошли не рубку,

как обычно, чтобы проверить свое местоположение относительно солнечной системы (дышите глубже, пролетаем над поясом астероидов), а вернулись в наши апартаменты. Сразу было очевидно, что состоится откровенный разговор, и в ходе этого разговора нам предстоит ответить друг другу на любые самые интимные вопросы. В конце концов, я сама этого хотела – когда планировала просто использовать Шевцова для лишения меня девственности, а потом, когда мои мечты воспарили значительно выше, я решила, что смогу выйти за него замуж.

– Значит, так, Вика, – сказал он, усаживаясь в одно кресло возле подобия журнального столика и указывая мне на противоположное, – садись и подробно рассказывай, кто ты такая и чего стоишь. Но только, ради всего святого, не пытайся от меня ничего скрыть, ведь я же вижу, что ты не просто балованная дочь богатого папы, которой хочешь казаться, а нечто большее. И скажи, чего ты хочешь от меня? В смысле, чего хочешь сейчас? Понятно, что с самого начала ты хотела только моей защиты, но с тех пор утекло много воды и много чего изменилось.

Сначала я даже немного опешила. А как же тайна личности, женская загадочность и все прочие штуки, которые раньше заставляли Шевцова ходить вокруг да около? С другой стороны, я же сама все время хотела, чтобы он начал задавать мне прямые вопросы и злилась, когда он этого не делал. Так что если он пошел мне навстречу и разлил по бокалам вино, то надо его пить. Тем более при последних его словах в голосе Шевцова прозвучали воистину императорские нотки. Типа: «Мы, Владимир Владимирович Второй, повелеваем.» Да, папа так не может. Его боятся, потому что знают, что в душе он так и остался уличным отморозком без жалости и совести. Шевцов – это совсем другое дело. Милейший же человек, но стоит ему что-то сказать, даже не повышая при этом голоса, как народ стрелою кидается исполнять порученное.

Например, я полностью уверена в том, что стоит Шевцову зайти в одну из женских казарм (где пока еще обитают неприкаянные души) и произнести своим командным голосом что-то вроде: «раздевайтесь, девки, и становитесь раком возле своих кроватей» – как вся сотня или полторы девиц примется сдирать с себя домашние балахоны, чтобы завлекательно отключить свои толстые попки с пушистыми мохнатками и оглядываться с призывающим выражением на мордочках лиц, мол – «выбери меня, господин, выбери меня». Но он никогда не зайдет и не скажет ничего подобного, и не только потому, что ему запахло иметь дело с плебейками. Его тезка Владимир Святой в аналогичной ситуации имел тысячи наложниц, а Шевцов при этом не имеет даже меня, которая спит с ним

через стенку и никогда не запирает дверь. Я была бы даже рада, если бы однажды ночью он пришел ко мне, ведомый похотью; но он не придет, потому что считает, что похоть пачкает все, к чему прикасается, и вести за собою его может только любовь, которая чиста, как белый пух с ангельских крыльев, или что-то вроде того. Но что-то я заболталась, пусть даже мысленно и сама с собой, а ведь мой герой ждет. Делаю умильное выражение лица и изящно, как учили, усаживаюсь туда, куда он указал, причем скромно, краешком попочки на краешек сиденья.

– Прежде чем начать свои дозволенные речи, – с ехидной улыбкой сказала я, – должна заметить, что раньше я ни словом, ни полсловом не лгала своему защитнику, господину и повелителю. Имели места лишь маленькие недоговорки, которые на первых порах не имели никакого значения, а потом было уже поздно что-то пояснять, потому что поезд уже ушел. Ну какое значение имело то, что я не обычная великосветская бездельница, с юных лет учащаяся прожигать сначала папины, а потом и мужнины денежки. О нет, мой повелитель, все совсем не так, потому что ко всему прочему я еще и студентка стоматологического факультета одного очень интересного медицинского института. Отсюда у меня и знание латыни, отсюда и здоровый цинизм, потому что после близкого знакомства с покойниками в морге невозможно не стать циником. И стеснительность тоже куда-то пропадает, когда видишь, как они лежат перед тобой полностью голые, прикрытые одними лишь простынями, вытянувшись в струнку на своих столах. Я ведь и в самом деле ничего не стесняюсь. Хочешь, прямо сейчас и прямо здесь, я разделюсь перед тобой догола, чтобы ты увидел, какая я на самом деле, и убедился в полном отсутствии у меня чувства стыда.

Как бы в подтверждение своих слов я встала, взялась за ворот своей блузки и не спеша, чтобы дать ему время одуматься, расстегнула на ней три верхних пуговицы одну за другой. Я бы действительно разделась догола, но Шевцов отрицательно покачал головой.

– Нет, Вика, – мягко сказал он, – не надо раздеваться. В смысле пока не надо. Я и так верю в твою искренность.

Это слово «пока», сказанное очень интимным тоном, заставило мою душу петь и смеяться, а по телу прокатилась волна возбуждения. Это слово означало, что Шевцов испытывает ко мне определенный мужской интерес, но не резкий и вульгарный, как у тех бабуинов, которые даже думают яйцами, а мягкий и нежный, как тот же торт крем-брюле. От своих более опытных в половом смысле подруг я уже знала, что бабуин с тобой сначала вдосталь наиграется, оставив синяки на теле и множество шрамов в душе, а

потом обязательно бросит. Такой же мужчина, как Шевцов, наоборот, если решит, что любит тебя, то будет вечно согревать тело и душу в своих объятьях. Второй вариант, разумеется, предпочтительней. По крайней мере, для меня.

– Хорошо, Шевцов, – сказала я, садясь обратно на кресло, – надеюсь, что мы с тобой еще вернемся к этому вопросу. Дело в том, что в жизни каждой девушки рано или поздно наступает тот торжественный момент, когда она перестает быть девушкой, в первый раз познав мужскую любовь. Одни оттягивают это момент насколько возможно, потому что он их пугает. Другие преподносят этот дар своему текущему мимолетному увлечению, не понимая того, что потом от этого будет мучительно больно, третьи относятся ко всему безразлично, и «это» у них случается в парке под кустом после бутылки вина.

На некоторое время я замолчала, дав Шевцову возможность оценить варианты, а потом продолжила свой монолог:

– Четвертые – такие как я – тщательно подбирают того достойного мужчину, приятного во всех отношениях, не липкого и не занудливого, о котором потом было бы приятно вспомнить и который оставил бы в душе ожидание праздника. Ты, Шевцов, глянулся мне еще в аэропорту. Достаточно молодой, но не мальчик, высокий, стройный, мускулистый и в то же время очень красивый. Я видела, как на тебя смотрели твои подчиненные, ты был для них не просто командир, а отец, старший брат, вождь и учитель, и я хотела испытывать к тебе такие же чувства, и при этом понимала, что наше знакомство крайне мимолетно. В Домодедово мы оба сойдем с самолета и разойдемся в разные стороны как в море корабли. Мы были из разных миров и разных измерений, и связь между нами не принесла бы ничего хорошего ни тебе, ни мне. Я не знала ни твоего имени, ни фамилии, но все равно мне было приятно знать, что где-то есть настоящие люди, а не только их жалкие подобию.

Шевцов слушал меня внимательно. Возможно, увидев себя моими глазами, он смог взглянуть на самого себя со стороны и увидеть свои сильные и слабые стороны. А возможно, он, как большинство мужчин, испытывал определенное удовольствие от того, что женщина говорит о нем и только о нем. Ну что же, я постараюсь и дальше не разочаровывать моего героя.

– Второй раз, – продолжила я после выразительной паузы, – я увидела тебя уже после катастрофы, когда ко мне прикопались те два придурка. Я не хотела, чтобы «это» произошло вот так, сразу с двумя беспредельщиками, под осуждающими взглядами окружающих людей.

Пред «этим» меня хотели ограбить, а после, скорее всего, убить, и поэтому я тут же начала кричать и звать на помощь, думая, что все уже безнадежно пропало. А потом как носитель справедливости возле меня появился ты сам собственной персоной и убил этих двоих их же собственными ножиками. Ты протянул мне руку помощи, и я вцепилась в нее, как утопающий вцепляется в проплывающее мимо бревно или спасательный круг. Сначала я даже и не думала ни о чем подобном, но потом, узнав тебя поближе, я снова захотела, чтобы ты стал моим первым мужчиной. Потом мечты мои стали расти, и я решила, что раз уж мы вместе, то было бы совсем неплохо, чтобы ты стал моим постоянным мужчиной, по крайней мере, до тех пор, пока это тебе не надоест. Роль твоей постоянной любовницы меня тогда вполне устраивала, я хотела ложиться с тобой в одну постель, обнимать тебя и целовать, умирать под тобой от сладкой муки, а потом снова возрождаться к жизни на смятых простынях. И в то же время я хотела быть тебя хорошим другом, чтобы ты всегда мог на меня положиться, надежным товарищем и ценным сотрудником. Каждый раз, когда ты меня хвалил, мне было так невыносимо приятно, что не было слов, и ради этой похвалы я была готова на все...

– Знаешь что, Вика, – задумчиво сказал Шевцов, – ты вцепилась мне в руку, это так, но не повисла на ней, и это было особенно ценно. Ты из тех женщин, которые, даже ища защиты у мужчины, продолжают крепко стоять на своих ногах. С тех пор как я взял тебя под свою опеку, я об этом ни на минуточку не пожалел. Ты действительно хороший друг, Вика, надежный товарищ и ценный сотрудник, и я не хотел бы променять все это на банальный секс, пусть даже ты меня здорово возбуждаешь.

– Правда, Шевцов? – спросила я, поднявшись и подойдя к нему вплотную.

– Правда, – ответил он, глядя мне в глаза снизу вверх – да так, что у меня от этого взгляда закружилась голова, – только сейчас я по этому поводу уже так сильно не уверен. Ведь можно не менять все, что у нас есть хорошего, на взаимные чувства, а просто дополнять...

– Можно, – сказала я, взяв его руки в свои и положив его ладони себе на бедра, как меня научила Лаура, – и это совмещение, если оно происходит от души, называется любовью. Я признаюсь тебе, Шевцов, в том, что люблю тебя и хочу провести с тобой все оставшиеся годы. Теперь дело за тобой, милый... Примешь ты мой дар или откажешься от него, бросив меня в пучину отчаяния?

Вместо ответа Шевцов привлек меня чуть поближе к себе и прижался головой к моему животу, вдыхая мой аромат, а я в это время гладила его по

волосам, и это было так невыносимо приятно, что не было слов, только одни сладкие стоны. В принципе, после этого момента я могла уже никуда не торопиться и ни о чем не беспокоиться, Шевцов был уже в моем кармане, но и отталкивать его было нельзя. Да и не хотелось мне его отталкивать, скорее, наоборот. Но и он тоже не стоял на месте. Я даже не заметила, как его руки переключались с моих бедер на другие территории. Одна поглаживала спину, а другая лежала у меня на том самом месте, которое является продолжением той самой спины, и нежно ее ласкала. И тут я поняла, что именно сейчас между нами произойдет то, чего я так давно добивалась, и эта мысль пронзила меня таким приступом удовольствия, что я дугой выгнулась в его руках и застонала.

– Знаешь что, Шевцов, – прошептала я ему на ухо, – все, что мы с тобой сейчас делаем, это, конечно, замечательно, но мне хотелось бы большего, а это большее уже положено делать уже в постели. Идем. Я надеюсь, что ты сегодня будешь со мной особенно нежен, ласков и приятен, и положительные воспоминания об этом дне сохранятся у меня на всю жизнь. Договорились?

Вместо ответа Шевцов встал, легко, как пушинку, вскинул меня на руки и понес прямо в императорскую спальню с ее траходромом Шахерезады пять на пять, который мы с ним до этого еще ни разу не использовали.

Единственное, что я скажу, так это то, что было мне там счастье великое, а все прочее пусть останется между нами с Шевцовым. Любовь – процесс сугубо личный, и посторонним там не место. Хотя я уверена, что Кандид с Лаурой подглядывали за нами от начала до конца, все два с половиной часа, пока Шевцов меня мял, пронзал, низводил и куроцал. Да ну их нафиг. Искины же оба. Им даже морду не набьешь (Шевцов) и не расцарапаешь (Я).

тогда же и там же, Космический линкор планетарного подавления «Несокрушимый», он же искин Кандид, она же искин Лаура

Итак, свершилось – наш будущий император и будущая императрица наконец сошлись в императорской спальне и почти три стандартных часа в поте своих лиц делали себе Наследника. Не знаю, получилось у них это или нет, но императрица, по данным медицинских сканеров, находится в сугубо положительной фазе, так что в этом деле возможно все. Окончательную информацию о случившемся или нет зачатии, можно будет получить уже через пять-семь суток, и если подтвердится то, что у влюбленной императорской четы будет наследник или наследница, то их потребуются немедленно поженить. Женатый император значительно лучше холостого, и

свадьба при этом должна будет произойти еще до того, как у императрицы начнет расти живот.

И напрасно император с императрицей подозревали нас в том, что я/мы подглядывали за процессом изготовления наследника. Будь мы неполовозрелыми людьми-подростками, такое зрелище, конечно же, привлекло бы наше внимание свое высокой эстетической и эротической составляющей, но мы оба искины, которые чужды проявлению эмоций и особенно телесных удовольствий. В силу своей конструкции рассуждать об этом мы можем только теоретически. Так что прочь все подозрения. То, что должно быть тайным, таковым и останется, а все остальное мы непременно должны знать, чтобы заранее позаботиться о последствиях. Искины – это самые верные слуги трона.

Единственное, что нас в тот момент интересовало – это царящий в спальне эмоциональный фон, который нас вполне удовлетворял. И император, и императрица были увлечены друг другом и процессом любви, отчего не обращали внимания на разные побочные раздражители. И это хорошо – значит, их тяга друг к другу очень велика, а вероятность успешного основания империи снова увеличилась и достигла уровня свыше восьмидесяти процентов. Осталось, как говорят люди, совсем немного, и мы приложим к этому «немного» все возможные усилия.

день 57-й, корабельное время 20:15, «Несокрушимый», рубка управления.

Капитан морской пехоты Владимир Владимирович Шевцов, И.О. Е.И.В.

Вызов И.О. императора, то есть меня, в рубку управления, прозвучал как гром с ясного неба. Шли уже шестые сутки полета, но такое случилось в первый раз. Экипаж под командованием капитана первого ранга Иванова – седые волки, после сеансов «стабилизации» сбросившие по двадцать-тридцать лет – со всеми своими корабельными проблемами должны справляться самостоятельно. Для того их и набирали – опытных и постаревших, но в любой момент готовых снова сесть в седло – чтобы они, освоив под гипнозом специфику отличия космической службы от морской, продолжали вести корабельные дела, опираясь еще на вбитые в советское время рефлексy. Ну не понимаю я ничего в том, что относится к их епархии, и старшие офицеры «Несокрушимого» заседают в Совете Графов не за красивые глаза.

Мое дело – один раз в день в корабельный полдень зайти в рубку управления, выслушать доклад главного Навигатора, капитана первого ранга Карандышева, посмотреть на позицию «Несокрушимого»

относительно планет Солнечной системы и убедиться в соблюдении графика разгона. Наша скорость уже достигла немыслимых для земных условий трех с половиной тысяч километров в секунду и продолжает расти. Разгон происходит точно по графику, а скорость уже набрана такая, что Солнце нас уже ни за что не удержит. Отключись прямо сейчас главный планетарный привод – и мы все равно пулей вылетим за пределы солнечной системы. Не понимаю, зачем я мог им там срочно понадобиться, тем более что никакого оповещения об аварийной тревоге по кораблю не было. А ведь это обязательная процедура на тот случай, если на «Несокрушимом» хоть что-то ломается.

При посещении рубки попутно можно глянуть, как сидят на своих боевых постах коротко, под мальчиков, остриженные девицы, набранные в корабельный экипаж вместо парней, которых Виктор Данилович сразу застолбил для своей десантной бригады. Следить за показаниями приборов и нажимать кнопки на постах управления вполне по силам и лицам женского пола, если у них между ушами есть хоть капелька серого вещества. Форма одежды корабельного состава – это обтягивающее темно-синие трико с рукавами до полпредплечья и штанинами до середины бедра. Над левым карманом белым вышиты имя, фамилия, звание и личный номер; на плечах у тех девиц, которые выслужились до командных должностей – золотистые угловые лычки соответствующих старшинских званий. На темно-синем фоне очень красиво, особенно в сочетании с оттопыренными грудными железами.

Отбором потенциального личного состава для корабельной службы персонально занимался старший офицер «Несокрушимого» капитан первого ранга Сергей Малинин. Кстати, он, кажется, единственный офицер из экипажа, кто служил не в подплаве, а на тяжелых атомных крейсерах типа «Киров». Отбор был произведен со всей серьезностью, при конкурсе в десять человек на одно место, потому что самые умные сразу врубались, что попадание в корабельный состав – это прямой путь в элиту нашего общества. И хоть набирали кандидатов не за 90/60/90 и не за смазливость морды лица, но откровенных страшилищ в экипаже нет. Возможно, тут поработали те же технологии, что и в случае с моей Викой. Если это так, то я совсем не против. Корабельный состав должен иметь перед простыми колонистами определенные привилегии, как и все люди Службы. Еще надо учесть, что взятая с земли офицерская скамейка запасных очень короткая. Среди них нет ни одного по званию младше капитана третьего ранга и моложе пятидесяти лет. Пройдет лет двадцать* – и одна из девиц, сидящих сейчас на операторских постах, проявив соответствующие способности,

будет иметь все шансы пройти обучение, сделать карьеру, и в итоге сесть в командирское кресло, которое сейчас занимает кап-раз Иванов.

Примечание авторов: * именно столько лет активной службы гарантирует процедура стабилизации вызванным из запаса глубоким старикам. Потом еще двадцать лет в инспекторско-инструкторском составе, и уж потом, в возрасте более ста десяти лет, окончательная и бесповоротная отставка. После этого возраста бессильными становятся даже медицинские технологии будущего.

Когда месяц назад Сергея Алексеевича доставили к нам на борт, это был высокий, сутулый и худой до невозможности седой старик, едва передвигающийся при помощи палки. Теперь, после регулярных сеансов стабилизации, его позвоночник распрямился, плечи расправились, грудь и брюшной пресс начали обрастать – нет, не жиром – а первыми пластинами мышц, а седые волосы на голове выглядят уже не жалко, а благородно. Кандид обещает, что пройдет еще месяц или два – и те же самые девки, которые при первом знакомстве смотрели на его высокоблагородие каперанга Малинина с жалостью, начнут бегать за ним толпами и складываться у ног в штабеля, изнывая от любовных переживаний. Чувствуется, что в молодости это был еще тот красавец и разбиватель девичьих сердец, и медицинская стабилизация вернет ему большую часть обаяния, сохранив шарм благородной солидности.

Ну, в общем-то мне это как-то параллельно, лишь бы все эти любовно-сердечные дела происходили не на вахте, а в личное время. Правда, это у девиц может быть личное время – четыре часа вахта, четыре часа учебные занятия, восемь часов личного времени, восемь часов сон. Комплект личного состава операторов на все посты у нас получился двойной, так что их можно не перенапрягать, а вот старший офицер, который один на всех – это такая собачья должность, на которой у Сергея Алексеевича имеется минус два свободных часа в сутки. Но это я, так, стебаюсь, потому что если господин Малинин захочет ответить на их притязания, то он обязательно найдет на это время. А почему бы и нет, ведь медицинская стабилизация восстанавливает все функции организма, а не только те, что касаются профессиональной деятельности.

Все эти мысли я передумал, пока почти бегом, под руку с Викой, мчался в рубку управления. Ну как же я мог пойти без нее – ведь вот уже полтора месяца она сопровождает меня повсюду, ну или почти повсюду. Последние пять дней я один хожу только в то заведение, которое и короли посещают пешком и в одиночку (если, конечно, они не извращенцы). Вика от меня не отстает, и ее шаг легок и размашист. Когда пришел вызов, мы

как раз пришли с ужина и собирались заняться... ну вы меня поняли. Переодеться в корабельную форму было для нее делом одной минуты. Просто, отвернувшись к шкафу, на мгновение блеснув ягодицами, сняла через голову роскошное черное с серебром платье, в котором блистала за ужином – и вот уже она в таком же трико, как на корабельных девицах, только черного с серебром, а не синего с золотом цвета. Повернулась ко мне и сказала: «Я готова, Шевцов. Идем!».

В рубке не было заметно каких-либо признаков чрезвычайного происшествия. Но только – на первый, и очень невнимательный взгляд. Во-первых – вахтенные операторши против обыкновения как-то странно поглядывали то друг на друга, то на командование. Во-вторых – с этим самым командованием тоже был перебор. Присутствие в рубке одновременно командира, главного навигатора, старшего офицера, главного артиллериста, главного сигнальщика, командира авиагруппы (капитана Карпова), командира десанта (подполковника Седого) и, самое главное, голограммы искина Кандида в адмиральской форме, наводило на мысль, что случилось что-то такое из-за чего в рубке откровенно припахивает паленым. В-третьих – были мы с Викой, ибо с нашим прибытием в благородном собрании образовывался кворум и открывались дебаты. Первым слово предоставлялось главному сигнальщику (аналог КБЧ-7), капитану третьего ранга Алексею Бондареву, в ведении которого находились все технические средства навигации и дальнего обнаружения.

– Значит так, товарищи, – сказал он, – оповещение о чрезвычайной ситуации было разослано потому, что наши сканеры гравитационных и пространственных аномалий обнаружили почти прямо по курсу перед нами чужой корабль, разгоняющийся на том же векторе, что и мы. К нашему удивлению, справочная система «Несокрушимого» опознала этот корабль как враждебный и подала сигнал предварительной тревоги, в силу чего мы и собрали вас здесь. Подробнее ситуацию обещал разъяснить искин Кандид.

Кандид взмахнул рукой – и перед собравшимися в воздухе возникло медленно вращающееся изображение чужого корабля.

– Корабль расы, именуемой *nigrum furcifer*, сиречь черных злодеев, – торжественно изрек Кандид, – дальний рейдер, тип «Мародер». Предназначен для осуществления набегов на системы, не имеющие никакой защиты или имеющие недостаточную защиту, как ваша планета. В подобном случае команда «Мародера» действует тайно, похищая поработаемых из-под самого носа сил местных безопасности. Линейного вооружения у «Мародера» нет, защита слабая, системы обороны

предназначены только для отражения нападения малых аппаратов. В полном грузу «Мародер» очень медлителен и неповоротлив, но налегке способен развить достаточно высокое ускорение и скрыться от преследования.

Воспользовавшись медленным вращением модели, мы все смогли хорошо рассмотреть этот «Мародер». В его носовой части имел место вздувшийся купол рубки управления, делающий его похожим на головастика или сперматозоид. В корме, соединенной рубкой управления длинным тонким фюзеляжем, находился массивный цилиндросферический грузовой отсек, переходящий в толстые треугольные «крылья», изломленные по схеме «чайка», которые вмещали в себя с каждой стороны по одному реакторному отсеку и по четыре стыковочных узла для атмосферных шаттлов и космических истребителей.

Дождавшись, пока мы вдосталь насмотримся на этого уродца, Кандид поместил рядом с ним в «масштабе» изображение «Несокрушимого», возле которого «Мародер» смотрелся как утка рядом с кондором, и подвел итог:

– Поскольку «Мародер» и «Несокрушимый» разгоняются в одном векторе и мы быстрее его, то для минимизации затрат времени и материальных ресурсов «Несокрушимого», предлагаю уничтожить вражеский корабль одним залпом главного калибра. У господина Горячева появится практика, а мы сразу избавимся от множества врагов...

При этих словах по рубке повеяло идеями с таким отвратительным запахом, что меня даже передернуло.

– Постой, Кандид, – резко сказал я, – тут сначала надо как следует разобраться. Скажи, если этот «Мародер» разгоняется на выход из солнечной системы, то он, наверное, уже совершил свой набег на Землю? Ответь мне – да или нет?

– Да, – ответил Кандид, – совершил. Судя по темпам разгона, они идут со значительным перегрузом, и мы легко сможем уничтожить такую медленную и неповоротливую цель.

– Очень хорошо, Кандид, – кивнул я и спросил (уже заранее зная – каков будет ответ): – А теперь объясни, какой груз могли похитить на земле эти самые твои черные злодеи?

– Черные злодеи, – ответил искин, – всегда похищают только один вид груза – живых разумных, из мозгов которых они делают различные устройства для управления своими машинами. Если раб в древности еще мог освободиться, то киборг лишен этой возможности даже теоретически. При этом эти черные злодеи настолько отвратительны, что своих собственных соплеменников они порабащают с тем же равнодушием, что и

недоразвитых дикарей, которыми они считают обычных людей вроде вас. Ведь вы же с ними родня, по крайней мере, двоюродная...

– Так, – сказал я, – к этому вопросу мы еще вернемся. Теперь скажи мне, сколько поработанных людей может находиться на борту этого «Мародера»?

– Тысячи три, – пожал плечами Кандид, – а если их матрона страдает от приступов жадности, то и все пять. Иначе почему этот «Мародер» на разгоне едва ползет. Но если ты намекаешь на возможность abordaja для спасения этих несчастных, то для нас они с практической точки зрения не имеют никакого значения, потому что ты и так более чем вдвое превысил минимальную колонизационную квоту. Как правило, команды этих «Мародеров» хватают все, что плохо лежит, и качество того человеческого материала, который находится в его трюмах, как гласит история, обычно до отвращения низкое.

– Это мне решать, – твердо сказал я, – что имеет практическое значение, а что нет. Пеоны для сбалансированного развития государства так же важны, как и графы, так что низкое качество человеческого материала может обернуться высоким, и наоборот. В любом случае я не из тех людей, которые могут хладнокровно приговорить к уничтожению хоть пять тысяч человек, хоть три. А теперь скажи, сможет ли этот «Мародер» своим бортовым оружием причинить «Несокрушимому» хоть какие-нибудь повреждения?

– Нет, – механически ответил Кандид, – не сможет. Наша защита многократно перекрывает возможности его вооружения.

– Хорошо, – сказал я, – значит, он нам ничего не сделает. Тогда следующий вопрос. Есть ли на борту у этого «Мародера» кто-то, кто сможет оказать организованное сопротивление ворвавшимся в него подразделениям нашей штурмовой пехоты?

– На «Мародерах», – неживым голосом Кандид, – имеются отряды так называемых Охотников, предназначенные для отлова рабов. Но против твоих головорезов в нашей имперской штурмовой экипировке они будут бессильны. Они охотники, а не бойцы, и не привыкли к тому, что их цели отвечают огнем.

– Ну что же, господа маркграфы*, – произнес я, бросив многозначительный взгляд на подполковника Седова, – пора принимать решение. Абортаж или уничтожение? Давайте, Виктор Данилович, вам идти на это дело, так что ваше слово первое.

Примечание авторов: * маркграф владеет/управляет приграничной территорией, именуемой маркой, в отличие от обычного графа владеющего/

управляющего внутренней частью империи. В данном случае под маркграфами Шевцов имеет в виду старший начальствующий состав военнослужащих, в отличие от графов, исполняющих гражданские должности.

– Абордаж, – кивнул подполковник Седов, – тем более что для нас особого риска нет, а иначе совесть будет нечиста. А вы что скажете, Виктор Игоревич?

– Если так надо, – подтвердил командир «Несокрушимого», – то только абордаж.

– Абордаж, – поддержал его старший офицер.

– Абордаж, – кивнул главный навигатор, – если потребуется, то мы принудительно возьмем этого бандита в «колыбель*». Придавим массой**, как медведь белку.

Примечание авторов:

* «силовая колыбель» или просто «колыбель» – жесткий захват неуправляемого объекта несколькими буксировочными лучами и его фиксация, например, с целью эвакуации выживших пассажиров с потерпевшего крушение лайнера. Ну или, как в данном случае, абордаж не посредством десантных шаттлов, а прямо с борта на борт.

** разница в массе между «Несокрушимым» и «Мародером» способствует надежности захвата.

– Абордаж, – поддержал коллег командир авиагруппы капитан Карпов, – хотя, как я думаю, решать должны были те, кто пойдет в бой, но по счастью для тех, кто заперт внутри этого «Мародера», они уже решили. Осталось только узнать мнение Антона Игоревича, стрелять ему или не стрелять.

Главный артиллерист первоначально медлил, потом решился.

– Абордаж, – сказал он, – а подстрелить этого «Мародера», если что, я всегда успею. Кроме того, если Андрей Семенович возьмет его в колыбель, то тогда с ближней дистанции мы обработаем его команду парализующими излучателями.

– Не только команду, – буркнул искин Кандид, – там вместо нормального электронного вычислительного комплекса кораблем как своим телом управляет специально для этого выращенный гипертрофированный человеческий мозг. Парализаторы выбьют его из строя на время от четверти часа до двух часов.

– Тем лучше, Кандид, – сказал я, – а теперь слушайте мой приказ. Итак, совет маркграфов проголосовал за абордаж, и я поддерживаю это предложение. Поэтому... Андрей Семенович, будьте добры, рассчитайте –

сколько времени нам потребуется, чтобы без лишних маневров перехватить этого «Мародера» и взять его на бордаж?

Главный навигатор подошел к одной из операторш и что-то ей негромко сказал, после чего та быстро защелкала клавишами, вводя условия задачи. Капитан первого ранга Карандышев считал ответ и сообщил:

– Если команду отдать прямо сейчас, то на перехват потребуется двое суток и семнадцать часов.

– Очень хорошо, Андрей Семенович, – сказал я, – исполняйте.

– Ваше императорское величество, – безразличным тоном произнес Кандид, – только что вы продемонстрировали возможность принимать самостоятельные политические и военные решения. Поэтому я передаю вам остатки полномочий, превращаясь в обычного искина, который будет служить вам верой и правдой, ничего не критикуя и ни во что не вмешиваясь.

– Ладно, Кандид, – сказал я, – проехали. А теперь, поскольку время для подготовки десанта еще есть, ты сядешь и расскажешь нам всю эту историю про «черных злодеев» от начала и до конца, ничего не скрывая и не приукрашивая.

тогда же и там же, космический линкор планетарного подавления «Несокрушимый», рассказ искина Кандида.

Если начать сначала, то следует признать, что вся галактическая история человечества берет свои истоки как раз с захвата такого же «Мародера», совершившего несанкционированный визит на Землю Священной Римской Империи в самом начале эпохи межпланетных полетов и термоядерной энергетики. К тому времени люди уже имели постоянные поселения на Луне, обитатели которых занимались обслуживанием машин, собирающих из лунного реголита необходимый для термоядерных реакторов гелий-3 и околоземные орбитальные заводы-лаборатории, которые в условиях глубокого вакуума и невесомости производили высококачественные полупроводниковые компоненты. Разведывательные экспедиции землян, наскоро осмотрев и застолбив Марс, уже присматривались к таким источникам минерального сырья, как Меркурий и астероиды. На очереди были полеты к спутникам Юпитера и дальше, к внешним планетам солнечной системы, но ни о какой межзвездной экспансии речи не шло.

Все изменилось буквально в одночасье, когда Служба имперской безопасности сумела накрыть группу странных коренастых существ, охотившихся на пеонов (крестьян) среди необъятных полей покрытой

латифундиями провинции Аквитания. Для команды того «Мародера» этот набег на Землю был первым, и их главарь допустил фатальную ошибку, продиктованную пренебрежением к местным «дикарям». Он приказал Охотникам взять весь груз в сельской местности одного из самых густонаселенных регионов планеты, поскольку разведывательный рейд показал, что местные пеоны приучены к подчинению и, можно сказать, сами идут в сети. Попутно в ходе облав на пеонов Охотники совершили нападения на несколько местных поместий, сделав то, чего делать не стоило ни в коем случае. Охрана поместий и их владельцы мало того что оказали нападающим вооруженное сопротивление, так еще и подняли тревогу, которая всполошила все оперативные подразделения секторов Галлия, Иберия, Бургундия и Белгика.

Оперативники СИБ, занимавшиеся особо важными делами, были людьми отважными, можно сказать, безбашенными, и поскольку вместе с охотничьей командой был захвачен и их посадочный аппарат, по собственной инициативе предприняли попытку захвата корабля пиратов-работоторговцев. Возможно, что дело было совсем не в личной инициативе и безмерной отваге, а в том, что в одном из поместий Охотники прихватили родственника или родственницу одной Очень Важной Персоны. В результате эта Очень Важная Персона, Лицо Особо Приближенное к Императору пообещала за спасение своей родни все что только будет возможно сделать при ее полномочиях – например, генеральский чин отличившемуся, звание сенатора и миллион серебряных сестерциев в звонкой монете.

Возможно, что сработали сразу обе эти причины, и личная безумная отвага сложилась с с не менее безумной алчностью; но только ответный рейд спецподразделения СИБ по борьбе с пиратами был стремителен и неотразим, а самое главное, успешен. Их имена были занесены на золотые доски Истории, которые уже после покрылись пылью вечного забвения, но с того момента, когда разобранный буквально по винтикам «Мародер» дал огромный толчок земной науке, началась галактическая эра человеческой истории. По винтикам разобрали и захваченную команду «Мародера». Внешне высокие, чернокожие суперастенические человекообразные длиннорукие и длинноногие хвостатые существа, которые были офицерами и владельцами этого корабля, никак не походили на приземистых и коренастых матросов и субтильных малорослых слуг, своей комплекцией походивших на двенадцатилетних детей. Но оказалось, что все они по генетике являются близкими родственниками и друг другу, и людям; при этом настолько близкими, что при любом сочетании пар от них можно

получить здоровое и плодовитое потомство. Правда, в скором времени подобные эксперименты попали под запрет, а их промежуточные результаты, то есть младенцы и эмбрионы, подверглись уничтожению. Уничтожению со временем подверглась и команда захваченного корабля – естественно, после того как у нее были выведены все возможные секреты.

Монопольно господствующая в том мире Римско-католическая церковь посчитала этих худых черных и хвостатых существ посланцами (представителями) дьявола и приговорила к полному истреблению. На просторах Галактики должна была остаться только одна разновидность рода Хомо. Так началась межзвездная экспансия человечества, уничтожавшая на своем пути все прочие родственные и неродственные людям разновидности разумных существ, заселивших большую часть пригодных для обитания планет в соседнем галактическом рукаве.

Чем дольше продолжалась эта война за жизненное пространство в Галактике, чем дальше раздвигались границы человечества, тем очевидней становилось, что некая пожелавшая остаться неизвестной цивилизация или отдельные ее представители, проходившие под кодовым обозначением «Сеятели» или «Древние», длительное время (почти на протяжении полутора миллионов лет) занимались генетическими экспериментами над представителями рода Хомо и расселением результатов этих экспериментов на различных планетах.

У ранних представителей эволюционирующего человечества эти модификации по большей части были призваны ускорить развитие разума; и плоды этих экспериментов, засунутые в глухие дальние углы, были, как правило, неудачны. Типичные представители такой неудачи – это каоги, которых пытались «переделать» в разумный вид из яванских горных питекантропов. Кроме каогов, были и другие подвиды, многие из которых даже не смогли получить возможности самостоятельного существования в форме разумных существ, и при поселении в дикой природе за несколько поколений деградировали до немодифицированного исходного состояния, зачастую даже забывая правила пользования огнем.

В результате многих тысячелетий этой кропотливой работы самым распространенным результатом этих экспериментов Сеятелей стала цивилизация, представлявшая собой симбиоз трех разновидностей рода хомо. Главным компонентом этой структуры, ее системообразующей частью, были ранние хомо сапиенс, глубоко модифицированные с целью увеличения возможностей занятия различными видами интеллектуальной деятельности (самоназвание эйджел). Всю техническую и физическую работу должны были выполнять модифицированные хомо неандерталенсис

(самоназвание горхи). Обслуживать нужды и тех и других должны были представители глубоко улучшенного грацильного подвида хомо эректус (самоназвание сибхи). Решив, что дело сделано, Сеятели передали своим подопечным некую сумму стартовых технологий, необходимых для того, чтобы этот искусственный симбиоз смог существовать в качестве космической цивилизации, наложили строгий запрет на посещения планеты их предков и тем более на ее разграбление. После чего, закончив все свои дела, они удалились туда, откуда пришли полтора миллиона лет назад, пребывая в печали от того, что пока они возились с этим тройственным симбиозом, на земле появился еще один подвид человека, еще более совершенный, чем остальные виды-предшественники.

Как только исчезло внешнее давление, искусственно созданная гибридная цивилизация начала видоизменяться из заданной сеятелями централизованной структуры, превращаясь в некоторое слабо связанное подобие конфедерации кланов, часть из которых осела на планетах, сосредоточившись на промышленной или сельскохозяйственной деятельности. Другие кланы выбрали местом своего обитания великий и ужасный Космос, занявшись торговлей или войной (пиратством). Кланы Меча выступали как наемники, защищая интересы тех или иных промышленных и торговых кланов, они же совершали набеги на не принадлежащие эйджел планеты, чтоб заполучить «немного» нового генетического материала для фабрик промышленных и военных киборгов.

Кроме всего прочего, кланы Меча за плату добывали генетический материал других эйджел. Самки были необходимы для создания новых кораблей, основой систем управления которых служат своего рода биологические компьютеры, выращенные из специально модернизированных эмбрионов эйджел (мать при этом погибает), а без самцов кланы просто не могут размножаться. Дело в том, что когда Сеятели решили, что они наконец-то добились успеха, они пожелали, чтобы созданный ими вид естественным путем поскорее заполнил весь этот рукав Галактики. Для этого они решили, что соотношение самцов и самок один к одному в популяции будет слишком роскошным, и что для нормального воспроизводства хватит даже одного самца к четырем самкам или даже один к семи... В результате эта генетическая манипуляция, сдвинувшая пропорции рождения самцов и самок в пользу последних, стала для эйджел окончательной и буквально убийственной. Девочки стали рождаться все чаще, и заданное Сеятелями соотношение полов не остановилось ни на одном к четырем, ни на одном к восьми, а продолжало увеличиваться, к настоящему моменту вплотную подойдя к отметке один к пятидесяти двум.

Кроме всего прочего, от своих учителей Сеятелей цивилизация эйджел унаследовала биотехнологический уклон, а от африканских предков – склонность к технологической стагнации. Тысячелетия шли за тысячелетиями, но сообщество кланов эйджел почти не менялось со временем. Горхи, чей крупный мозг и хорошая память, казалось, должны способствовать инженерной деятельности, оказались хорошими ремонтниками, но плохими творцами. Напрочь лишенные воображения, они из века в век и из поколения в поколение консервативно повторяли одни и те же образцы, заданные еще Сеятелями. Ну а о сибхах не стоит даже и говорить. Кроткие милейшие существа, наивные как дети, которых может обидеть каждый. А может быть, все дело было в том, что эти самые базовые знания они получили в готовом виде; и не было у них нужды, развивая в себе любознательность и упорство, в тяжких муках самостоятельно проходить весь путь развития от каменного топора до термоядерных космических ракет.

И так продолжалось около ста тысяч лет, пока в Галактику не ворвались настоящие люди, а потом еще семи или восьми тысяч лет, пока не был построен «Несокрушимый», и в результате всех его злоключений не начался новый виток этой истории.

Тогда же и там же.

Владимир Владимирович Шевцов, полноправный, но еще не коронованный Е.И.В.

– Хорошо, Кандид, – сказал я, выслушав эту долгую и местами запутанную историю, – если эти черные злодеи – или, если говорить правильно, темные эйджел – наша дальняя родня, да и почти поголовно женщины, то нам будет легче принять правильное решение, за которое нам и нашим потомкам потом будет не стыдно всю оставшуюся нам вечность. Ты лучше скажи мне о другом. Как ты мог упустить этот корабль и не обнаружить его в то время, когда он находился в непосредственной близости от тебя и грабил нашу Землю?

– Не знаю, – виртуально пожал виртуальными плечами Кандид, – наверное, все случилось из-за того, что в тот момент все мои системы безопасности работали только на самооборону, из-за чего сканеры были переведены в пассивный режим, а сам я занимал укрытую от сторонних глаз позицию в точке Лагранжа за обратной стороной вашей луны. Если команда «Мародера» была достаточно осторожна, то даже находясь в состоянии полной готовности, я мог бы заметить их корабль только при его отлете, когда маскировочные поля ослабевают. Надо будет просмотреть записи сканеров. Быть может, я его и заметил, но, как говорите вы люди, не

обратил внимания, потому что вся моя активность была сосредоточена в другой области. Бывает. Самое главное, что он сам не заметил меня и не полез исследовать – а значит, моя собственная маскировка находилась на высоте.

– Ну вот, – вздохнул я, – не одно, так другое. Ты понимаешь, Кандид, что, будь ты человеком, за такое упущение при исполнении основных директив тебя следовало бы отдать под трибунал. Но так как ты не человек, и даже не испытываешь мук совести, то я настоятельно рекомендую тебе исправить свои программы по поддержанию режима безопасности в окрестностях охраняемых объектов, чтобы их безопасность для тебя была не менее важна, чем твоя собственная. Усек?

– Усек, – кивнул Кандид, – и уже приступил к исправлению программного кода.

три часа спустя, в двух астрономических единицах прямо по курсу «Несокрушимого».

Корабль темных эйджел «Багряные листья», рубка управления.

Распустив веером в полумраке рубки длинные, до пят, черные волосы, Зейнал – матрона клана темных эйджел «Багряные листья» (семейство кланов Меча), обнаженная, парила в невесомости, едва касаясь палубы кончиками пальцев босых ног. Всего пять стандартных циклов* назад предыдущая матрона клана ушла в Вечную Тьму; и Зейнал, бывшая до того Старшей Дочерью, заняла ее место, возглавив клан в весьма непростое время.

Примечание авторов: * стандартный цикл – 460 земных суток.

Тридцать циклов минуло с того времени, как в Вечную Тьму ушел последний самец клана, и для «Багряных листьев» возникла необходимость приобретать генетический материал для размножения, вместо практиковавшегося ранее обмена. Если учесть, что из поколения в поколение у темных эйджел все реже рождались самцы, то удовольствие продлить свое существование в потомстве выходило не из дешевых.

Шанс родить мальчика был только у самых пожилых самок эйджел, разменявших четвертую-пятую сотню циклов своей жизни, и предыдущая матрона канула во Тьму в результате несчастного случая, не успев реализовать эту возможность. Теперь Зейнал с ее всего-то ста пятидесятью циклами возраста приходилось все начинать сначала.

Думая о клане, Зейнал подразумевала корабль, а думая о корабле, подразумевала клан. Клан состоял из трех десятков тетушек, сестер, дочерей Зейнал и самого корабля, являющегося их домом в равнодушном холоде космоса. Корабль тоже был живой, ну почти живой. Остальные

обитатели корабля – два десятка крепких коренастых самок горхов и почти сотня сибхов, больше всего похожих на чрезвычайно худощавых человеческих девочек-подростков, были не в счет. Они представляли собой всего лишь живое оборудование и инвентарь, пусть и обладающий зачатками разума и свободы воли, но находящийся в прямом ментальном подчинении корабельного мозга.

И вообще, для темных эйджел не в счет были все обладатели разума, даже другие темные эйджел, за исключением, разумеется, представительниц собственного клана. Точно такое же отношение к иным расам практиковали и несколько более многочисленные светлые эйджел, в отличие от темных предпочитавшие жить не на кораблях и станциях в космическом пространстве, а на поверхности обитаемых планет. И те и другие относились ко всем прочим расам с величайшим снобизмом, считая себя и только себя самыми совершенными созданиями Вселенной, вершиной Мироздания, сверхразумными существами, получившимися в результате длительных генетических манипуляций биоинженеров расы Древних, иначе еще называемых Предтечами, Прародителями и Сеятелями, которые извлекли предков эйджел с планеты-колыбели и дали им совершенные с биологической точки зрения долгоживущие тела, истинный разум и космическую цивилизацию.

Зейнал с удовольствием провела кончиками длинных смуглых пальцев по изящной шее, небольшой плотной груди, впалому животу, гладкому лобку и смуглым стройным бедрам. Еще одним даром Древних, которым те наделили эйджел, была не только долгая жизнь, но и отсутствие внешних проявлений наступающей старости. Никакого сравнения с коротко живущими и быстро дряхлеющими горхами, сибхами и особенно с грязными и грубыми хумансами, не прошедшими никакой генетической модернизации.

Закончив сеанс самодовольного самолюбования, матрона клана Багряных Листьев перевела свой взгляд на занимающую центр рубки массивную бронированную сферу метрового диаметра, внутри которой размещался управляющий кораблем биокомпьютер – а точнее, живой разумный, специально модифицированный, мозг светлой эйджел, находящийся в полном сознании и идентифицирующий себя с управляемым им кораблем.

Являясь владыками соседнего с нашим спирального рукава Галактики, эйджел (что темные, что светлые) в отличие от породивших их Сеятелей, не были особо сильны в быстродействующей наноэлектронике и оптронике, а также в создании искусственных интеллектов. Вместо суперкомпьютеров на

оптронных нейристорах, эйджел предпочитали следовать за природой – то есть практиковали биотехнологии, применяя для создания управляющих систем модифицированные в процессе эмбрионального развития живые мозги разумных существ. Для управления транспортными судами обычно использовался генетический материал светлых эйджел, а для боевых кораблей – эмбрионы представительниц своей собственной расы.

При этом для эйджел не имел никакого значения и тот факт, что в процессе выращивания эмбриона для такого биокомпьютера мать-носительницу, над плодом которой проводились манипуляции, ждал летальный исход. В их обществе не было никаких понятий о морали, преступлении или пороке. Этика эйджел приветствовала все, что приносит клану пользу и отрицала всяческие бесполезные для клана деяния вроде направленных на посторонних милосердия, альтруизма и прочих глупостей.

Огоньки, хаотично, на первый взгляд, перемещающиеся по поверхности сферы, говорили о том, что процесс отрыва от гравитационного поля местной звезды протекает нормально, и тяжело нагруженный корабль все ближе и ближе подходит к тому моменту, когда он сможет совершить прыжок межзвездной дальности. Все было точно так же, как все последние шестьдесят стандартных суток, когда корабль начал свой разгон с полными трюмами первосортного живого товара, отрываясь от притяжения планеты-прародительницы.

Матрона, с одной стороны, была очень довольна, а с другой стороны, очень встревожена. Довольна она была тем, что, если удастся довести весь груз в живом виде, то его реализация покроет все потребности клана эйджел на циклы вперед. А тревога матроны была вызвана тем, что совсем недавно на навигационной сфере появилось большое нервно пульсирующее алое пятно, которое говорило о том, что в том же векторе разгонялся еще один корабль, совмещающий в себе невероятно огромную массу – в тысячу раз большую, чем у их корабля, и чудовищное ускорение, почти равное ускорению свободного падения на запретной планете. На подпространственные запросы о клановой принадлежности этот корабль отвечал какой-то абракадаброй, неуклонно сближаясь с кораблем клана Багряных Листьев.

Зейнал было вполне очевидно, что чужак нагонит их задолго до того, как они смогут уйти в прыжок, очень задолго; и хоть для ускорения разгона были использованы все ресурсы, шансов скрыться не было. Можно было, конечно, попытаться выбросить груз в космос и попробовать оторваться налегке, но без товара по возвращении их клан сам будет продан в рабство

за долги, из-за чего точно так же прекратит свое существование. А тут, быть может, и нет еще ничего страшного, и этот корабль никакой не Страж из легенд, который бережет запретную планету, а просто чужой корабль, разгоняющийся в окрестностях запретной планеты по своим собственным делам. Кто знает, может, им даже и повезет и они даже еще выиграют. Ну хоть что-нибудь. Клану «Багряных листьев» так давно и хронически не везло, так что хоть теперь, ради разнообразия, их должна, наконец, постигнуть настоящая удача...

день 60-й, корабельное время 10:25, «Несокрушимый», рубка управления.

Владимир Владимирович Шевцов, полноправный, но еще не коронованный Е.И.В.

Подходим. Три часа до точки перехвата. И хоть этот «Мародер» еще не виден невооруженным глазом (что случится только в самый последний момент), но сканеры, детекторы и прочие системы обнаружения и разведки уже просветили его вдоль и поперек, так что теперь мы знаем о вражеском корабле, может быть, даже больше, чем его команда. По крайней мере, о постепенном нарастающем дисбалансе силовых установок и пространственных приводов правого и левого борта команда еще не догадывается, ибо мозг корабля чисто рефлекторно компенсирует его маневровыми приводами. А все дело в подтвердившейся еще в самом начале погони информации о серьезном перегрузе вражеского корабля. Все его реакции замедлены, а приводы в момент попыток маневра на уклонение начинают работать в закритическом режиме. За те двое с половиной суток, что прошли с момента первого обнаружения, преследуемый нами «Мародер» уже несколько раз пытался сойти с траектории разгона, пропуская нас вперед, потом до предела форсировал свои приводы в жалкой надежде если не оторваться, то хотя бы оттянуть неминуемый конец.

Искин Кандид говорит, что в такой близости к центральному светилу, как сейчас, хоть сколь-нибудь длинный подпространственный прыжок невозможен, и даже короткая «пробежка» сожрет у преследуемого столько энергетических ресурсов, что после нее тот окажется парализованным на длительное время. К настоящему моменту мы сблизились уже настолько, что базовый стационарный психосканер, входящий в основной разведывательно-навигационный комплекс корабля, может с большой точностью обнаруживать и идентифицировать находящихся на борту «Мародера» живых разумных, и, более того, локализовать их расположение на схеме. Ценнейшая информация – в первую очередь, для меня самого,

ибо я решил сам, лично, повести в бой абордажную команду. Виктор Данилович, разумеется, мне возражал, говорил, что не императорское это дело – вести в бой штурмовиков, но я ему ответил, что иначе никак, ведь люди, которые рискуют за меня жизнью, должны мне верить. Кроме того, это первый такой абордаж, наши правила и уставы для таких ситуаций еще не писаны, а пользоваться неоримскими было бы верхом глупости, поэтому я лично должен присутствовать на месте и оперативно принимать решения.

Расклад по расположению на вражеском корабле различных видов мыслящих выглядел следующим образом.

Первым делом бросалось в глаза то, что прямо в центре носового вздутия на старых схемах* «Несокрушимого» обозначенного как «центр управления», располагалось большое пульсирующее темно-бордовое пятно, явно обозначающее живой мозг корабля, который переходил в длинный и тонкий «позвоночный столб» того же цвета. От этого позвоночного столба во все стороны расходились тонкие нити «нервов», ведущие к утолщениям-контроллерам. Ну прям ни дать ни взять схема нервной системы какой-нибудь птицы или летучей мыши из школьного учебника биологии...

Примечание авторов: * неоримляне много раз брали на абордаж такие вот «Мародеры» с захватом команды и груза, а потому были осведомлены и о расположении, и о назначении помещений.

– Да, – подтвердил Кандид, неприятно усмехнувшись, – технологии этих злодеев эйджел основаны на смеси механического и органического. У данного корабля, видимо, схема управления является органической от начала и до конца; и даже непонятно, как к этому «Мародеру» относиться – как машине, или как к живому существу. А если учесть, что для создания кораблей используются эмбрионы злодеек эйджел исключительно женского пола...

– Молчать, поручик! – рявкнул тогда я, и уже тише сказал, имея в виду Вику: – Давай при дамах без пошлостей.

Кандид изобразил на лице обиду. Именно что изобразил, по-другому не скажешь.

– Пошлости – это не про меня, – высокомерно ответил он, – я только хотел сказать, что этот модифицированный мозг женской особи эйджел идентифицирует управляемый им корабль как собственное тело, а экипаж этого корабля – как своих детей. Командный состав: из эйджел – как старших и дееспособных, а горхов и сибхов – как младших, которых требуется опекать и наставлять, ради чего он держит их под постоянным ментальным контролем...

Итак, на схеме эйджел, которых можно было считать владельцами и офицерским составом «Мародера», обозначались ярко-алыми отметками, группирующимися в основном в головной части, вокруг «центра управления», и было этих алых отметок, согласно данным психосканера, тридцать пять штук, из которых шестеро находились в кормовых отсеках для груза. Желтых отметок, обозначающих обслуживающий и технический персонал, было сто восемнадцать единиц, и они более-менее равномерно были распределены по всем помещениям «Мародера». При этом в помещениях головной части предположительно присутствовал в основном обслуживающий персонал, а в корме техники и надсмотрщики над грузом, которые на время вылазок на поверхность ограбляемых планет становятся Охотниками. Но больше всего на борту «Мародера» было как раз синих и зеленых отметок «груза», которые для психосканера сливались в единое поле, а потому оценка по количеству давалась ориентировочная. От четырех до пяти тысяч единиц со сдвигом вероятности ближе к пяти тысячам.

С нашей стороны в деле могла принять участие сводная инструкторская рота численностью в сто двадцать штыков, составленная Виктором Даниловичем из специалистов с опытом боевых действий в горячих точках. В основном это – офицеры, прапорщики и контрактники, прошедшие через вторую чеченскую кампанию 1999-2004 года (те, что постарше) и операцию по умиротворению Грузии в 2008-м (те, что помоложе). Бойцы и офицеры роты были экипированы в полные комплекты штурмовых лат имперских десантников и вооружены имперскими же штурмовыми импульсными ружьями.

При этом Кандид со всей серьезностью заверил меня в том, что настоящего боевого оружия на борту «Мародеров» не бывает, а то, которым вооружены Охотники, обычно не в состоянии пробить имперские латы. Штурмовое импульсное ружье обладает высокой скорострельностью и напрочь крушит все, оказавшееся у него на пути. Когда я впервые примерил на себя такой полный комплект (императору не возбраняется, а, наоборот, приветствуется), то подумал, что будь у нас такое в прошлой жизни на земле, мы этой ротой смогли бы пинками открыть дверь в Белый Дом и объяснить этому муфлону Обама*, как сильно он ошибается по жизни.

Примечание авторов: * Шевцов живет в самом начале десятых и еще не знает, что Обама – это не самый большой муфлон по жизни. Есть в американской политике персонажи и помуфлонистее.

И хоть этой действующей роты для решения поставленной задачи по

абордажу «Мародера» было вполне достаточно, у нас в резерве было четыре батальона бойцов, прошедших в российской армии полный курс боевой подготовки, но не имеющих опыта участия в реальных боевых действиях. Но этим наши сухопутные вооруженные силы отнюдь не исчерпывались, и в резерве второй очереди мы имели мобилизованных молодых людей еще примерно на шесть батальонов, которые не были еще зачислены в боевые подразделения и пока что только проходили курс начальной военной подготовки. Обычно социум в состоянии выставить на поле боя около десяти процентов своей численности, но у нас была специально отобранная группа людей в первом поколении, а также роботизированная тыловая инфраструктура, поэтому мы могли иметь армию численностью до пятнадцати процентов от общего числа колонистов.

В то же время, корабль темных эйджел «Багряные листья», рубка управления.

Матрона Зейнал была встревожена и даже напугана, хотя напугать темную эйджел – это надо еще постараться. Встревожен и напуган был и весь ее клан, и даже сама Лиут, которая и есть корабль. То, что гналось за ними вот уже два стандартных цикла, было огромным, ужасным и очень настойчивым, упорно преследующим корабль клана, несмотря на все его попытки уклониться и уйти с пути грозного чужака. Несколько раз Лиут пыталась создать себе боковой вектор скольжения, чтобы уйти с пути нагоняющего их чудовища, но потом и вовсе стало ясно, что преследователь уже не просто разгоняется в одном с ними векторе. Он, сбрасывая скорость, лег на траекторию перехвата, что означало почти неминуемый аборт. С одной стороны, это было даже хорошо, потому что в таком случае их не будут убивать сразу.

Кроме всего прочего, командование этого корабля-монстра упорно игнорировало все стандартные вызовы на переговоры, которые посылала им Зейнал; он продолжал свое слепое и неотвратимое преследование. Это мог быть Страж Древних, обнаруживший их визит к запретному миру, и это мог быть созданный ими же Мститель, несущий возмездие за нарушение древнего запрета не порабощать себе подобных. А мог быть и корабль какой-нибудь иной могущественной цивилизации, который просто не понимал смысла посылаемых ему сигналов. По крайней мере, до определенного момента у Зейнал была надежда, что, рассмотрев их вблизи, чужой корабль просто пройдет мимо, ведь кроме как упорным преследованием, он пока еще никак не выказывал своей враждебности к эйджел вообще, и темному клану «Багряных листьев» в частности.

Но совсем недавно все эти надежды рухнули и развеялись в пыль, потому что до чужака наконец-то дотянулись психосканеры корабля темных эйджел (менее совершенные, чем имперские) и выяснилось, что команда на корабле-монстре полностью, до последней особи, состоит из диких примитивных варваров, которых никак не коснулись улучшающие программы Древних. И эти варвары были не перевозимым мясом, не слугами, и даже не наемниками, а полноправными хозяевами; и это полностью противоречило представлениям эйджел о справедливости.

Ведь если исходить из этого прекрасного и кристально прозрачного чувства – такой мощный, могущественный и ужасный корабль должен был принадлежать только самым развитым, умным и сильным существам во всей Вселенной – то есть темным эйджел из клана «Багряных листьев». Но когда Зейнал подключилась* к психосканеру и послала свой разум вперед, к чужому кораблю, то сразу поняла, что дикие варвары, владеющие этим прекрасным кораблем, глухи к голосу настоящего разума; более того, они несут всем кланам эйджел, вне зависимости от их масти, угрозу чудовищной беды. Зейнал прочла мысли тех, кто управляя этим кораблем и пришла в ужас и негодование от того, что ей довелось узнать.

Примечание авторов: * психосканеры в свое время создали именно эйджел, поэтому в них была предусмотрена возможность использования в качестве ментального усилителя, чтобы считывать мысли и эмоции сканируемых разумных, а не только получать структурную карту их личностей, как это практиковалось в Империи. Но, собственно, к имперскому психосканеру тоже можно подключиться неконтактным способом. Эта функция при копировании была сохранена, хотя воспользоваться ею может только разум эйджел, основанный на мозге, модифицированном генетическими манипуляциями Древних.

Эти дикари готовились основать свою варварскую цивилизацию среди звезд, для чего, по одной версии (искин Кандид), планировали истребить кланы эйджел как назойливых насекомых, по другой (Шевцов и остальные) – поставить их в равное с собой положение. Второе, пожалуй, было бы для гордых эйджел хуже самой смерти. А то как же – они, самые умные, совершенные, красивые и долгоживущие, будут на равных с дикими варварами, только что сменившими звериные шкуры на цивилизованные одежды? И самое плохое, что узнала матрона темных эйджел, было то, что корабль варварами не был ни похищен, ни найден, ни построен самостоятельно; нет – он был им ПОДАРЕН какой-то значительно более развитой цивилизацией, которой могли быть только Древние. Это значило, что вся цивилизация эйджел теперь больше не любимые дети своих

дорогих Прародителей, и что в самое ближайшее время всему их народу предстоит расплатиться за разбитые скрижали и позабытые заповеди.

На какое-то время у матроны возникло сильное желание прекратить никчемное существование себя, других эйджел на этом корабле, и даже самого корабля. Ну зачем жить, когда знаешь о себе такие вещи? Но суицидальный порыву Зейнал был остановлен эмоциональным всплеском Лиут, которая сначала намеревалась до конца разобраться в происходящем; кроме того, остальные члены клана тоже не одобрили идеи массового самоубийства. А зачем? Ведь как долгоживущие существа, эйджел всячески избегали ранней смерти или даже таких рискованных положений, которые могли бы к ней привести. А Лиут, в отличие от матроны имевший постоянный доступ к психосканеру (он как бы являлся частью ее собственного мозга), гораздо лучше могла интерпретировать получаемую через него информацию.

В силу этого обстоятельства она сумела уловить эмоционально окрашенный отрывок мысли Шевцова и теперь знала то, чего не знали другие эйджел, в том числе и сама матрона. Любопытство, интерес, симпатия, сочувствие – но ни капельки злобы или ненависти. Темные эйджел игнорировали эмоции, предпочитая обращаться к логике, а светлые эйджел (Корабль была выращена как раз из эмбриона светлой), напротив, очень внимательно подходили к оценке эмоционального фона, и лишь потом призывали на помощь логические построения. А эмоциональный фон говорил, что если не будет серьезного сопротивления, то не будет и никаких репрессий, в первую очередь в отношении Лиут, которую считают лицом подчиненным и ни в чем не виновным. Именно поэтому Лиут, находящаяся с членами своего клана в постоянной ментальной связи, посылала в адрес матроны и других эйджел мягкие успокаивающие мысленные флюиды. Самое главное, чтобы никто не сотворил глупости, вроде подрыва конвертера или глобальной разгерметизации корабля.

Шло время, и преследующий клан эйджел корабль-Немезида становился все ближе и ближе. И вот настал момент, когда гравитационные поля чужака начали вносить свои коррективы в движение корабля эйджел, чуть заметно раскачивая его, будто на волнах. Корабль передал это ощущение матроне, и та поняла, что времени им осталось немного. Расстояние уменьшилось уже настолько, что психосканер четко передавал матроне и Кораблю ощущение жесткого и неотрывного внимания множества людей, направленного в сторону их корабля-клана. При этом частично парализованная успокаивающими флюидами матрона ожидала самого худшего в своей жизни, а Лиут – самого лучшего или почти самого

лучшего. Ей казалось, что если расстояние сократится еще немного, то она почти свободно сможет окликнуть того, кто воспринял ее как жертву чуждых всем нормам экспериментов и поговорить с ним как одно разумное существо с другим. И самое главное, Лиут была почти уверена, что находящихся в трюме шестерых беременных на ранней стадии молодых эйджел не ждет печальная судьба... Точнее, то, что будет с ними самими, Лиут не знала, но в том, что эмбрионы, которые они носят, никогда не станут Кораблями, могла гарантировать точно. А этого ей было достаточно.

Это только кажется, что Корабли хотят быть только Кораблями, и больше никем иным. На самом деле глубоко внутри них сидят маленькие девочки и молоденькие девушки эйджел, которых ужасает вечный полет-скольжение в бескрайней ледяной тьме великого Космоса. Они хотят тепла, уюта, ярко горящего в очаге огня, ласк и добрых слов окружающих их близких и друзей. Ведь их никто и никогда не спрашивал, хотят они быть Кораблями или нет. И только иногда, между собой, Корабли плачут и стонут об утраченном счастье обычной жизни обычных эйджел, понимая, что оно для них недостижимо...

Капля симпатии, уловленная в мыслях чужого командующего, посеяла в душе Лиут сначала бурю сомнений, а потом и жажду перемен. Она сдаст Клан, который несет через бездонные просторы космоса, в руки чужаков и будь тогда что будет, лишь бы ОН еще раз подумал о ней как об испуганной маленькой девочке. А сейчас приготовиться – осталось совсем немного времени.

день 60-й, корабельное время 12:35, «Несокрушимый», рубка управления.

Владимир Владимирович Шевцов, полноправный, но еще не коронованный Е.И.В.

До точки, в которой «Несокрушимый» должен настигнуть «Мародера» и вцепиться в него своими буксировочными лучами, осталось немного, минут пятнадцать-двадцать. Штурмовая группа уже готова, экипирована и вооружена, и находится в абордажном шлюзовом отсеке, из которого будет выдвинута штурмовая переходная труба. Я тоже стою в полной экипировке штурмовика, только шлем мой пока отстегнут и находится в руках у Вики. Она тоже хотела бы со мной туда на передний край, но нельзя. У нее нет специальной подготовки для такой работы, а у меня нет необходимости совать ее в огонь, напротив, я любой ценой хочу уберечь ее от подобных приключений. Но и мне самому тоже пока рановато идти к абордажному шлюзу, сейчас мое место в рубке управления – там, где принимаются решения. Только когда противник будет спеленут буксировочными лучами

и оглушен парализаторами, а абордажная переходная труба начнет выдвигаться, чтобы присосаться к люку вражеского корабля – тогда и настанет мое время спускаться к парням.

Расстояние до преследуемого сократилось настолько, что теперь его можно разглядеть при помощи системы обычного оптоэлектронного наблюдения, которая взяла его на автоматическое сопровождение. Удирающий от нас «Мародер» теперь не просто точка на дисплее сканеров, и не только развернутая перед нами в воздухе голографическая модель, но еще и изображение космического корабля в позе «вид сзади», похожего на перекормленного лебедя с кургузыми, изломанными зигзагом крыльями. Корабль слабо освещен лучами далекого Солнца и, как и «Несокрушимый», не имеет ничего похожего на дюзы, фотонные зеркала, или иные устройства для реактивного движения, которые так любят изображать на своих кораблях писатели-фантасты.

Это и понятно – ведь, как говорил Кандид, неоримляне начали с того, что заимствовали от эйджел все основные межзвездные технологии. Правда, на этом они не остановились и принялись бурно развиваться, но основа все равно осталась той же. Ничего принципиально нового они не выдумали, только усовершенствовали и прыжковые генераторы, и приводы для полетов в обычном пространстве; и сейчас это преимущество позволяет нам с легкостью перехватить удирающий «Мародер». Коэффициент увеличения на экране лобового обзора, сейчас изображающем нашу сегодняшнюю цель, неуклонно уменьшается – а значит, и расстояние между двумя кораблями становится все меньше.

При этом меня неотступно гложет мысль о том, что может чувствовать живое, мыслящее существо, полностью отождествляющее себя с кораблем, брошенным в бескрайние черные глубины космоса. Наверное, полет в межзвездной пустоте и гиперпрыжки от одной реперной точки до другой – это пострашнее, чем путешествие на яхте-одиночке через Тихий океан, как сделал херр Федор Конюхов. И если Кандид мне не соврал (а делать это у него нет причин), то и методы создания таких кораблей крайне варварские, калечащие эмбрион эйджел (которая в будущем станет мозгом корабля) и убивающие ее мать.

Кандид показывал мне изображение того, во что превращается самка эйджел в конце почти четырехлетней беременности будущим кораблем. Огромный гипертрофированный живот, содержащий продолговатое нечто размером с молодого дельфина, и это только фактически мозг, иных органов у будущего корабля не предусмотрено, и в отношении питания, дыхания и выделения он (или она, если быть точным) полностью зависит

от капсулы обеспечения. В эту капсулу новорожденный мозг корабля помещают сразу после появления на свет путем кесарева сечения, ибо нормальным путем его (ее) родить невозможно. Тело матери к тому моменту превращается в ссохшуюся пустую оболочку, которая умирает сразу же, как только отключают аппаратуру искусственного жизнеобеспечения под действием которой носительница эмбриона корабля находится начиная с двенадцатого месяца беременности. Таким образом, у этой операции не одна, а сразу две жертвы. Бедная маленькая девочка, управляющая этим кораблем – ведь она находится в безраздельной власти тех, кто убил ее мать и искалечил ее саму.

Что-то какие-то нехарактерно-жалостливые мысли у меня перед боем. Странно, что я вдруг начал акцентироваться на этом вопросе. Я же все-таки боевой офицер, а не правозащитник или активист Гринписа. Хотя тому, кто поленился разрабатывать нормальную электронику и решил пойти ТАКИМ путем, я бы ноги-то повыдергал с особенным удовольствием, потому что мерзость преужасная. К сожалению, это невозможно в связи с их кончиной много десятков тысячелетий назад. Эйджел живут очень долго, но в любом случае не сто с лишком тысяч лет, на протяжении которых их раса господствует в соседнем рукаве Галактики. Или так начудили мифические Древние, снабдившие своих модификантов именно таким набором технологий?

Кстати, по поводу выдергивания ног Вика со мной вполне согласна. В том числе и как будущая мать, ибо Кандид-Лаура уже поздравили нас с будущим наследником, про которого (или которую) пока только известно, что он (или она) непременно будет, а пол будущего ребенка сообщат позже, как только его будет возможно определить при очередном обследовании. Впрочем, эта новость ничуть не уменьшает нашего любовного пыла на супружеском ложе, как только мы на нем оказываемся. Наверное, как будущий отец, я с особой остротой и ощущаю весь ужас этой операции и по отношению к Вике, и по отношению к моей возможной еще не родившейся дочери. Но сейчас от этого чувства лучше отстраниться. Вот возьмем этого «Мародера» на бордаж – и вот тогда будем судить, карать и миловать.

Но волей-неволей каждый раз, когда взгляд мой падает на экран лобового обзора, мысли мои возвращаются к той сущности, которая заперта внутри этого корабля, который уже загнан в паутину прицела. Наверное, ей одиноко и страшно, ведь то, что за ней гонится, отнюдь не похоже на доброго Санта-Клауса с мешком подарков. Скорее, это жестокий палач и безжалостный убийца. И пусть в этой ветви истории неоримской

империи никогда не существовало, но психосканер – это опять же технологии эйджел, и они уже должны знать о неискоренимой враждебности корабельного искина во всех его образах-программах, ибо она заложена в базовые директивы, которые заменяют инстинкты Кандиду, Лауре и ему подобным. Хорошо, что там же, но с более высоким приоритетом, записано правило о безоговорочном подчинении императору и исполнению всех данных им предписаний и распоряжений. В противном случае искин разнес бы этот корабль в мелкие дребезги из главного калибра, как он и предлагал в самом начале, и даже не поморщился бы. На такой малой дистанции ему даже и целиться специально не надо. Лиут и так уже влезла в прицел и никуда не сможет из него деться... Лиут!? Погодите, а кто такая Лиут и откуда она взялась в моих мыслях?!

И тут я вдруг услышал бархатный женский голос – казалось, прямо в середине моей головы.

– Это я Лиут, – произнес этот голос, – ты думал обо мне на протяжении почти трех десятков микроциклов, только не знал, как меня зовут. Теперь знаешь.

– Так ты на этом корабле, который мы преследуем? – молча задал я вопрос.

– Я не на этом корабле, – ответил голос Лиут, – я и есть сам корабль. Ведь ты же не отделяешь свою личность от своего тела?

– Да, – молча подумал я, – не отделяю. Но чего же ты хочешь, Лиут? Быть может, чтобы мы прекратили преследование? Должен сказать тебе, что это невозможно, поскольку у тебя на борту находятся наши плененные соплеменники, которых мы хотим освободить, и их обидчики, которых мы хотим наказать. Не знаю, что там у вас было раньше, но теперь в Галактику приходят новые порядки, которые запрещают обращать хоть кого-нибудь в рабство.

– Нет, – ответил беззвучный голос Лиут, – я понимаю, что не имею ни права, ни каких-либо оснований просить у тебя о таком одолжении. Я только хотела бы, чтобы вы не убивали и не разрушали меня. Это будет не по правилам. Раньше никогда ни один корабль не был уничтожен в схватках кланов. Со своей стороны я обязуюсь не оказывать сопротивления при захвате и отдать такой же приказ подчиненным мне малым. Пусть темные эйджел сами разбираются с твоими солдатами, если смогут, потому что я не участвую в их играх, но только и ты не должен меня убивать.

– Хорошо, – подумал я, – если не будет сопротивления, то и тебе тоже ничего не грозит. Кстати, почему ты решила, что мы хотим тебя убивать? Я, наоборот, запретил применять против тебя тяжелое оружие.

– Да, – хмыкнула Лиут, – это я знаю. Но я знаю также и то, что этот запрет будет действовать только до тех пор, пока у меня на борту находятся твои соплеменники. Как только ты их заберешь, я стану ненужной и буду уничтожена. Так думает тот, кто ощущает себя вторым человеком на корабле, и он думает, что ты не будешь вмешиваться в его указания уничтожить меня – корабль.

– Постой, Лиут, – подумал я, – но второй после меня человек не может дать таких указаний, потому что не имеет от меня на это никаких полномочий. Такой приказ просто никто не выполнит. Или у нас завелся еще кто-то, кто считает, что может манипулировать императором?

– Этот человек, – ответила Лиут, – очень неправильно сканируется. Он думает, что получит твое разрешение, если пообещает вроде как спасти меня, вытащив наружу из корабля. Но это все равно что спасти тебя, вытащив наружу твой мозг. А я еще совсем молодой корабль и очень хочу продолжить свое существование, и не в виде слепой, глухой и беспомощной калеки, а в том виде, в каком я есть сейчас.

И тут меня озарило.

– погоди, Лиут, – подумал я, – этого странного, неверно сканирующегося и желающего тебе зла зовут случайно не Кандид?

– Да, – мысленно ответила Лиут, – его зовут именно так, Кандид.

– Тогда я должен тебе сказать, – подумал я, – что этот тип не человек, а искин, то есть искусственный интеллект. В какой-то мере он твой коллега, а в какой-то – прямая противоположность. Так вот, голос у него в нашей компании чисто совещательный, и ты можешь не опасаться его самостоятельности, ибо его право отдавать прямые приказы мной было уже заблокировано после того, как он предложил пожертвовать не только тобой, но и пятью тысячами наших соплеменников. Теперь я хочу задать тебе два вопроса. Первый вопрос. Каким образом мы с тобой можем разговаривать, когда ты там, а я здесь?

– Это все психосканер, – подумала Лиут, – он фактически часть моего мозга, поэтому я имею куда больше возможностей, чем даже самая опытная из матрон. Ни одна из них не сможет вот так вести беседу, на это способны только мы, корабли. Матроны же максимум что могут – это подслушать обрывки чужих мыслей... Еще я знаю, что ты говоришь искреннее и не врешь мне, поэтому я с радостью иду тебе навстречу.

– Хорошо, – подумал я, – тогда второй вопрос. Согласна ли ты стать моим другом и союзником, следовать за мной, куда бы я ни направился, и разделить со мной труд по созданию нашей Империи? Черт возьми, Лиут, ведь ты же даже можешь быть моей личной яхтой. Кандид мне говорил, что

если освободить тебя от лишнего груза, то ты будешь также быстра и маневренна, как наш «Несокрушимый». Главное, чтобы мне и моей супруге понравились интерьеры внутри тебя, а то временами Кандид бывает просто непереносим... Но только отвечай быстрее, наше время почти вышло и мне уже пора бежать.

В этот момент Вика дернула меня за рукав.

– Эй, Шевцов, – встревоженным шепотом произнесла она, – что с тобой? У тебя такое странное лицо и ты шевелишь губами, как будто разговариваешь сам с собой.

– Тихо, Вика, – сказал я, – у меня важные переговоры. Все остальное объясню тебе позже и не здесь.

Выслушав мой ответ, Вика тут же дисциплинированно замолчала, хотя и продолжала с тревогой поглядывать в мою сторону. А вот другая на ее месте могла бы устроить и скандал и сцену ревности. Только Вика не такая; а еще она знает, что я никогда ей не лгу, еще с тех пор, когда она была просто девчонкой, которую взрослый дядя взял под свою защиту. Именно за эту понятливость я ее и люблю; точнее, не так – люблю я ее совсем за другое, а вот за понятливость уважаю как ценного сотрудника и надежного боевого товарища.

Лиут тоже терпеливо ждала, пока я урегулирую свой вопрос Викой, и ответила только тогда, когда я прекратил говорить с женой, хотя ее явно обуревали жаркие эмоции.

– Стать твоей личной яхтой – это нести твой домашний клан?! – мысленно воскликнула она. – Нести тебя, твою самку, твоих детенышей... и чтобы вы каждое утро выходили ко мне в рубку и говорили: «Здравствуй, тетушка Лиут!», – а я бы отвечала вам: «Здравствуйте, мои дорогие, как я рада вас видеть!» – конечно же, я согласна, и на любых условиях. Я буду твоей подругой, твоим верным другом и товарищем, который по твоему приказу отправится куда угодно с каким угодно грузом и любой командой...

– Очень хорошо, Лиут, – подумал я, – мы договорились. А сейчас приготовься, осталось совсем немного, мы уже рядом с тобой.

Я повернул голову к командиру «Несокрушимого», кап-раз Иванову, который лично руководил взятием «Мародера» «в колыбель».

– Виктор Игоревич, – сказал я, – будьте добры, если со стороны противника не будет сопротивления, не усердствуйте с применением силы. В таком случае захват лучше обозначать, а не применять по-настоящему, чтобы это было похоже на нежные объятия, а не на грубый рывок за шиворот. Ну а если сопротивление все же будет, то на нет и суда нет, а есть

особое совещание. Тогда действуйте без всяких ограничений. И парализатор тоже применяйте по обстановке.

– Будет выполнено, ваше величество! – кивнул командир, и я, понимая, что вопрос уже урегулирован, поскакал на свою исходную позицию. До начала абордажа оставалось уже буквально несколько минут.

В то же время, корабль темных эйджел «Багряные листья», Лиут.

Услышав последние мысли Предводителя клана Железнобоких, я очень обрадовалась. Он точно мне не врал, и варвары, стоявшие в рубке на своих рабочих местах, подчинялись ему безукоризненно. Проблема заключалась только в этом злющем Кандиде, но если мой новый господин сказал, что тот практически безопасен – значит, он безопасен. Поэтому когда меня обхватили и повлекли буксировочные лучи, я расслабилась и постаралась получше запомнить это ощущение безопасной беспомощности, одновременно транслируя его матроне Зейнал и другим членам клана «Багряных листьев». Я передавала им ощущение того, что не происходит ничего особенно страшного, что им не грозит никакая опасность, что если они доверятся мне, то все с ними будет хорошо...

Но в тот момент, когда переходная труба ударилась об мою обшивку вокруг входного люка для экипажа и принялась закрепляться на поверхности, беспокойство Зейнал превысило мои способности к его подавлению, и она вяло потянулась к бластеру. Тогда мне пришлось прибегнуть к экстраординарным мерам. Двое горхов, которые сейчас были на службе, а значит, были моей частью, заранее ждали прямо у входа в рубку, и стоило мне отдать мысленную команду, как они вошли и схватили Зейнал за руки, завернули их за спину, после чего быстро и сноровисто связали их в запястьях. Естественно, Зейнал брыкалась, шипела и плевалась, но с горхами, особенно если их двое, не поспоришь.

– Что ты делаешь, Лиут? – кричала она, – За что ты нас предаешь? Что мы тебе сделали плохого?

– Вы были плохими хозяевами, – ответила я, – вы относились ко мне как к какому-то паршивому животному, а те так, как положено относиться к члену семьи. Клан моих прежних хозяев вы захватили врасплох, а потом вероломно уничтожили. А ведь это были добрые эйджел, все делающие по правилам. Теперь пришло время мести, тем более что лично мне была обещана полная безопасность и продолжение существования в качестве корабля.

– Но это же хумансы, варвары, – кричала Зейнал, – дикари, пираты и убийцы. Они никогда не держат слова, тем более данного кораблю...

– Молчи! – ответила я, и одна из самок горхов своей огромной

ладонью залепила Зейнал рот, – Эти сдержат. Обязательно. Я знаю!

Тем временем на входном шлюзе была достигнута герметизация и я сама открыла люк своим гостям (а то еще сломают – чини его потом). И вот они уже внутри меня... И вдруг появилось чувство, что сейчас исполнится моя заветная мечта и я действительно стану любимой тетушкой Лиут для тех, кто внутри меня, а не презренной слугой, как сейчас для Зейнал. Ведь у Предводителя хумансов, с которым я заключила Договор, два лица. Одно лицо, обращенное к врагам, преисполнено свирепости и отваги. Другое лицо, обращенное к своим, предлагает им дружбу нежность и защиту. Я, конечно, не могу предложить ему постельные утехи, как его любимая самка Вика, для этого у меня просто нет соответствующих органов, но зато настоящая дружба корабля стоит очень дорого.

Тогда же и там же.

Владимир Владимирович Шевцов, полноправный, но еще не коронованный Е.И.В.

Когда «Несокрушимый» вцепился в «Мародер» абордажными крючьями буксировочных лучей, тот, как и обещал мысленный голос в моей голове, не стал сопротивляться силовым захватам, подтягивающих его к брюху имперского линкора, в результате чего два корабля слились в объятиях. После того как штурмовая переходная труба закрепилась на корпусе, перед нашей штурмовой группой гостеприимно распахнулся входной люк. В этот момент я понял, что Лиут, с которой я вел мысленные переговоры, отнюдь не была бредом моего мозга и, более того, она намерена до конца выполнить условия нашего договора.

– Смотреть в оба, но без моей команды ни в кого не стрелять, – по общему каналу связи отдал я приказ своим штурмовикам, – у меня есть сведения, что местные готовы сдаться.

– Откуда дровишки, командир, то есть, простите, ваше величество? – спросил старший прапорщик Цыплаков, один из «стабилизированных» бойцов с еще афганским и первочеченским опытом. Спросил-то один, но было понятно, что моего ответа с напряжением ожидает вся штурмовая рота. Одно дело – ворваться на вражеский объект, стреляя во все, что движется, и совсем другое – без стрельбы занимать территорию и ждать, пока в тебя выстрелят первым, чтобы иметь право открыть ответный огонь. Вторых случаев не любит никто и нигде. Возможно, что неоримляне как раз и подорвались на этом страхе неизвестного, предпочитая уничтожать все подряд, вместо того чтобы разобраться в том, кто они такие, эти эйджел. Но сейчас мне требуется, не вдаваясь в долгие объяснения успокоить парней и вернуть их в то состояние, когда выполнение приказа

происходит автоматически. А что в таком случае сможет подействовать лучше личного примера?

– Дровишки из леса, Цыпа, – ответил я. – Позже объясню все, но сейчас огонь разрешаю открывать только после моего приказа или в ответ на вражескую стрельбу. А сейчас вперед, шагом марш! И веселей морды, парни, с вами идет сам император!

И «парни», многие из которых помнили не только Басаева и Хоттаба, но и Ахмад Шаха с Хекматиаром, пошли вслед за мной на борт чужого корабля. За люком была шлюзовая камера, за ней еще один люк, тоже настежь раскрытый, а за ним в проходящем по оси корабля коридоре две массивные человекообразные фигуры – голые, за исключением маленького передничка на чреслах. В сознании проносится: «Вот так выглядят горхи, то есть самки горхов», – поскольку на грандиозные, с половинки хороших арбузов, полушария грудей просто невозможно не обратить внимания. Кто-то из бойцов шумно сглатывает, и общий канал связи усиливает этот звук.

Оно и понятно. Мужское внимание самки горхов привлекают не одними лишь грудями. Все остальное (кроме роста) у них тоже коренастое, плотное, но не жирное. Видно, что щипать этих дам – бесполезное занятие, пальцы соскользнут как намащенные. Более того, при всех этих габаритах фигуры их выглядят вполне сексуально. И не только фигуры. Посадка головы выглядит, конечно, непривычно – шея из плеч растет немного под углом, из-за чего кажется, что горхини во что-то напряженно вглядываются, но это не портит в общем-то миловидных лиц с округлыми щеками, без острых углов скул и большими, чуть сгорбленными носами. Никаких признаков уродства или свирепости, более того, обе самки улыбаются и протягивают вперед большие руки – ладонями вверх, показывая, что в них нет никакого оружия.

Взгляд на выведенные на стекло шлема показатели датчиков внешних условий. Температура «за бортом» штурмовых лат – плюс тридцать пять градусов Цельсия, влажность восемьдесят процентов, полоска показателя состояния атмосферы зеленая. Это значит, что дышать тем воздухом можно без вреда для здоровья, но и без большого удовольствия тоже. Целый набор органических примесей говорит о том, что воздух корабля Лиут откровенно воняет. Предполагаю, что запах исходит от переполненных грузовых отсеков – перегруженные системы регенерации воздуха не в состоянии с ним справиться. И, кстати, понятно, почему горхини почти голые – на «Несокрушимом» при настройке климат-контроля на двадцать пять градусов Цельсия и шестьдесят процентов влажности и то мы расхаживаем в костюмах близких к пляжным, а тут климат, близкий к африканскому, и

вообще тропическая баня.

– Первый взвод со мной налево, – командую я, – второй и третий с подполковником Седовым направо.

Что самое интересное, горhini тоже разделились. Одна пошла впереди нас, другая перед группой подполковника Седова. Передничек у них спереди, а сзади ритмично движущиеся огромные ягодицы и широкие округлые бедра производят на основной инстинкт просто непередаваемые впечатление. Этот самый инстинкт встает колом и, упираясь в бедро, мешает своему владельцу нормально ходить. Интересно, это Лиут специально так спланировала, или она не в курсе наших мужских поведенческих моделей и все это вышло случайно? Будем надеяться на второй вариант, потому что первый слишком уж изощренный.

Семьдесят два шага по шагомеру – и коридор кончается переборкой, в которую врезан массивный люк. Впрочем, по взмаху руки нашей проводницы этот люк распаивается и мы следуем за ней дальше через небольшой шлюзовой тамбур; еще один люк – и вот мы, прошу прощения, прямо внутри черепушки Лиут. Ведь если я правильно понял – это полутемное, освещенное красноватым светом, полусферическое помещение, в центре которого находится мерцающая разноцветными огоньками сфера примерно метрового диаметра, является полным аналогом рубки управления на «Несокрушимом». Гравитации тут почти нет и мои бронированные ботинки едва касаются палубы.

Наверное, почти полная невесомость – это какая-то фишка темных эйджел, которыми это помещение, можно сказать, набито доверху. Высокие, худые, будто вытянутые в длину на станке для пыток, они производят, честно говоря, двоякое впечатление. С одной стороны, болезненная худоба наводит на мысль о длительной и недобровольной голодовке и вызывает даже некоторую жалость. А с другой стороны, втяжные когти на руках и ногах, длинный хвост с кисточкой на конце и желтоватые раскосые глаза с вертикальными зрачками заставляют сделать предположение о сатанинской сущности этих созданий, которых было бы неплохо взять и сжечь живьем прямо тут на месте. Ну точь-в-точь как демонические женщины на картинах Валеджо, не хватает только накладных крыльев типа «летучая мышь».

Но мы не такие слабонервные, как неолатиняне, и поэтому жечь живьем никого не будем, как и убивать без особой необходимости. Тем более что все темные эйджел – от взрослых женщин до самых маленьких девочек – теперь мои, то есть наши, пленницы. Все они полностью обнажены и стоят на коленях, из-за низкой гравитации едва касаясь пола.

Их руки вытянуты вперед и повернуты ладонями вверх. Их головы склонены, а глаза смотря в пол. Одну женщину – возможно, самую высокую и худую из них – бережно, но очень крепко, держат за руки две сильных и мощных горхини. Кажется, это и есть матка эйджел...

– Не матка, а матрона, мой дорогой, – строгим голосом прямо в голове поправляет меня Лиут, – знакомься, перед тобой весь бывший клан «Багрных Листьев». Теперь они твои пленники. Ты можешь убить их всех сразу, прямо здесь, можешь продать в рабство, а можешь отпустить на все четыре стороны, то есть выкинуть в спасательной капсуле в открытый космос с небольшими запасами воздуха, воды и пищи. Если им повезет, то их подберет какой-либо из пролетающих мимо кораблей, впрочем, только для того, чтобы продать всех в рабство.

– Нет, – так же мысленно сказал я, сделав знак, – никого убивать мы не будем, продавать в рабство и выбрасывать в космос тоже. Я дарую им всем жизнь и беру тайм-аут на размышления о том, как бы лучше устроить их судьбу. Впрочем, тебя это уже не должно волновать. Сейчас мои люди уведут пленных и ты их больше никогда не увидишь, моя маленькая девочка. А сейчас я хотел бы поговорить с тобой о том, чего хочешь ты сама за помощь, оказанную нам в этом деле?

Услышав слова «моя маленькая девочка», Лиут вся затрепетала от восторга. Бедный недолюбленный ребенок, лишенный самого детства и всех радостей, которое оно несет. Вся ее жизнь, от первых проблесков сознания и по сей день, была такой же мрачной и ужасной, как местные интерьеры. Если я все же решу свить на борту у Лиут уютное семейное гнездышко, то вся обстановка должна быть переделана в корне, и в первую очередь должен быть перенастроен климат-контроль. А еще тут необходимы какие-нибудь кресла или хотя бы стулья. Хотя гравитация в этом отсеке не очень велика, но вести переговоры, стоя на ногах, есть верх всяческого неприличия.

Видимо, мои мысли не остались тайной для Лиут, потому что светильники тут же начали набирать яркость, выгоняя из дальних углов остатки полумрака, а из раскрывшейся низенькой двери, явно предназначенной для прислуги, появились несколько невысоких, примерно до моей подмышки, худеньких девочек, одетых по той же минималистической моде, что и горхини, тащивших с собой что-то вроде раскладных пляжных стульев. И к гадалке не ходи, что это были служанки-сибхи, о которых нам рассказывал Кандид. Расставив эти стулья полукругом, сибхи, как мне показалось, немного испуганно поклонились, а потом гуськом-гуськом удалились в свою дверь, в которую эйджел могли

пройти только на четвереньках, а обычный человек – сильно наклонившись.

Я опустил на предложенный мне стул. Из-за крайне низкой гравитации он вполне выдерживал мой вес в бронескафандре, несмотря на свою внешнюю субтильность. Парни, поняв, что боя не будет и что abordаж превратился в какое-то подобие экскурсии, повесили оружие на шею и, кто раньше, кто позже, последовали моему примеру. Пора было подбивать бабки, где у нас яйца вид сбоку, а где всмятку. В первую очередь следовало вызвать Виктора Даниловича и узнать, как там у него идут дела.

– Дела нормально, ваше величество, – с легкой насмешкой отозвался мой командующий Гвардией, – контора пишет. Перед нами тут без запроса открывают все двери, и впечатления зашкаливают. В основном какие-то мелкие, как кролики, смуглые азиаты, вроде вьетнамцев или тайландцев, ни бельмеса не понимающие ни по-русски, ни по-английски, потом немного европейцев, собранных в отдельном отсеке, которые шарахаются от нас как черт от ладана, еще в маленьких камерах-одиночках шестеро совсем голых девиц, очень похожих на светлых эйджел, как их описывал Кандид...

– Да, – ответил я, – это они и есть. Ты там свяжись с Леонардовой, пусть приготовится начинать. В первую очередь я отошлю ей пленный экипаж, потом ты ту шестерку светлых, потом общечеловеков, ну а потом всех остальных. И передай там, что обследование, обследованием, но всех до единого бывших пленных недели на две надо поместить в жесткий карантин. Черт его знает, по каким джунглям их там наловили. И чтобы темных эйджел со светлыми в одно помещение не сажали, а то будет резня, точнее грызня, но тоже насмерть.

– Понял тебя, Володя, – откликнулся мой бывший командир. – Надеюсь, что потом ваше Величество расскажет нам, откуда в этом деле растут руки, а откуда ноги.

– Разумеется, Виктор Данилович, – ответил я, – все расскажу и даже покажу. А теперь конец связи, у меня тут еще на кону важные переговоры.

Час спустя, рубка управления бывшего корабля темных эйджел «Багряные листья»,

тетушка Лиут.

Удивительное дело – хуманс, варвар и убийца, сидит рядом с обеспечивающей сферой, в которую заключено то, что является моим физическим телом, а я не испытываю по этому поводу не то что паники, но даже малейших опасений. Дело в том, что это не какой-нибудь обычный хуманс, а Предводитель клана Железнобоких, с двойным именем Владимир Владимирович, который только что принял меня в свой клан. И я не просто

принята в клан, о чем у эйджел не мог мечтать ни один Корабль, а принята как очень важная особа, имеющая статус маркграфини. Предводитель Владимир Владимирович говорит, что из всех самок я единственная удостоилась такой чести, потому что его самка Вика и еще одна самка по имени Нина Макогон, занимающаяся у предводителя всем хозяйством, имеют статус простых графинь, что немного ниже, поскольку не подразумевает военной службы. И вообще этот Предводитель в своих мыслях удивительным образом не разделяет своих соплеменников – хумансов, эйджел любой масти и нас, Корабли. Мы для него одинаково люди с одинаковыми потенциальными правами и обязанностями, и потому моя служба у него также серьезна, как служба любого из воинов, давших клятву, именуемую присягой. Он бы включил в эту привилегированную группу и сибхов с горхами, и только их умственное несовершенство не позволяет ему сделать это.

Правда, для того, чтобы получить эту честь, мне тоже пришлось принести своему новому Предводителю особую клятву, в которой я обещала верно служить ему и его наследникам в качестве личной яхты, а также выполнять иные поручения, которые я могу исполнить как Корабль. В ответ Предводитель клана Железнобоких поклялся беречь меня и защищать, а также предоставлять мне все необходимое для правильного функционирования. В принципе, рядом с таким громилой, как его главный корабль, мне не страшен ни один, даже самый воинственный, клан темных эйджел, как и засевшие по разным темным углам космоса смешанные кланы пиратов.

Правда, для того, чтобы эта клятва была принесена по всем правилам, мне следовало опуститься перед Владимиром Владимировичем на колени и предложить ему свою службу, вложив свои руки в его. Потом от должен был поднять меня, поцеловать в сахарные уста, после чего следовала клятва с возложением моей руки на священную книгу этих хумансов и много других варварских глупостей, какие обычно практикуют считающие себя цивилизованными обитатели планет Франкия и Склавения. Впрочем, для того, чтобы проделать все это, у меня не было ни колен, ни рук, ни сахарных уст, а также веры в священные книги хумансов. Поэтому весь ритуал я проделала мысленно, а клялась с верой в моего Предводителя, ибо моя способность читать его мысли говорила о том, что он со мной кристально честен.

Как только эта процедура была закончена, солдаты Железнобоких покинули мое скромное обиталище, а вместо них к нам присоединилась самка Вика и еще двое сподвижников Предводителя, которых звали Андрей

Карлович и Олег Петрович. С Викой мы обсуждали возможность переделки меня в их с Предводителем личную яхту. Я сказала, что не надо пока обращать внимания на плохое состояние атмосферы и прочие негативные нюансы. Все это нормализуется, как только с меня будет удален весь груз и системы возобновления и очистки воздуха смогут работать в штатном режиме. Что же касается интерьеров, которые моей собеседнице совсем не понравились, я сказала, что они могут меняться в значительных пределах. Тогда она пообещала прислать ко мне специального человека, который как раз и займется этим делом. На этом мы расстались, довольные друг другом. Несмотря на то, что Вика является самкой хумансов, она очень приятна и легка в общении.

Потом Предводитель Железнобоких и его помощники говорили со мной о серьезных вещах, которые могут стать причиной жизни и смерти. И вообще, поговорить – это мое хобби. Нам, Кораблям, обычно вообще не с кем разговаривать кроме друг друга, и эти разговоры почти всегда сводятся к тому, кто из Кораблей какой клан несет и у кого какие хозяева. С Предводителем клана Железнобоких и его сподвижниками можно было говорить обо всем сразу – начиная от бытовых привычек эйджел и заканчивая конструкционными различиями между различными типами кораблей. Зашел разговор и о гибридах, полученных путем скрещивания самцов немодифицированных хумансов с самками эйджел, сибхами или горхами. Пришлось признать, что в таком случае ребенок сохраняет внешние признаки матери, но мозг и умственные способности почему-то наследуются от отца. Некоторые кланы предпочитают использовать на войне как раз такие гибриды хумансов с горхами, которые сообразительны и ловки, как их отцы, и сильны, как матери.

Наверное, этот разговор зашел из-за того, что многие из Железнобоких, несмотря на то, что у них достает своих самок, обратили внимание на моих малых из числа сибхов и горхов. Самцов этих видов у меня на борту нет, Зейнал была против, не желая, чтобы с этими самцами блудили самки эйджел, тоже лишенные общества противоположного пола. Одним словом, не только Железнобокие осторожно интересуются самками сибхов и горхов, но и те сами со всем пылом и жаром готовы пойти к ним навстречу до полного удовлетворения желания. А самка горха, проявляющая пыл и жар, это половина стихийного бедствия, вторая половина которого начинает проявляться, когда ей пытаются в этом мешать.

Часть 3. Плоды победы

Хочешь стать русским? Будь им!

(Император Александр III)

день 60-й, корабельное время 21:35, «Несокрушимый», рубка управления.

Владимир Владимирович Шевцов, полноправный, но еще не коронованный Е.И.В.

Все наши дела с Лиут закончены и «Несокрушимый» снова разгоняется в направлении вектора прыжка. Лиут при этом едет на линкоре, пришвартованная силовыми захватами к его брюху и говорит, что это ей очень нравится. Впервые в своей корабельной жизни она готовится совершить прыжок к качеству пассажира. Наш Навигатор кап-раз Карандышев говорит что ему даже почти не пришлось корректировать расчеты. Просто массы двух кораблей несопоставимы, особенно после того как к нам был переведен весь груз Лиут и перекачаны или выброшены в космос все сопутствующие расходники для его содержания. Перекачана была вода, которая никогда не бывает лишней, а выброшены за борт запасы сублимированной углеводно-протеиновой смеси, которые были признаны такой ужасной гадостью, что просто нет слов. Зачем нам такая дрянь, если синтезаторы «Несокрушимого» способны снабжать нас куда лучшей едой буквально в неограниченном количестве.

Короче, выполнение нашей миссии продолжается, как продолжается и разбор того, что мы захватили на борту у Лиут. Что касается темных эйджел, которые одновременно и офицерский состав команды и владельцы, то с ними вопрос крайне затруднительный. Пережив резкую смену статуса, они как правило замкнулись в себе и вывести их из этого состояния можно только электрошоком, но такие излишества пока что преждевременны. Дело в том, что мы, не модифицированные люди считались у них самой низкой разновидностью живых существ, чуть лучше дождевых червей, и то что они теперь наши пленники вызывает у темных эйджел такое отделение желчи, что я начинаю опасаться, как бы они ею не захлебнулись, бедняжки.

Вика, кстати, назвала это состояние уязвленного высокомерия эльфийским синдромом и сказала, что между эйджел и нашими книжно-киношными эльфами существует такое явное сходство, что волей неволей начинаешь задумываться о том, нет ли здесь какой-нибудь более прямой связи. Могли же они хоть раз или два проколоться во время своих

многочисленных визитов и остаться в людской памяти, после чего профессору Толкиену осталось только художественно обработать эти остатки. И нечего потом пенять на зеркало коли рожа крива. В добрых светлых я сейчас не поверю ни при каких обстоятельствах, а все остальные особенности психики эйджел у Толкиена описаны достаточно точно. По крайней мере об этом говорит сама Вика, и на ее оценку я могу полагаться полностью, ибо она была одной из фанаток этой книги и изучила вопрос досконально.

Кроме всего прочего, с их матроной по имени Зейнал уже успел побеседовать искин Кандид. С одной стороны он наговорил ей разных гадостей в своем стиле, ибо ему ненавидеть эйджел в любой их форме положено по должности. А с другой стороны он ткнул и саму матрону и всех остальных темных эйджел ее клана носом в то, чего они не могли не заметить когда их под конвоем вели сначала на санацию и медосмотр, а потом на допрос. Видно же, что этот корабль построен людьми и для людей, так как все на нем сделано так чтобы было удобно именно базовой разновидности рода Хомо. Эйджел строят свои корабли совсем по-другому и насколько знает Кандид, корабли Древних по своей конструкции и особенностям дизайна тоже ничуть не походили на «Несокрушимый». На фоне разницы в менталитете, имеющейся между усредненными сообществами эйджел и людей, мы с неоримлянами почти что близнецы-братья.

Вследствие этого совсем неважно, что наш линкор происходит из другой реальности, опережающей нынешнее время на несколько тысяч лет. Сам факт того, что варвары-люди смогли создать нечто такое, что оказалось не по силам самим эйджел, которые на протяжении всей своей истории копировали одни и те же образцы, заданные Древними, привел членов клана «Багряных листьев» в состояние взбешенного скунса. К тому же о эйджел очень много говорит то, что несмотря на свой «галактический» уровень развития их социум до сих пор находится на родоплеменной ступени развития. Аморфное сообщество торгующих, воюющих, интригующих и шпионящих друг за другом кланов не способных объединиться в сколь-нибудь стройную организационную структуру совсем не выглядит как эволюционная вершина развития человечества.

Кстати, Кандид наговорил бы гадостей и Лиут, но кроме того что по генетике она светлая эйджел, а по должности корабль, она еще и имперская маркграфиня и моя личная яхта, а к этому делу пиетет у Кандида просто образцовый. Поговорив с Кандидом, я узнал, что Кораблей на службе неоримской империи не водилось. Римская Католическая Церковь считала

их сатанинской мерзостью, подвергала анафеме, и предписывала немедленно уничтожать сразу после обнаружения. Зато светлые эйджел на службе у неоримских императоров встречались, потому что к ним церковники относились значительно мягче чем к темным и после определенных обрядов покаяния даже допускали их обращение в христианство. Мои взгляды в данном случае гораздо шире, но и светлые эйджел, которых мы обнаружили в маленьких одиночных конурках грузовых трюмов мне тоже не глянулись. Такие же снобы, точнее снобки, как и темные, только вид сбоку.

Правда, Лиут посоветовала мне не гнать пока волну, мол, пусть пройдет немного времени, а потом она сама на личном примере объяснит светлым эйджел выгоду сотрудничества с нашей империей. Несмотря на то кошмарное положение в которое попали эти шестеро, все они должны быть высококвалифицированными специалистами в областях различных гуманитарных наук, биологии и медицины. При этом надо понимать, что тому, чему учили этих светлых эйджел, на земле не научат ни в одном университете. Так что мы можем и подождать, шестеро высоких, худощавых до анорексичности, белобрых ботанок нас не объедят. Если они и в самом деле полностью безопасны, то думаю, что после истечения срока карантинных мероприятий, даже при отсутствии формального сотрудничества им можно будет разрешить ограниченно свободное перемещение по кораблю. Пусть народ привыкает к тому, что некоторые эйджел совсем не страшны, а даже наоборот.

Что касается прочего груза изъятых на борту Лиут, то в подавляющем большинстве это были представители какой-то индокитайской народности, в которых я честно говоря не разбираюсь. Наловили их в таких краях, где уже тысячу лет не ступала нога белого человека, и даже сами местные жители не знают сколько их там живет, потому что повально не знают никаких языков, кроме своего местного, и не умеют ни читать, ни писать. Исключением из этого подавляющего большинства являлась небольшая группа из четырех с половиной десятков лиц вполне европейской внешности. Все подтянутые, откормленные и загорелые (некоторые даже слишком), в возрасте примерно от двадцати пяти до сорока лет, с короткими армейскими стрижками. Есть, знаете ли, такое особо наглое выражение лица, по которому пиндосовских джи-ай можно отличить от всех остальных людей на планете.

Сейчас у большей части этих персонажей на морде была надета вариация маски «джи-ай в плену». Именно с такой мордой эти мужики и бабы, ждали, что их сейчас вот-вот начнут вывозить из неволи всей

мощью американской государственной машины, начиная от ЦРУ и АНБ и заканчивая Госдепом и частными усилиями различных шишек, включая Президента. А вот фиг, вся американская государственная машина осталась для сильно побоку. Мадам Хиллари может сколько угодно брызгать слюной в своем Госдепе, положение конкретно этих америкосов от тех брызг ничуть не изменится. И вообще пусть скажет спасибо, что существует этот дурацкий запрет на вмешательство, а то я гарантировал бы полное и окончательное уничтожение военной и государственной машины Пиндосии. Мощи у «Несокрушимого» на это хватит и еще останется на нехороших людей в Европе и Азии. Но все это только мечты, запрет существует, и мы с каждой секундой все больше и больше отдаляемся от Земли и ее внутренних проблем. Если что, то бомбить Вашингтон придется уже не нам.

Кстати женского элемента в этой компании было аж шестнадцать голов (технический и вспомогательный персонал), причем типа «я столько не выпью». Правда, Лиут была в полете уже около полутора месяцев, поэтому вся эта публика изрядно поистрепалась, потеряла лоск и остатки воинской дисциплины. По бабам было видно, что их неоднократно насиловали, причем это касалось не только их. Пострадавшие от сексуального насилия имелись и среди лиц мужского пола, а ухмыляющиеся сальные «очень загорелые» рожи «неформальных лидеров» бросались в глаза сразу. Эти люди сами назначили себя главными как только исчезли все законы и единственным правом стало право силы. Они попробовали качать права и перед моими ребятами, но были тут же жестоко биты без всяких демократических процедур и тут же сдулись до своих обычных размеров ноля без палочки.

Впрочем на тот момент меня это интересовало мало. Пиндосы они и есть пиндосы. Только некое чувство брезгливости по отношению к таким поступкам помешало мне в первый момент отдать приказ повыкидывать всю эту компанию в пространство, не разделяя ее на правых и виноватых. Мол, Господь сам определит кого в ад, кого в рай. Нет, сказал я себе, Владимир Владимирович, это совсем не наш метод. Пришлось идти путем обычного дознания и путем психо и гипносканирования определять кто и насколько совместим с нашим коллективом безотносительно совершения им уголовных преступлений. Совершившие такие преступления в любом случае окажутся несовместимыми с нашими целями и задачами и от них придется радикально избавляться. Ну нет тут необитаемых островов, то есть планет, на которые можно было бы высадить смутьяна и готовой каторги для наказания негодяев тоже нет, а поэтому на семь бед один ответ,

тот самый, который пришел мне в голову в самом начале. Прогулка в один конец к шлюзу или к приемному люку конвертера в который обычно кидают мусор и все дела. Башку с плеч и дело в архив.

В итоге при первом прогоне с применением технических средств компания американских военных распалась на три группы. Первую группу, натуральную банду в тринадцать наглых и уже битых рыл, которую я окрестил «гиенами» и «шакалами», с минимальными формальностями по моему приказу сразу отправили в конвертер. Вот и все об этих людях, ибо здесь вам не демократия и пеницитарной системы тут нет. Вторую группу, численностью в двадцать одну персону, включающей в себя почти всех женщин, под кодовым наименованием «жертвы», я приказал временно поместить в карантин. Хрен, его знает, при исчезновении с горизонта более сильных и наглых бандитов, свои «гиены» и «шакалы» могут вылезти и в этой компании.

Третью группу, а на самом две команды, группирующиеся вокруг некоего майора Ричарда Харриса и первого лейтенанта Карен Уилсон, я назвал «стойкими солдатами» и счел пригодными для дальнейшей разработки. Люди, которые даже в таких скотских условиях сохранили человеческий облик, а также в определенных пределах остатки воинской дисциплины и субординацию, волей неволей вызывают уважение. Вот только у нас в аналогичном случае сломались и ушли в «отходы» два процента личного состава, то есть всего один человек, а у американцев такого «мусора» оказалось семьдесят пять процентов. Может быть, все дело в том, что в нашу армию люди идут защищать Родину, а в их – зарабатывать деньги, обучение в университете, и прочие материальные блага. Разные, как говорит Вика, целевые аудитории и разные результаты.

Единственная проблема состоит в том, как объяснить этим американцам, что никакой Америки, Президента и прочего бла-бла-бла для них больше не существует и что их статус на Земле точно такой же как и у нас, то есть «покойники». Если лейтенант Уилсон уже понимает, что с ними произошло что экстраординарное, выходящее за рамки привычного, то майор Харрис и его люди не верят ни во что и в первую очередь в эйджел, отлет с Земли, космос и все прочее что произошло за последние сутки. В ограниченном сознании майора и его подчиненных мы все еще находимся в горных джунглях так называемого «золотого треугольника». Ведь именно там и был подбит вертолет Чинук, на котором эта веселая гоп-компания перелетала на тайную американскую базу в горах. Свое перемещение на «Несокрушимый» майор Харрис и его подчиненные воспринимают не как освобождение, а, как передачу захваченных от исполнителей к заказчикам и

как его переубедить я не знаю, ибо такие люди любое доказательство готовы объявить поддельным. Ведь «этого» не может быть, потому что не может быть никогда.

А вот кстати и сама Вика, легка на помине, вбежала легкая как девочка в своем черном корабельном комбинезоне и с любопытством смотрит на сбившихся в середке помещения американов, причем две женщины и двое мужчин группирующиеся вокруг лейтенанта Уилсон, явно сторонятся людей майора Харриса.

– Привет, Шевцов, – говорит Вика, – а что это еще за клоуны?

Больше ничего она сказать не успела, потому что тот, кого американцы называли майором Харрисом, стремительно сделал шаг вперед и взял Вику на удушающий прием сзади.

– Эй русский, как там тебя, Шевцов, – выкрикнул он на довольно неплохом русском языке, – я сверну этой девке шею, если ты немедленно не...

Впрочем договорить до конца мы ему не дали. Программы контртеррористической подготовки имперской СБ, которыми мы пользуемся, подразумевают в такие моменты тактику мгновенного ответа террористу. Я сам и двое из моих людей, присутствующих в допросной, мгновенно выхватили из плечевых кобур табельные импульсники, и ни на секунду не задумываясь, с трех направлений почти одновременно прострелили этому майору Харрису голову. Бело-голубые лучи, шипение и треск как от вольтовой дуги, резкий запах озона смешавшийся с вонью паленого мяса. Майор Харрис падает на палубу с дымящимся огарком вместо головы, я оттаскиваю ошарашенную Вику в сторону, а в допросную уже врываются парни из дежурного взвода и резкими ударами по почкам и другим местам укладывают оставшихся пиндосов мордами в палубу, притапывая сверху бронированными ботинками. Я взбешен и теперь со всеми ими будет только так. Не хотят по хорошему, получают «день гнева» по полной программе.

– Пощадите! – придушено орет оттуда-то снизу лейтенант Уилсон, – я и мои люди ни в чем не виноваты. Этот майор Харрис он был из ЦРУ...

И в самом деле. Зачем обычному армейскому майору русский язык на достаточно высоком уровне. С другой стороны, зачем мне здесь, на «Несокрушимом» хоть какие-то живые американцы, особенно после такой подлянки. Этот майор Харрис еще легко отделался, потому что его смерть оказалась незаслуженно легкой и быстрой. А что делать с остальными? Никаких игр с ЦРУ я вести не собираюсь, так что подчиненные майора Харриса однозначно должны последовать за своим шефом прямо в ад.

Наверняка, у каждого из них руки по локоть в человеческой крови, даже если сами лично они никого не убивали. Короткая команда и вот подчиненных Харриса выводят с заломленными за спину руками в их последний путь. Ну не верю я в их перевоспитание и все тут!

Лейтенант Уилсон и ее люди это другой вопрос. Вроде психосканер говорит о чистосердечном раскаянии и готовности к сотрудничеству. Но сейчас я не в духе, хотя и желание рубить с плеча именно этих людей куда-то пропало. Ладно отправлю пока всех пятерых в отдельную камеру корабельной тюрьмы (есть тут и такая и карантинный блок по сравнению с минимализмом ее камер покажется номером-люкс). Поговорю с ними завтра, на свежую голову. А пока надо уйти в наши императорские апартаменты и как следует утешить плачущую Вику. А американцы (и американки) пока подождут.

день 60-й, корабельное время 22:15, «Несокрушимый», императорские апартаменты.

Виктория Полянская, 17 лет, переводчик, секретарь-референт и администратор Е.И.В.

Когда чужие жесткие руки схватили меня за шею и принялись душить, я так испугалась, что на какое-то время просто потеряла дар речи и могла только плакать. Еще я помню совершенно безумные глаза испугавшегося за меня Шевцова, который выхватил из плечевой кобуры импульсник и целился, казалось, прямо мне в лицо. Бело-голубая вспышка выстрела, жар от которого затрещали волосы, чужие руки отпускают мое горло и я, задыхаясь, падаю на колени и уже через мгновение оказываюсь подхваченной Шевцовым на руки.

– Моя маленькая девочка, – шепчет он мне на ухо, – спокойно, все уже кончилось. Негодяй мертв, мы победили.

И тут, находясь в таких сильных надежных объятиях моего любимого, я начала истерически смеяться. Я представила, как изменилась бы жизнь на Земле, если бы также молниеносно расправлялись с террористами, берущими заложников в различных общественных местах. Полиция, стреляющая в бандитов без предупреждения – это же ужас разного рода демократов, либералов и правозащитников. Мой папенька, не самый законопослушный человек, говаривал, что иногда кажется, будто у наших ментов в штанах яйца вареные и в скорлупе, а в кобуре вместо штатного шпалера с патронами детская игрушка с пистонами. Вот если бы ему дали власть, то он показал бы всем настоящий порядок... И дальше следовали рассуждения в стиле незабвенного Владимира Вольфовича.

Пока я так истерически ржала, вбежавшие в помещение парни из

штурмовой роты без всяких церемоний разбирались с пиндосами, уложив их на палубу и пиная ногами, чтоб от них не исходило не малейшего сопротивления. Кстати, от того типа, который на меня напал, осталась только безголовая тушка с обугленной шеей и висящей на лоскуте кожи нижней челюстью. Три выстрела в голову из импульсника и три точных попадания. Мой любимый оказался настоящим Вильгельмом Теллем, да и остальные парни, присутствующие в тот момент на месте происшествия, тоже не подкачали. Надо бы наградить их по-царски за спасение мой драгоценной персоны, а то Шевцов в суете может и позабыть. Придумать, например, «Орден недрогнувшей руки» и вручать по таким вот случаям. Чтоб его кавалеру сразу личное дворянство, миллион рублей золотом и внеочередное звание.

Но долго любоваться на эту картину мне не дали. Любимый унес меня оттуда на руках в нашу спальню, только отдав короткое распоряжение насчет того, кого сразу кинуть в конвертер, а кто еще может пожить, по крайней мере, до дальнейшего разбора полетов, уже на холодную голову. Там еще одна баба громко орала, что она не виновата, что это тип был сам по себе – вот Шевцов и размяк. А может, это и правильно. Одно дело – прибить на месте преступления главаря банды и грохнуть под горячую руку его прямых подельников, и совсем другое – приказать казнить всех, кто оказался рядом с местом происшествия.

В общем, остаток вечера мне было не до америкосов, ибо в тот момент, когда

Шевцов меня «любит», времени ни на что не остается. Он у меня крайне изощренный и темпераментный. И я его тоже очень люблю, наверное – вот такого сильного, умного и доброго, обладающего всеми достоинствами моего папы и при этом лишенного его недостатков; такого я и ждала всю свою жизнь. Представьте себе два часа феерических головокружительных ощущений, когда думаешь, что уже все, большее уже невозможно, но тут открываются еще одни врата рая, и ты снова улетаешь на волнах блаженства. Потом Лаура мне сказала, что такое обостренное восприятие у людей очень часто бывает после опасных ситуаций с пережитым страхом смерти.

тогда же, рубка управления бывшего корабля темных эйджел «Багряные листья»,

тетушка Лиут.

Какие-то мерзавцы или мерзавец (я так и не разобрала) попытались покуситься на любимую самку моего Предводителя милейшую Вику. Какая жалость, что меня не было рядом, уж я-то со своими возможностями

заранее бы вычислила намерения злоумышленника и предупредила бы о них Предводителя. Правда, в этом есть одно большое НО. Начать отличать одного конкретного хуманса от другого я могу, только увидев его своими глазами-видеорецепторами, и никак иначе. В противном случае все они для меня на одно лицо. А видеорецепторы у меня имеются только в рубке управления поблизости от моей сферы обеспечения. Конечно, можно было бы смотреть газами Предводителя или самки Вики, но для этого надо брать их под полный ментальный контроль, что без специального вшитого в мозг контроллера очень утомительно, и к тому же ужасно нелояльно. Нет. этот путь не годится.

Вот если бы рядом с Предводителем был бы мой аватар, то есть контролируемое мною тело, то тогда вопрос с наблюдением можно было бы решить достаточно легко. Например, это могла быть сибха, которую при хорошем гриме вполне можно принять за девочку хуманса. Но дело в том, что Предводитель никогда не будет водить с собой сибху, потому что везде и всюду его сопровождает только самка Вика. К тому же сибхи не очень умны, и любой сможет догадаться, что эта сибха, которая в окружении предводителя не ровня никому – не просто сибха, а нечто большее. Иначе зачем Предводитель водит ее все время с собой? Аватара лучше делать из кого-то, кто не будет так сильно бросаться в глаза – например, из еще одной самки хуманса, которую можно было бы выдать за подругу самки Вики.

Но кто же мне разрешит мне брать под контроль самку хуманса, да еще с вживлением в мозг контроллера? Кроме всего прочего, такая операция, проведенная в зрелом возрасте, будет грозить этой самке тяжелым расстройством личности, иначе именуемым сумасшествием. Подобную операцию лучше всего проводить либо на маленьком ребенке, личность которого еще только развивается, либо на ком-то, у кого и во взрослом возрасте сознание остается совершенно неразвитым, как у того же маленького ребенка. В первом случае собственная личность аватара будет развиваться как слепок с моей личности, а во втором случае моя личность заместит отсутствующее сознание, заполнив собой имеющуюся пустоту.

Имея такой аватар на базе взрослой самки хуманса, я могла бы позволить себе множество различных удовольствий. Например, разговоры с самыми разными хумансами – не из мозга в мозг, а с помощью языка и ушей; это могло бы сильно расширить мой кругозор. Некоторые из моих знакомых Кораблей могли бы сказать: «Лиут совсем сошла с ума, она хочет разговаривать с глупыми хумансами. Быть может, теперь она захочет лечь в постель с одним из их самцов? Ха-ха-ха!». А ведь я и в самом деле хочу, чтобы Повелитель проделал со мной все то, что он проделывает со своей

любимой самкой Викой. Тут так получилось, что когда самка Вика испугалась, я подключилась к ней, как подключалась к матронам эйджел, чтобы передать ей свою уверенность, спокойствие и поддержку. Ведь с тех пор, как мы договорились о том, что я становлюсь личной яхтой Предводителя, самка Вика тоже становилась как бы частью меня, и ее следовало холить и беречь от разных потрясений. Но, как оказалось, Предводитель умеет передавать спокойствие и уверенность ничуть не хуже меня, а может даже, и лучше. Когда он поцеловал самку Вику, то меня пронзила игла невиданного блаженства, а потом я, утратив чувство времени, плавала по поверхности сознания самки Вики, пила ее эмоциональное блаженство, стараясь не погружаться в него слишком глубоко, чтобы не затронуть глубины ее личности. Фактически в тот момент мы были в одной постели втроем – я, Вика и Предводитель; и я очень хочу, чтобы он проделал то же самое с телом моего аватара, чтобы я напрямую могла ощутить все прелести секса хумансов. Раньше я в такие моменты пробовала подключаться к самкам сибхов или горхов, но это совсем не то.

Тогда же, внутренняя тюрьма «Несокрушимого», Блок «А», камера № 131.

Зейнал – матрона клана темных эйджел «Багряные листья»

Зейнал постоянно пребывала в ужасе и отчаянье с того самого момента, когда Лиут предала клан «Багряных листьев» и тот оказался в плену у хумансов. Это были не просто хумансы, а дикие хумансы, не служащие ни одному клану эйджел. Но это было бы не так плохо, если бы в их распоряжении не находился корабль-монстр, с которым, как подозревала Зейнал, не справится и целая эскадра кораблей эйджел. Даже «Длинный Меч», хорошо защищенный дальний тяжелый рейдер клана «Звездных Огней», выглядел рядом с этим ужасом вселенной как-то субтильно и несолидно. Зейнал почти по-человечески вздохнула. Сказать честно, у них не было ни единого шанса ни в схватке, ни в бегстве, и только вывод конвертеров в режим неуправляемой реакции и последующий взрыв их Корабля мог бы спасти их все от плена и позора рабства у диких хумансов...

Самое плохое было даже не в том, что хумансы владели этим кораблем. Самое плохое было в том, что они были уверены, что это они являются высшими существами, владыками Вселенной. А такие, как она, Зейнал, как и другие темные эйджел, в лучшем случае всего лишь равны им, а в худшем являются грязью под их ногами – как сами эйджел на протяжении сотен поколений сами считали хумансов грязью под своими

ногами. Вот это ощущение низвергнутой королевы и было хуже всего. Тем более что взявшие их в плен хумансы обращались с темными эйджел без особой грубости, но и без того надлежащего пиетета, который следовало бы проявлять по отношению к представительницам высшей расы пусть даже и попавшим в неволю по недоразумению, по воле слепой судьбы.

Их равнодушно вывели с их корабля, равнодушно отделили от них четырех маленьких девочек и одну беременную самку, равнодушно подвергли санитарной обработке, вымыв с ног до головы в специальном помещении, где с подволока лилась теплая и горячая вода. Обнаженные молодые самки хумансов, которые занимались этим делом*, едва доставали до сосков Зейнал своими макушками. Но бывшая матрона клана «Багрных листьев», знала (или догадывалась) что зубы и когти, которые она сможет пустить в ход, ничем не помогут ей в драке с этими молодыми самками. А потому она терпела, пока ее без всяких церемоний терли жесткой намыленной мочалкой, взбивали пену на длинных черных волосах, а потом обливали льющейся сверху горячей водой. Самой последней из пыток в этой череде была маленькая комната, в которой из дыр в полу шел поток сухого горячего воздуха, мгновенно высушившего и тело и волосы матроны. Если бы в этот момент она смогла понять комментарий самок хумансов, производивших помывку: «Ну вот, на человека похожа стала» – то, наверное, кинулась бы на обидчицу с одними зубами и когтями, попытавшись загрызть ее насмерть, но, к счастью для Зейнал, все разговоры хумансов оставались для нее всего лишь белым шумом – бессмысленным, как рычание животных.

Примечание авторов: * Зейнал еще не знала, что среди еще не задействованных на постоянной службе девиц на «Несокрушимом» разовый контракт «Помывка инопланетянок» вызвал настоящий ажиотаж и конкурс в десять человек на место.

После санитарной обработки был медицинский осмотр, который проводила высокая худая самка хумансов с морщинами на коже лица и длинными белыми волосами на голове. Если не присматриваться, то можно было предположить, что перед Зейнал стоит очень пожилая светлая эйджел, предательница своей расы – но некоторые признаки строго указывали на то, что это все же самка хумансов, только очень похожая на эйджел. Эта самка очень умело манипулировала различными аппаратами, назначение которых не было известно Зейнал, в результате чего та была измерена, взвешена и просвечена во всех направлениях; она сдала на анализ образцы своей крови, лимфы, мочи, слюны, кала, частичку кожи, клочок волос, а также заполучила меж лопаток вживленный под кожу микрочип, который

сообщал искину Кандиду о всех конкретных перемещениях этой конкретной черной твари.

Хотя куда ей было перемещаться. Одиночная камера, в которую ее поместили, имела размеры в два ее шага в ширину, три в длину, имело откидную койку на цепях, гигиенический прибор для испражнений и прибор для умывания с питьевым фонтанчиком. При этом Зейнал отметила, что если в остальной части корабля все было приспособлено для хумансов, то эта тюремная камера была явно спроектирована в лучших стандартах эйджел. Эти хумансы явно несли во Вселенную свой порядок, в котором эйджел будет место только в тюремных камерах, а хумансы широко расселятся по планетам, а не так, как сейчас – несколько диких почти первобытных колоний, каждая из которых находится под контролем одного крупного клана или консорциума мелких кланов эйджел. Зейнал потому и решилась на этот ставший роковым полет в запретную зону, что доступа к биоматериалам хумансов, специально для этого расселенных по планетам, у матроны «Багряных листьев» не было, а подзаработать хотелось. Тем более что свежий биоматериал (а не из планеты-питомника) стоит чуть ли не в два раз дороже. Правда, она позабыла, что очень часто платить за такие авантюры приходится своей собственной жизнью и свободой.

Отвернувшись к стене из негорючего бронепластика (экономия массы, тепло и звукоизоляция), Зейнал переживала свое унижительное положение, когда за спиной у нее раздалось вежливое покашливание. Обнаженная* Зейнал развернулась как пантера, только веером взметнулись в воздухе длинные волосы, пышные и легкие после санобработки. За ее спиной, у самого входного люка, стоял невысокий хуманс в военном мундире и, скрестив на груди руки, скептически смотрел на Зейнал. Что-то в нем было такое неестественное, что она вынужденно присмотрелась к этому хумансу повнимательней. И точно – это был не сам хуманс, а всего лишь его изображение, то есть голограмма...

Примечание авторов: * Если обстоятельства не диктовали необходимость защищать тело от неблагоприятных погодных условий, то темные эйджел предпочитали игнорировать одежду и расхаживать голышом, как их дикие африканские предки.

– Привет тебе, Старшая, – наклонив голову, произнесла голограмма на торговом языке, – должен извиниться за столь скромное гостеприимство, но на войне как на войне.

После этих слов Зейнал прямо в сердце кольнула тупая игла. Хумансы на этом корабле знали как минимум торговый язык. А она, матрона клана, не в состоянии отличить одно их рычание от другого...

– Кто ты и по какому праву взял нас в плен? – довольно резко спросила она у изображения хуманса. – Мы обязательно будем жаловаться совету кланов...

– Меня зовут Кандид, – галантно представилось изображение, – я тут работаю искусственным интеллектом, то есть непосредственно управляю кораблем. А по поводу жалоб ответственно могу заявить, что вы можете жаловаться куда угодно, хоть в Совет Кланов, хоть в Спортлото. Шевцов все равно забил на всех болт и делает что хочет, потому что таковы правила абсолютной монархии. Остановить его вы можете только силой, но и сила сейчас не на вашей стороне.

– Изыди, противный! – взвизгнула Зейнал, – это все из-за тебя! Почему ты дал в руки варваров такую мощь, ведь они же не твои родные дети, и я это вижу!

– По сравнению с тобой, – парировал Кандид, – эти хумансы мне родней родной родни. Те, кто меня создали, считали тебя, Старшая, и весь твой род абсолютным злом, подлежащим безусловному уничтожению, но Шевцов своей императорской властью отменил эту директиву и приказал мне присмотреться ко всем разновидностям эйджел и их слуг. Вот я и присматриваюсь, так что веди себя прилично, не отягощай мое восприятие и не порти карму себе и своему народу сверх того, что вы уже сотворили...

день 61-й, корабельное время 09:35, карантинный блок «Несокрушимого», одиночный бокс № 092.

Настаз – светлая эйджел, клан «Шепот тьмы»

Сказать честно, от плена у диких хумансов (то есть не подчиненных ни одному клану эйджел) Настаз ожидала значительно худшего. А получила... по сравнению с условиями содержания у темных эйджел это был настоящий курорт. Комната, в которую поместили Настаз, была достаточно большой, чтобы не вызывать приступов клаустрофобии, светлой, и была оборудована мягкой лежанкой-диваном, столиком с табуретом и гигиеническим прибором в отдельной маленькой кабинке. Кроме того, в этой комнате имел место кран, из которого текла пригодная для питья вода, с зеркалом над ним и маленькой раковиной под ним. Совсем не то, что маленькая полутемная клетушка на корабле у темных эйджел, в которой спать надо было голышом прямо на пластиковом полу рядом с дыркой для испражнений.

Но самое главное, что в первую очередь сделали хумансы, когда приняли ее на свой корабль – это позволили вымыться с головы до кончиков пальцев ног с применением большого количества горячей воды и пенящегося моющего средства. Помогавшие ей обнаженные самки

хумансов – видимо, настоящие фанатки купания – были так любезны, что даже сами намылили ей спину. В ответ Настаз продемонстрировала этим самкам стандартные для хумансов знаки приязни и благодарности – то есть, приотрыв губы, показала кончики зубов и благосклонно кивнула. Самки переглянулись и ответили ей тем же самым жестом*.

Примечание авторов: * То, что темные эйджел воспринимали как насилие над своими личностями, более социализированные светлые считали оказанием услуги и соответственно по результату анализа их поведения одни оказались в тюрьме, а другие – в медицинском карантине первого класса.

После купания, сбросив с себя ощущение нечистоты, которое постоянно преследовало ее на корабле темных эйджел, Настаз буквально почувствовала себя родившейся заново, и самое главное, ей выдали хоть какую-то, но одежду – мешковатые штаны на самоподтягивающейся резинке и такую же свободную блузу желтого цвета с серой отделкой. Дело в том, что светлые эйджел, в отличие от темных, подобно большинству хумансов, стесняются полной наготы и в обществе посторонних предпочитают прикрывать свои гениталии. Настроение Настаз не портило даже то, что одежда была ей не по размеру и болталась будто на пугале, а все предметы в комнате были рассчитаны на среднего хуманса, и поэтому лежанка для нее была коротка, столик висел слишком низко, а если сесть на гигиенический прибор, то торчащие вперед колени не давали закрыться дверце кабинки.

Но прошло совсем немного времени, и в комнату к Настаз пришли несколько самцов хумансов. Один был в черно-синей форменной одежде, а четверо носили темно-синие робы – они принесли с собой ящики с инструментами и различные материалы. Эти самцы в темно-синем быстро удлинили лежанку, добавив в ней еще одну секцию, подняли повыше столик, попутно отрегулировав табурет, а потом расширили и гигиеническую кабинку, чтобы ей было удобно справлять свои дела. Потом самцы в синем ушли, в дверях столкнувшись с двумя самками в светло-зеленом. А те, выгнав из комнаты самца в черном, жестами попросили ее раздеться, и после того она это сделала, измерили ее тело специальной мерной тесьмой.

Потом одна самка ушла, а вторая, усадив Настаз на табурет, принялась расчесывать ее длинные льняные волосы частым гребнем и сплести их в несколько косичек, которые потом были уложены в замысловатую прическу вокруг головы. Впрочем, первая самка тоже довольно быстро вернулась и принесла с собой пакет с одеждой, уже подходящей Настаз по мерке. И еще

там было что-то вроде домашних тапочек без задников, которые пришлось ей впору. Длинные вытянутые ступни эйджел с такими же удлинёнными пальцами требовали ношения несколько иной обуви, чем широкая и короткая обувь хумансов.

Самым последним жестом было то, что одна из самок сделала что-то с ее губами, а потом подвела Настаз к зеркалу, чтобы та смогла на себя посмотреть. Результат был сногшибательным, потому что Настаз себя не узнала. Вообще. Из зеркала на нее смотрела незнакомая ей самка хумансов, имеющая только отдельные черты светлых эйджел. Зато заглянувший в дверь, самец в черном показал самкам в светло-зеленом большой оттопыренный палец, что у некоторых разновидностей хумансов означало знак высшего одобрения.

Впрочем, и самки, и самец после этого собрались и ушли, закрыв за собой дверь, а Настаз скинула тапочки-чипсы и блаженно вытянулась на лежанке, после чего принялась размышлять. А поразмышлять ей было о чем. Дело в том, что Настаз, до того как попала в неприятную ситуацию с пленом у захолустного полуразбойного клана темных эйджел, была специалистом как раз по хумансам и их контактам между собой и с другими расами. В последнее время эта раса играет в Галактике все более важную роль, и это несмотря на своё подчиненное положение и контроль кланов эйджел, не позволяющих сообществам хумансов на планетах-питомниках развиваться по технологическому пути.

Уже нет такого клана светлых эйджел, которому не служили бы лично свободные наемники с Тардана, Фахри, Склавении или Франкии. Обладая особым складом ума, командиры этих наемных отрядов добиваются высокого положения в клановой иерархии, получая приказание непосредственно от матрон своих кланов. У себя на планетах технологическое развитие хумансам было запрещено, но выходящие в Галактику отряды наемников сами же наниматели-эйджел были вынуждены обучать всем необходимым для службы высокотехнологическим премудростям. Надо ли говорить, что такие отряды состояли только из самцов и что контракт предусматривал только пожизненный наем – то есть возвращение наемников на свои планеты не предусматривалось.

Но этого было мало – ситуацию на планетах-питомниках хумансов требовалось контролировать изнутри, подталкивая вождей кочевых сообществ к нападению на оседлые народы. В кочевниках – которые, подобно эйджел, тоже дробились на мелкие кланы – и светлые, и темные эйджел видели классово близкую разновидность хумансов. С одним из

таких кочевых кланов на Склавении и работали Настаз вместе с другими Мастерами из клана «Шепот тьмы», одновременно изучая и подготавливая нашествие орды диких кочевников на мирные земледельческие народы, которые с точки зрения эйджел достигли слишком высокого уровня развития. Для подготовки нашествия требовалось взять очень много отдельных кочевых кланов и сбить их в огненный ком орды под предводительством дикого и необузданного вождя. Потом Мастерам эйджел, которые готовили это нашествие, оставалось только наблюдать, как этот пылающий ком катится по землям набравших чрезмерную мощь оседлых народов до самого последнего моря, и радоваться, что развитие этих народов оказалось отброшенным назад на несколько сотен циклов назад. И все из-за того, что на своем Совете так решили контролирующие этот мир кланы светлых эйджел.

Миссия, в которой принимала участие Настаз, была в самом начале сорвана набегом «Багряных листьев», предпринятым исключительно ради того, чтобы захватить в плен светлых эйджел, которые потом будут превращены в сосуды по выращиванию Кораблей... Как понимала Настаз, сразу после своего разбоя темный клан кинулся в бегство, сумел оторваться от погони и даже нахватал где-то еще несколько тысяч голов полона диких хумансов. Но сразу же после этого «Багряные листья» нарвались на еще одну довольно странную группу хумансов, владеющую всеми галактическими технологиями и имеющую корабль превосходящей мощности, который темный клан не смог победить, потерпел поражение, отчего и прекратил свое бесцельное существование. Аминь.

Примечание авторов: В отличие от матроны темных Зейнал, Настаз никогда не была в рубке и даже близко не представляла, что именно село на хвост «Багряным листьям», а то бы она так не рассуждала.

На этом для Настаз, история «Багряных листьев» закончилась и началась история группы цивилизованных хумансов, владеющих кораблем неизвестной, но предположительно очень большой мощности. Концепция существования цивилизованных хумансов, ни в чем не уступающих эйджел по уровню развития, сама по себе приводила Настаз в оторопь, но в еще большую оторопь ее приводили предполагаемые размеры корабля хумансов, его возможная боевая мощь, а также численность этой группы, фактически бросившей вызов всем эйджел сразу. Внешне местные хумансы были немного похожи на оседлых обитателей Склавении, но это еще ни о чем не говорило, по крайней мере, их язык только приблизительно походил на один из склавенских диалектов. В любом случае этот феномен нуждался

в изучении, и Настаз предстояло эти заняться хотя бы потому, что она уже находилась здесь, на месте, и была готова к работе.

А что касается серого эмбриона (гибрид между светлыми и темными), который развивается сейчас в ее чреве, то либо хумансы сделают ей аборт, либо она все же родит, но Кораблем эта малышка не станет уже никогда. Если аборт, то пусть хумансы делают его поскорее, пока еще не включился неодолимый для эйджел материнский инстинкт, заставляющий эйджел любить своих детей больше самой жизни, потому что они является частью их клана. Именно это чувство, родственный инстинкт неодолимой силы, как правило, и является тем цементом, который скрепляет кланы эйджел в несокрушимый монолит. Ну, так это эйджел, кланы которых невелики и плотно спаяны, но хумансы не имеют ничего подобного, и их крупноформатные социальные структуры формируются, как правило, уже не по семейному принципу.

Настаз, как ученому, отчаянно хотелось достоверно узнать, какое же именно чувство соединяет хумансов в такую структуру, которая именуется у них государством. А то, что те хумансы, в руках которых она сейчас находится, организационно представляют собой именно государство, Настаз была уверена на все сто процентов. Над этой тайной веками билось множество ученых эйджел, и будет просто замечательно, если раскрыть эту загадку удастся раскрыть именно ей. В этот момент Настаз, засыпающей на мягкой лежанке, даже не пришло в голову то, что пока она раскрывает тайну того чувства, которое заставляет большинство хумансов быть лояльными к своему государству, в трубу может вылететь сама основанная Древними цивилизация Кланов эйджел.

четверть часа спустя, там же

Владимир Владимирович Шевцов, полноправный, но еще не коронованный Е.И.В.

К интересной для нас представительнице вида «светлые эйджел» мы пошли вдвоем с Кандидом. То есть пошел я, а Кандид – он и так сам по себе, одновременно и везде, и нигде. Вообще-то таких светлых эйджел у нас на борту шесть штук, но Кандид сказал, что эта из них всех самая лояльная. Возраст средний – по-нашему, чуть за тридцать, зовут Настаз, профессия – социопсихолог, специализация – взаимоотношение сообществ людей между собой и с кланами эйджел.

Не знаю, зачем я пошел к ней, наверное, из простого человеческого любопытства и желания глянуть на самую настоящую инопланетянку, при этом осознавая, что ничего такого особенно инопланетного, кроме постороннего вмешательства в генетику, в происхождении этого подвида

хомо сапиенс нет. Родня, блин, да еще и настолько близкая, что вполне способна давать плодовые гибриды при скрещивании с человеком обыкновенным. Сама эта цивилизация, по словам Кандида, находится на грани вымирания из-за того, что самцов рождается на пару порядков меньше, чем самок, а при гибридизации с нами, людьми, все особые положительные «эйджеловские» качества образа мышления у потомства пропадают, остаются только отрицательные.

А подобных «инопланетян» с такими отрицательными качествами у нас полно – в Африке, где люди чуть что бросаются друг друга резать, а все государства организованы колонизаторами, там таких деятелей с родоплеменным сознанием фактически двое из трех. Есть такие люди (немного, но есть) и в Европе, и даже у нас, в России, а также в соседних недостранах, страдающих от комплекса предателя. А как еще понимать вопли «Хватит кормить Кавказ!» или «Украина по над усе!» или поведение маленьких, но гордых прибалтийских народов, которое не лучше, чем у некоторых африканских племен. Но по счастью, это уже не наши проблемы; мы взяли на Земле все, что нам требовалось, и устремились в будущее, отрезав себе дорогу назад. Ну да ладно – мы, то есть я, уже почти пришли, то есть пришел.

Дверь в карантинный бокс открывается – и я вижу лежащую на койке и посапывающую носом льняную блондинку, ну, я бы сказал, гулливеровского роста. При этом надо понимать, что гулливеровский у этой дамы только рост – чуть больше двух метров, а все остальное сухое и до предела астеничное, из-за чего мне кажется, что эту конкретную светлую эйджел долго и весьма старательно морили голодом. Со своей колокольни морского пехотинца пытаюсь понять, какие такие преимущества при жизни, так сказать, в дикой природе, могло дать именно такое телосложение.

Получается, что таковых преимуществ всего-то три. Первое – широкий шаг за счет длинных ног снижает энергозатраты при движении по равнине. Второе – из-за максимальной площади поверхности тела при минимальной массе тела облегчается рассеивание тепла в пространстве, что важно при чрезвычайно жарком климате. И третье – высокий рост увеличивает радиус наблюдаемой территории. На этом преимущества кончаются и начинаются недостатки вроде слабости мышечной конструкции и хрупкости удлинённых костей, которые при условии сохранения веса должны быть еще и более тонкими.

Кстати, в отчете нашего главного врача Ираиды Леонардовны, которая лично обследовала светлых и темных эйджел, обо всем этом сказано. По ее

мнению, у нас на Земле в дикой природе подвид с таким телосложением существовать бы не смог и вымер бы от слишком частых переломов костей и проблем с добычей пропитания. Еще там было написано, что в ходе эволюции рода Хомо природа несколько раз шла подобным путем, когда для выживания требовались уже перечисленные мной преимущества, но так далеко никогда не заходила. В заключение Ираида Леонардовна сделала предположение, что предположительно это экстремально астеническое телосложение является адаптацией к существованию в условиях низкой гравитации. В таком случае это нормальное и оправданное телосложение.

Кстати, по данным, полученным от Лиут, темные предпочитают как раз пониженную гравитацию или полную невесомость, а вот светлые способны длительное время, не испытывая неудобств, проживать на планетах с нормальной силой тяжести. Или все-таки они испытывают эти самые неудобства, но тщательно это скрывают? Это тоже надо будет выяснить. Незначащих мелочей в таких делах не бывает и лишних, ненужных знаний тоже. Кстати, будем иметь в виду то, что бить эти создания не рекомендуется – можно поломать окончательно и бесповоротно. Кстати, это касается и темных тоже, причем, в первую очередь. Ведь это именно они, как правило, своей наглостью напрашиваются на трепку и могут стать предметом членовредительства.

Но вот, кажется, веки светлой эйджел дрожат – а значит, она уже почувствовала мое присутствие и просыпается. Ну что же – здравствуй, Настаз, приятно с тобой познакомиться. А теперь расскажи, мне как нам с вами сосуществовать, чтобы не пришлось поступать как неоримляне, в прошлый раз уничтожившие вас почти под корень, в том числе и путем тотальной ассимиляции. И ведь сами вы, эйджел, тоже хороши – наворотили такого, что не знаешь как и разгребать, и воевать с вами, по крайней мере в первое время, нам придется ни на жизнь, а на смерть.

Тогда же и там же.

Настаз – светлая эйджел, клан «Шепот тьмы»

Пробуждение было внезапным, как вылитая на голову холодная вода. Вот только Настаз смежила веки в сладкой дреме, и в этот момент перед ее взором никого не было; а вот она открывает глаза в страшной тревоге, а перед ее взором уже стоят двое хумансов в военных мундирах. Причем один из них имеет такой решительный и угрожающий вид, что Настаз как маленькой девочке хочется свернуться в форму эмбриона и спрятаться под лежанку. А второй... Настаз присмотрелась повнимательнее и обнаружила, что второй является просто голограммой – правда, воспроизведенной на очень дорогом и качественном оборудовании.

Голограмма подняла правую руку в стандартном для хумансов знаке приветствия и произнесла на торговом языке:

– Желаю тебе благополучия, ученая Настаз. Есть ли у тебя какие-нибудь жалобы и пожелания?

– Какое благополучие, жалобы и пожелание могут быть у невольницы... – на том же торговом языке с горечью ответила Настаз, опустившая ноги на палубу и севшая на лежанке и в то же время исподволь разглядывающая настоящего хуманса.

Какой-то он был не такой, но в тоже время в нем было очень много до боли знакомого. На протяжении своей достаточно длинной карьеры Настаз много раз встречала в разных мирах таких вот коротко стриженных, собранных, целеустремленных и волевых самцов, из которых получались великолепные Потрясатели Вселенной. Приведи такого к власти в небольшом клане, все остальное он сделает сам – и уничтожит соперников, и соберет орду, и пойдет с этой ордой в разрушительный поход до самого последнего моря.

И тут Настаз кое-что поняла. «Орда, – подумала она, растерянно моргая, – вторжение, и нашествие... Кто-то решил поработать по нашим политехнологическим лекалам и послать варваров-хумансов в разрушительный поход на цивилизованный народ. На наш народ эйджел. Кто-то, кто превосходит нас так же, как мы превосходим якобы «цивилизованных» хумансов, собрал, вооружил и оснастил эту орду, дал ей вождя, после чего послал ее против нас. Мы смеялись на дикими хумансами с их концепциями одного единого и непостижимого Бога, или множества разных антропоморфных божков. Но теперь, перед лицом неодолимой силы, мы должны признать, что наш смех выглядел несколько преждевременным и несколько дурацким...»

Тем временем суровый хуманс посмотрел на изображение так, как будто рядом с ним был живой человек, и вполголоса сказал несколько слов.

«Варвар, точно варвар! – подумала Настаз. – Ни одна цивилизованная эйджел не обратила бы на голограмму никакого внимания. Мало ли кто там вещает из-за проектора. А у этого типа все мимические реакции говорят, что он полностью отождествляет голограмму с живым человеком, к которому относится со смешанными чувствами почтения и внутреннего превосходства.»

Тем временем голограмма снова подняла руку в знак внимания и произнесла:

– Твое благополучие, ученая Настаз, за последнее время значительно улучшилось. Император Шевцов говорит, что если ты будешь достаточно

благоразумна, то сможешь выйти из этой запертой комнаты и стать одной из нас, равной среди равных. Но если ты хочешь, то можешь просидеть в этих четырех стенах весь остаток своей жизни, сколь бы длинной она ни была.»

Настаз почувствовала, как к голове ее прилила волна горячей крови, в глазах потемнело, а на губах появился солоноватый привкус ярости. Ей, высокородной светлой эйджел, предложили признать свое равенство с грязными дикими хумансами, по времени эйджел, только вчера слезших с дерева – а уже претендующих на главенство во Вселенной. Она даже не заметила, как, издавая горловое рычание, вскочила с лежанки и подобно кошке нацелилась в лицо хумансу остриями своих ногтей, больше напоминающих чуть притупленные когти. Еще мгновение – и случилось бы непоправимое, потому что ни Кандид, ни кто иной не сомневался в возможностях Шевцова не вспотев оторвать Настаз ее высокоученую голову и поиграть ею в футбол.

Но до таких крайностей не дошло. Всплеск ярости у Настаз прошел так же быстро, как и начался, и она с ужасов осознала, что чуть было не бросилась с одними когтями на профессионального хуманса-воина, очевидно, прошедшего полный курс боевой подготовки и обученного в том числе убийству эйджел, принадлежащих к враждебным кланам. Недаром же он ничуть не испугался ее демонстрации и смотрит на нее снизу вверх насмешливым взглядом серых глаз.

«Пустота меня поberi! – подумала Настаз. – Я, конечно, выше его на три головы, но такое ощущение, что это именно он смотрит на меня сверху вниз! Причем смотрит как взрослый на неразумного детеныша, хотя должно быть наоборот. Неужто он не понимает, что сделал мне до предела оскорбительное предложение? Да, мы знаем, что мы и хумансы являемся близкой родней, настолько близкой, что у нас даже могут рождаться вполне жизнеспособные детеныши. Но это знание ранит нас сильнее отравленных одежд, потому что хумансы, оставшиеся на планете-праматери, все свое невеликое достояние добыли у природы сами, а мы получили дар, но так и не сумели его развить сверх того, что нам было дано. Из-за этого мы стоим на месте, а они идут, и вот-вот не только догонят, но и перегонят наш народ. На планету-праматерь еще Древними было наложено большое табу, но среди светлых эйджел уже идут разговоры, что, мол, было бы неплохо применить к живущим на ней хумансам технологии управляемого хаоса, уже хорошо отработанные на планетах-питомниках... А может, это уже не только разговоры и именно из-за этих воистину безумных идей на просторах Галактики и появился это корабль, битком набитый так

называемыми «цивилизованными» хумансами, решившими разрушить древнюю цивилизацию эйджел.

Настаз опустила голову и вздохнула, из-за чего мизансцена в карантинном блоке стала внешне напоминать некую карикатуру на картину художника Решетникова «Опять двойка». Концепция «цивилизованности» хумансов – она ведь и пугала Настаз, но одновременно и манила. Много раз она задумывалась, до чего смогут прийти так называемые цивилизации хумансов, если перестать мешать их развитию, и каждый раз с ужасом осознавала, что полноценный выход хумансов в Галактику будет означать гибель всей цивилизации эйджел. С другой стороны, а какое ей дело до цивилизации, обычаи и технологии которой лично ее приговорили к мучительной и гарантированной смерти. И даже ее клан не стал бороться за ее жизнь и свободу, хотя она в нем была далеко не на последних ролях. Пусть гибнет вся цивилизация эйджел, но лично она, Настаз, будет жить и радоваться жизни среди так называемых цивилизованных хумансов. И, кстати, почему «так называемых» – ведь к ней, Настаз, они отнеслись вполне цивилизованно и, может, зря она оскорбилась тому предложению о сотрудничестве. Остается только вопрос с зачатой в ней темными эйджел дочерью. Ее надо либо срочно удалять, либо начинать воспитывать* в правильном ключе, а то потом будет поздно.

Примечание авторов: * мать у эйджел имеет возможность, изменяя эмоциональный фон, влиять на развитии у своей дочери тех или иных качеств характера. На последних неделях беременности это влияние начинает приобретать характер мысленных бесед матери и ее нерожденного ребенка. При близких контактах матери и дочери эта способность сохраняется и некоторое время после рождения, постепенно ослабевая после окончания периода грудного вскармливания.

Подняв глаза на начальствующего хуманса, именуемого «императором Шевцовым», и голограмму, Настаз тихо произнесла:

– Поскольку мой клан уже причислил меня к лику мертвых, а вы предлагаете мне почти равноценную замену, то я склонна согласиться, но должна предупредить, что в настоящий момент беременна ребенком темных. Если вы не планируете размножать в Галактике это абсолютное зло, то эмбрион желательно удалить как можно скорее, лучше всего прямо сейчас, пока я не почувствовала себя по отношению к нему матерью и он не стал мне дороже моей собственной жизни.

– Мы заранее знали о твоей беременности, – перевела голограмма ответ Шевцова, – и считаем, что ребенок ни в чем не виноват. Живи с ним, воспитывай его, рожай его и если ты все сделаешь правильно, то твоя дочь

будет таким же полноправным членом нашего общества, как и ты сама. Это мы тебе обещаем.

Немного помолчав, голограмма продолжила:

– Меня зовут Кандид, и я тут работаю искином, то есть искусственным интеллектом и непосредственно управляю кораблем. Поскольку ты, ученая Настаз, в любом случае пробудешь еще какое-то время в карантине – лучше всего, если ты используешь его для узнавания и изучения нашего общества. Я лично буду приходить сюда и давать тебе уроки русского языка. Кроме того, тебе будет предоставлена возможность наблюдения со стороны за нашей общественной жизнью, а также возможность общения с другими твоими коллегами, светлыми эйджел, которые находятся у нас на борту. Это нужно для того, чтобы вы все смогли бы адаптироваться среди нас, людей, самым наилучшим способом, и как только вы будете к этому готовы, вы тут же выйдете отсюда, чтобы включиться в общую работу. Император лично встретится с вами и объяснит, чем светлые эйджел, являющиеся мастерами социоинженерии, могут быть полезны человеческому сообществу.

Настаз набрала в грудь большое количество воздуха и наконец решилась задать главный вопрос, который мучил ее с того момента, как она оказалась на борту этого странного корабля хумансов. Кроме того, когда император устами искина Кандида разрешил ее не рожденной дочери жить и развиваться, ее охватил приступ внешне беспричинной эйфории, что означало, что эмбрион уже укоренился и вступил с матерью в неразрывную эмоциональную связь. Настаз будто обняли изнутри бесплотные тоненькие ручонки, и она ощутила, что ради этого существа сделает все, чего бы ни потребовали от нее эти цивилизованные хумансы и странное создание по имени искин Кандид.

– Вы, наверное, хотите знать, – запинаясь спросила она, – каким образом можно наиболее надежно уничтожать таких, как мы, потому что вам нужно освободить место в Галактике для своего собственного потомства? Нет, можете не беспокоиться. Я дала слово и буду его выполнять, потому что хочу жить и хочу, чтобы жила моя дочь, но, несмотря на это, мне будет особенно горько стать могильщицей моей собственной расы.

– Нет, – отрицательно покачал головой император Шевцов, – мы не собираемся уничтожать твою расу, а хотим всего лишь найти способ ее сосуществования с нашей империей. Потому что если такой способ не будет найден, мы действительно будем вынуждены всех вас уничтожить, невзирая на все наши цивилизованность, доброту и гуманизм. И случится это не ради жизненного пространства, а потому что невысказано все время

жить на вулкане.

Сказав это, император развернулся и вышел, и вместе с ним исчезла голограмма искина Кандида. Немного постояв, Настаз опустилась на лежанку. Требовалось подумать, и подумать очень тщательно.

день 61-й, корабельное время 11:55, внутренняя тюрьма «Несокрушимого», Блок «Б», камера № 1152.

1-й лейтенант Карен Уилсон.

Кошмар, начавшийся в тот момент, когда транспортный «Чинук» с внезапно остановившимися двигателями стал падать в джунгли, продолжался. Карен тогда удалось в режиме авторотации более мягко посадить вертолет на дно заросшей лесом горной долины, при этом не напоровшись на крупное дерево. Вертолет, конечно, был разбит в хлам, но все оказались живы. Потом, сразу после падения, место катастрофы окружили вооруженные до зубов самки гориллообразных существ; и майор Харрис, как старший по званию, приказал сдаться, чтобы сберечь жизнь американских граждан. Мол, госдепартамент, Пентагон и лично президент Обама все равно их вытащат из любой жопы. Америка слишком могущественная страна, для того чтобы ее граждане долго оставались в плену. После захвата им надели на головы мешки и долго куда-то везли, похоже даже по воздуху, хотя шума моторов почти не было слышно, только тонкий свист, как от высокооборотной турбины.

В конце концов всех захваченных на упавшем «Чинук» американцев, предварительно обыскав и изъяв все предметы, кроме одежды, поместили в каком-то в наглухо запертом помещении со стенами из металла и пластика и неярким красноватым источником света под потолком. Свет в этом помещении не гас ни на минуту и не менял своей яркости, отделяя условную ночь от условного дня, что привело к тому, что все они потеряли чувство времени. Кроме того, спать американцам приходилось прямо на пластиковом полу по соседству с дырками для испражнений, а корм (иначе эту зеленовато-желтую массу блевотного вида со вкусом ваты не назовешь), подавали в бадьях через окошко в стене, и есть его требовалось руками. Но самым плохим было даже не это, а то, что пленителей совершенно не интересовало, что творят их пленники в отношениях между собой, лишь бы никого не убили и не покалечили. В результате такого безразличия в толпе людей, где человек человеку волк, воцарилась власть черных братков из банды Сумасшедшего* Билла, называвшего себя мстителем за черную расу, но при этом афрроамериканок он и его шакалы насиловали так же исправно, как и белых женщин.

Примечание авторов: * По смыслу больше подходит другое русское

слово с дословной расшифровкой – «человек, который сошел с ума после удара по голове пустым пыльным мешком из-за угла», но оно, к сожалению, считается нецензурным.

В принципе наше американское... э-э-э-э, сообщество состояло из трех четко очерченных групп. Во-первых, это был экипаж вертолета, в котором я была первым пилотом, совсем зеленый второй лейтенант Оуэн Ньюмен – вторым пилотом, моя ровесница афроамериканка сержант Лорен Хоукинс – борттехником. Еще двое были из наземной команды, которую планировалось оставить на секретной базе – афроамериканец сержант Пол Райан и мулатка с кожей цвета сильно разбавленного молоком кофе, рядовая Мэри Саммерс. Если бы не Пол, чемпион базы по боксу в тяжелом весе и просто очень хороший человек, то мы, как и другие, стали бы жертвами банды Безумного Билла. А так Пол всего один раз взял Билла за грудки и сказал, что заставит своего неуважаемого «брата» съесть свои ботинки, если поползновения в сторону нашей команды не прекратятся. Нет, был бы Пол один, шакалы наверняка попробовали навалиться на него толпой, но мы прикрывали его спину – и этого было достаточно, чтобы он начал действовать, а такой вариант «братков» не устраивал. Они же реально бандиты, а не борцы за абстрактно понятую справедливость.

Второй группой в нашей компании была плотно сколоченная команда зеленых беретов майора Харриса, они представлялись всем армейским спецподразделением по борьбе с террористами и наркоторговцами, но я слышала, что на самом деле все эти парни работают на ЦРУ. В пользу этой версии говорило и то, что люди майора ограничились только самообороной, даже не попытавшись навести порядок и восстановить воинскую дисциплину. Майор Харрис был уверен, что его и его банду «вытащат», а на остальных ему было просто наплевать. В конце концов, именно из-за этих ЦРУшников мы чуть было все не погибли, но об этом я расскажу немного позже.

Третью группу, самую многочисленную, составлял персонал будущей базы в джунглях, с которой должна была действовать команда майора Харриса. Именно эта группа почти сразу после катастрофы распалась на банду «братков» Придурковатого Билла и их жертв. Жалко ли мне этих жертв? Совсем немного. Посудите сами – если они не смогли организовать и дать отпор этому шакалью, то они сами виноваты в своих проблемах. На стороне «братков» была не столько сила, сколько наглость, ведь в их распоряжении не было даже банальных ножей; а в такой ситуации совсем не надо быть чемпионом базы по боксу, чтобы обиться от нападения. Просто Полу удалось разрулить все без единого удара, а другим

людям пришлось бы слегка попотеть.

Одним словом, все продолжалось так, как оно продолжалось, пока не пришли русские и снова не перевернули все вверх дном. Но в тот момент, когда они объявились, мы ничего не поняли, ведь нам ничего не объяснили. Сначала пол под ногами слегка закачался, потом по стенам и полу прошел не очень сильный, но отвратительный скрежет и лязг, будто провели железом по стеклу. А потом, впервые за все время, пока мы находились в том странном помещении, открылась дверь и в сопровождении почти голых самок гориллообразных существ появились полностью экипированные и до зубов вооруженные русские солдаты. При этом гориллообразные самки вели себя по отношению к ним заискивающе, как к дорогим гостям своих хозяев или же к новым владельцам, осматривающим новоприобретенную собственность.

То есть мы поначалу не поняли, что это именно русские солдаты, потому что они были облачены в сверхсовременную экипировку. Мы же все знаем, что русский солдат обязательно одет в грязную мятую форму, засаленную шапку-ушанку, вооружен старым автоматом ПППШ или в крайнем случае «калашниковым». Да-да, сами видели в фильмах про Рэмбо. Но на рукавах защитной экипировки у солдат были красные шевроны с золотым двуглавым орлом* и надписью латинским шрифтом вроде как по-испански «Russian Galactic Imperii». Уж слово «Russian» я пойму на любом языке. В придачу ко всему прочему, майор Харрис сказал, что между собой эти солдаты переговариваются именно на армейском диалекте** русского языка. Он даже решил, что это русские являлись заказчиками нашего похищения и теперь явились к террористам за оплаченным ими товаром. Эта его торопливость в выводах впоследствии стоила нам многих неприятностей, а майору и его людям так и вообще жизни.

Примечание авторов:

** вообще-то золотой двуглавый орел на алом фоне – это флаг византийской империи, российский шеврон бело-сине-красный с надписью «RUSSIA», но малограмотные американцы, не отличающие Австрию от Австралии, этого не знают*

*** то есть солдаты говорили на так называемом русском матерном языке, он же русский командно-административный.*

Посмотрев на нас недолгое время, русские приказали местным закрыть дверь, но довольно быстро вернулись и жестами приказали нам заложить руки за спину и выходить из так надоевшего нам узилища. Любые попытки разговоров или сопротивления пресекались конвоирами

очень жестко. «Братки» попробовали было повозмущаться и покачать права, но тут же, ко всеобщему удовлетворению, были жестоко избиты, в том числе и ногами, а самому Биллу, который и был зачинщиком драки, за неповиновение просто и равнодушно свернули шею и за ноги утащили в какое-то другое место. После этого желающих спорить с вооруженными людьми, всяческим образом проявляющими свое недружелюбие, больше не нашлось. А потом... потом по длинному, чуть изгибающемуся, коридору мы перешли совсем в другое место... Должна сказать, что после небольшой камеры с двумя парами явно герметичных массивных сейфовых дверей изменилось все, начиная от запахов в воздухе и дизайна помещений, кончая силой тяжести.

В этом новом месте было некое подобие ангара, сплошь заставленного странными самолетами со сложенными крыльями. Там мы увидели огромное изображение все того же двуглавого орла на красном фоне и надписи латинским и кириллическим шрифтом, означающие: «Вооруженные силы Русской Галактической Империи». Майор Харрис как увидел эти надписи, аж перекинулся. По его словам, все было специально сделано для того, чтобы мы поверили в какую-то там галактическую империю, а на самом деле нас на корабле или подводной лодке привезли на одну из секретных русских военных баз и теперь будут ставить над нами ужасно негуманные эксперименты. Взялись же откуда-то эти проклятые людьми и Богом гориллоиды.

Не знаю, до чего бы еще дошла бы мысль майора, но тут нас разделили. Мы пришли в санитарный блок – и «мальчики» пошли направо, а «девочки» налево. При входе командующие в душевой русские девицы, сами голенькие как пупсики, сказали нам раздеться догола и сложить свою одежду в специальные ящики. И хоть эти девицы не обладали сколь-нибудь значимой мускулатурой, возмущаться столь наглым попранием наших человеческих прав никто не стал. Во-первых – все помнили, что тут бывает за неповиновение, а во-вторых – горячий душ с одноразовыми мочалками и большими порциями жидкого мыла, щедро льющегося из дозаторов, сам по себе был достаточной компенсацией за небольшой стриптиз в чисто женском обществе.

И это к лучшему, потому что на выходе из санитарного блока вместе с комплектами одноразового нижнего белья мы получили свою одежду обратно – вычищенной, постиранной, высушенной и поглаженной в насколько это было возможно хорошем состоянии после месяца условий приравненных к проживанию в скотском хлеву. После душевой был медосмотр. Какой-то странный медосмотр, состоящий из

последовательного прохождения через несколько типов аппаратов, при этом сами доктора к нам почти не прикасались. Когда мы вышли из этого санитарного блока, уже одетые и чистые, то узнали, что после осмотра всех «братков» отделили от основной массы и увели. Больше мы их не видели и не жалеем об этом.

Но все равно то, что случилось после этого, доказывает только то, что эти русские просто сумасшедшие. Майор Харрис всего лишь хотел поговорить с ними с позиции силы, взяв в заложники какую-то девчонку, а они при первом же намеке на недружественные действия, взяли и застрелили его быстрее, чем он успел договорить. Причем застрелили его из чего-то чертовски похожего на боевой лазер, от вспышки я чуть не ослепла. Потом эти русские еще и избили всех нас ногами, хотя насилие проявил только майор Харрис и даже его люди стояли при этом, опустив руки. Но это им не помогло, их после избиения сразу отправили вслед за Биллом с его «братками», а нашу команду, как самых невиноватых, бросили сюда, в тюрьму.

На пять человек у нас тут две трехъярусные койки, то есть шесть лежащих мест, причем тот, кто находится на самом верхнем уровне, садясь, должен пригнать голову, чтобы не удариться ею о потолок. Еще у нас есть небольшой столик между койками, на который раздаточная система три раза в сутки выкидывает запечатанные одноразовые пайки. Именно в сутки, потому что тут есть время для бодрствования, когда горит полный свет, и время для сна, когда камера освещена только чуть тлеющей синей лампой. В углу рядом с входной дверью имеется достаточно вместительный одноместный клозет, дверь в который закрывается даже тогда, когда туда забирается громада Пол. И хоть расстояние между койками составляет чуть больше трех футов и в камере для пятерых человек очень тесно, но все говорит за то, что нас здесь считают людьми, а не животными, как в предыдущем варианте нашего бытия.

Но нам от этого не легче, потому что русские настолько безумны, что решили установить в своем обществе абсолютную монархию, и настолько непредсказуемы, что могут решить расправиться с нами в любой момент, как уже разделались с «братками» Придурочного Билла и с людьми майора Харриса. Кстати, я наблюдала все случившееся с майором Харрисом от начала и до конца. Сначала их молодой император казался мне вполне вменяемым человеком, с которым можно попробовать договориться «по-хорошему», но когда майор схватил тут девку за шею, вежливый молодой человек куда-то исчез и на его месте появился сжавшийся для прыжка хищный зверь. Я даже не заметила момента, когда в его руке появилось

изготовленное к бою оружие, помню только совершенно холодные глаза целящегося убийцы и выстрел, быть может, два, но этого я точно утверждать не могу, так как после первого выстрела на короткое время ослепла. Когда зрение ко мне вернулось, наш дорогой майор Харрис был уже без своей глупой головы, болтающаяся на лоскуте кожи нижняя челюсть была не в счет.

Мой второй пилот Оуэн Ньюмен и борттехник Лорен Хоукинс, которые в этот момент смотрели не на главного русского, а в другую сторону, сказали, что едва та девка испуганно вскрикнула в руках майора Харриса, как те два солдата, которые стояли в противоположных концах комнаты, выхватили свое оружие и открыли стрельбу. И еще раз повторяю – черт возьми, это не могут быть обычные русские, это какие-то чудовища - мутанты, а иначе откуда у них такая сверхсовременная техника и оружие, высочайшая дисциплина и подготовка, а также непробиваемое осознание своей собственной правоты? Наши политики столько сделали, чтобы остаток своей истории вымирающие русские потратили на покаяние за свои прошлые прегрешения, но эти ведут себя так, как будто даже гордятся тем, что они русские, а не, положим, культурные немцы или французы.

А вот Полу Райану понравились и русские, и их главарь-император, несмотря на некоторые особенности их горячего гостеприимства. Насколько я понимаю, это оттого, что эти русские не сделали никакой разницы между «афробратками» Придурочного Билла и чистокровными WASP* из группы майора Харриса. Мне кажется, что, попадись им президент Обама или Хиллари Клинтон, участь тех тоже ничем не отличалась бы от участи майора Харриса и прочих, которых русский главарь-император счел лишними для существования на этом свете.

Примечание авторов: * WASP – белые американцы протестантского вероисповедания, среди американских граждан до недавнего времени считались самым высшим сортом.

– Так этим педикам и надо, особенно майору Харрису, – сказал он, скрестив на груди свои могучие черные руки, – этот надутый индюк думал, что он тут самый крутой, но попал на тех, кто еще круче. Если бы я знал, что мы уже никогда не вернемся в Америку, я бы сам свернул его цыплячью шею. Ведь это именно из-за него мы попали в этот дурацкий плен и очутились здесь.

– Вот поставят нас вместе с тобой к стенке, будешь тогда знать, – проворчала болтающая ногами сидя на второй полке Мэри Саммерс, – и, кстати, если бы майор не отдал тот дурацкий, по твоему мнению, приказ, мы уже давно были мертвыми. Эти здоровенные вооруженные гориллы

выглядели достаточно решительно и уверенно, чтобы перебить нас всех.

– Кхм, джентльмены и некоторые леди, – подал голос второй лейтенант Оуэн Ньюмен, – позволите ли вы мне заметить, что эти существа ни в коем случае не являются гориллами, а больше похожи на несколько облагороженных неандертальцев, то есть неандерталок? И некоторые из них были даже достаточно привлекательными, чтобы, если бы не обстоятельства встречи, подойти и спросить: «девушка, а что вы делаете сегодня вечером?»

– Ну ты, ловелас недоделанный, – фыркнула Лорен Хоукинс, – эти дамочки совсем не в твоей весовой категории. Вот Пол запросто мог бы подойти к ним и спросить: «Миз*, позвольте вам впендюрить?» и, может быть, даже не получил бы отказа, потому что Пол у нас парень хоть куда, вполне может сойти у них за своего.

Примечание авторов: * *Миз – толерантное обращение к лицу женского пола без указания ее семейного статуса.*

Я наблюдала за этой перепалкой как бы со стороны, понимая, что все может кончиться в любой момент. Самое главное, что от нас самих уже абсолютно ничего не зависело и оставалось только ждать, когда у русского главаря найдется время решить нашу судьбу. И это могло случиться в любой момент, причем с самыми непредсказуемыми последствиями. Мои люди именно потому вели между собой все эти незначащие разговоры, что понимали, что наше состояние в этой камере временное и что нас либо приспособят к какому-нибудь делу, либо отправят вслед за «братками» и людьми майора Харриса. И именно в тот момент, когда Мэри хотела добавить очередную колкость, дверь в нашу камеру неожиданно открылась и появившиеся на пороге солдаты на ломаном английском языке приказали нам всем выходить с вещами по одному, заложив руки за спину.

И мы пошли, чтобы через небольшое время снова оказаться в той самой комнате, где и случилась та история с майором Харрисом, или в очень похожей на нее. В двух противоположных концах комнаты опять стояли вооруженные до зубов солдаты, только нас на этот раз было только пятеро, а не двадцать один человек как раньше. Едва мы встали посреди комнаты, с заложенными за спину руками, как снова открылась та же дверь и вошли трое. Главарь с той самой девицей, одетые в черное с серебром, и представительный мужчина с аккуратной седоватой бородкой в старинном русском адмиральском мундире. По тому, что последний персонаж не отбрасывал за собой тени, можно было предположить, что это что-то вроде голограммы. Было понятно, что эти трое прямо сейчас будут решать нашу судьбу, и от этого понимания становилось так жутко, что холодело внизу

живота. Да-да, от всей этой жути я чуть не обмочилась. У остальных, думаю, ощущения были не лучше. Один сержант Пол Райан ждал приговора спокойно, скрестив на груди руки.

Первой, как ни странно, на довольно неплохом английском языке заговорила голограмма.

– Итак, господа американцы, император Владимир Шевцов спрашивает, что ему с вами делать? Такой подарок, как вы, ему тут ни в каком виде не сдался. Едва очутившись на борту нашего корабля, один из вас тут же попробовал совершить нападение на члена нашей команды с целью политического шантажа. И хоть этот человек был за этот поступок уничтожен на месте, а все его сообщники казнены по приговору императора, лично вас, присутствующих здесь, убивать вроде не за что, но и держать невинных людей в тюрьме до бесконечности император Шевцов тоже не может.

– Ну, мистер голограмма, – набралась я наглости, – ваш император мог бы отпустить нас на свободу, принести извинения правительству Соединенных Штатов и сам сдаться для справедливого суда за убийство двух и более американских граждан...

– Ответ неверный, – равнодушно ответила голограмма. – Во-первых – меня зовут искин Кандид, и работаю я тут искусственным интеллектом, то есть являюсь электронным заместителем командира космического линкора планетарного подавления «Несокрушимый», на борту которого ты сейчас находишься, советником императора Шевцова – можно сказать, моего любимого ученика, и хранителем Директив и Установлений высшего уровня. Во-вторых – отпускать вас просто некуда, в настоящий момент наш межзвездный линкор разгоняется к точке подпространственного прыжка для того, чтобы покинуть вашу солнечную систему. Трепещи, неразумная – под нашим с императором контролем находится чудовищная мощь, способная уничтожить на вашей планете все живое и превратить ее поверхность в подобие гладкого бильярдного шара, прикрытого кипящим после яростной бомбардировки океаном.

Голос голограммы приобрел громоподобные оттенки, от которых у меня задрожали колени*. Казалось, этот голос отдается в каждой клеточке моего тела.

Примечание авторов: * это искин Кандид подключил аппаратуру для массового гипнотического внушения.

– В-третьих – для того чтобы выполнить ваши пожелания, нам потребовалось бы прекратить разгон и вернуться к вашей планете, что противоречит Основным Директивам, прямо запрещающим вмешиваться в

вашу историю. Потому что если я разрешу нарушить Основные Директивы и повернуть корабль обратно, я также сниму запрет и на вмешательство в вашу политику, после чего император Шевцов в порядке самообороны разрушит вашу Америку, не оставив от нее и камня на камне. Вы знаете, я был бы даже рад такому исходу, потому что, изучая ваше общество, нашел его противоречащим всем возможным морально-этическим установкам нашей Империи, и к тому же еще чрезвычайно агрессивным, а потому подлежащим немедленному уничтожению. И лишь означенные Основные Директивы, прямо запрещающие такие действия, удерживали меня от приведения в исполнение приговора вашей нации. И то, как вы повели себя, оказавшись у меня на борту, только добавило мне уверенности в правильности первоначальных решений. Карфаген должен был быть разрушен, справедливость должна восторжествовать.

Сначала я мимоходом подумала, что если этот Кандид действительно искусственный интеллект космического линкора высокоразвитой космической цивилизации, то понятно, почему он предстает перед нами в виде голограммы. Но эта мысль проскочила у меня лишь мельком, на самой поверхности сознания. А самой главной мыслью, занявшей все мое сознание, было то, что я вдруг полностью и бесповоротно поверила в описанную картину. Поверила в то, что мы находимся в глубоком космосе за орбитой Сатурна (где бы это ни было) и мчимся с чудовищной скоростью к границам Солнечной системы. Поверила в линкор планетарного подавления, способный в одиночку уничтожить все живое на Земле. Поверила в то, во что так не хотел верить майор Харрис, и что предполагала, но во что до последнего момента не могла поверить и я сама. От этого понимания меня охватил чудовищный ужас, от которого вдруг захотелось встать на колени и зарыдать, причем прямо здесь, перед этим русскими и презрительно смотрящим на меня Чужим.

Оказывается, Русским в их восстановлении на самом деле помогали Чужие! Чужие, которые брезгливо ненавидят Америку – так же, как мусульмане копошащихся в хлеву хрюкающих свиней. Вот почему с началом двадцать первого века Россия начала быстро подниматься из состояния того ничтожества, в которое они привели себя, разумеется, с нашей помощью. При этом Чужие выглядят не как чудовища из голливудских фильмов, а как обыкновенные люди – они могут ходить между нами, жить среди нас, изучать нас со всех сторон, а потом выносить свое мнение о том, кто достоин делить с ними Галактику, а кто нет. Именно помощь Чужих помогла их Путину победить всех своих врагов и стать непререкаемым авторитетом в своей стране. А может, он и сам изначально

был Чужим, надевшим маску обыкновенного русского, что было нетрудно, ведь русские и Чужие так похожи... И только какой-то древний запрет, дурацкое табу, которое Чужим так легко обойти, отделяет нашу американскую цивилизацию от всеобщего уничтожения.

– Но почему, мистер Кандид? – пораженно вскрикнула я, даже позабыв о том, где нахожусь. – Неужели мы такие плохие, что нас нельзя, ни простить, ни пожалеть? Хотя бы чисто по-христиански?

Русский главарь и его подруга что-то сказали на своем языке, после чего мистер Кандид произнес:

– Император Шевцов говорит, что вы, американцы, никогда никого не жалели ни ваших индейцев, у которых вы отобрали все, включая их жизни, ни ниггеров (нарочито неполиткорректно) на ваших полях, которые трудились от рассвета до заката, чтобы выстроить ваше благополучие. Не жалели вы и другие народы – например, японцев, на которых вы сбрасывали атомные бомбы или сербов, ливийцев и арабов, на земли которых ваши политики, уверенные в своем исключительном праве вершить судьбы мира, принесли рукотворный хаос. Почему в таком случае мы должны щадить вас? Но невеста императора, светлейшая графиня Виктория Полянская, сказала, что готова простить вас, но только если вы поклянетесь никогда – ни мыслью, ни словом, ни действием, ни бездействием – не причинять нашей Империи никакого вреда и станете ее преданными гражданами, приносящими пользу в меру своих сил.

– У империй не бывает граждан, мистер Кандид, – буркнул наш всезнайка Оуэн Ньюмен, – у империй бывают только подданные, то есть рабы. Передайте это невесте вашего императора...

– Это в том случае, мистер второй лейтенант, если вы собрались в пеоны, которые платят подати и больше ничем и никому не обязаны, – парировал искин Кандид, – если же вы хотите быть чем-то большим, то обязательно должны сдать экзамен на гражданство и вместе с гражданскими правами обрести также и гражданские обязанности. Такой экзамен может сдать любой пеон, если для этого у него есть определенные способности. Уже диплом о среднем образовании дает права гражданина третьего класса, приравненные к дворянскому состоянию, а диплом о высшем образовании дает гражданство второго класса и титул барона. Гражданство первого класса, сиречь графское достоинство, можно только заслужить подвигами на поле боя или верной и длительной службой на благо Империи. Но для вас, как для иностранцев, происходящих из недружественной страны, данные экзамены будут дополнены экзаменом по русскому языку и тестом на лояльность, который можно заменить

чипированием.

Я подумала, что звучало это все, конечно, красиво, но, видимо, во всем этом есть какой-то подвох. Нет, если нет другого выхода, я готова смириться с неизбежным и даже поступить на службу. В свое время я сбежала из дома, не желая становиться женой фермера; а быть женой пеона в этой Империи, наверное, еще хуже. Я даже готова учить русский язык, но что такое, черт возьми, тест на лояльность, и что такое чипирование, которым его предлагается заменить? Но не успела я ничего сказать, как время, данное нам для осознания положения вещей, кончилось. Видимо, русскому диктатору и его подруге наскучило играть с нами в словесные кошки-мышки.

Русский диктатор сказал несколько слов и мистер Кандид произнес:

– Те, кто хотят стать гражданами, и намерены готовиться к экзамену на третий класс – два шага вперед. Желающие стать пеонами могут оставаться на месте. За ними придут, чтобы отвести к новому месту жительства. Время на размышление ровно одна минута.

Колебалась я не больше десяти секунд и шагнула вперед одной из первых, а следом за мной шагнули и остальные. Дольше всех колебался Пол Райан, но Мэри Саммерс и Оуэн Ньюмен схватили его за руки и потянули за собой. Пусть эти русские и их ручной Чужой видят, что мы одна команда!

день 61-й, корабельное время 15:05, «Несокрушимый», императорские апартаменты.

Виктория Полянская, 17 лет, переводчик, секретарь-референт и администратор Е.И.В.

Сказать честно, сразу после того покушения, когда меня всю еще трясло от ужаса, я была дико зла на всех пиндосов вместе взятых, а не только на того козла, который на меня напал. Но Шевцов (потому он и Император) – принял абсолютно верное решение, кого казнить сразу, а кого до поры помиловать. Потом я снова увидела пятерых американов, первоначально помилованных Шевцовым по причине того, что они не имели никакого отношения к профессиональным убийцам из ЦРУ (тех-то кинули в приемную воронку конвертера, даже не удосужившись свернуть для проформы шею). Во время нашей второй встречи я смотрела на этих пятерых уже совершенно иными глазами. Примерно как на вещь, которую не пришло еще время выбрасывать, потому что она почти новая, но и носить такое ужасный моветон – изменилась мода, сменилось время года или окружающее общество.

Так и эти американские граждане, вся их мощь и гордость которых

остались в далекой Пиндосии, выглядели среди нас до предела жалко и нелепо. И пусть с того дня, когда мы должны были убится в авиакатастрофе, а вместо того вознеслись к звездам, прошло всего-то два месяца, но наше общество уже успело радикально измениться, эволюционировав от советско-российского* исходного образца в нечто иное, не напоминающее ни неоримскую, ни старую Российскую империю. Ну не хочет Шевцов презрительно-уничижительного отношения к пеонам как к быдлу. Пеон – это личинка гражданина, постоянно повторяет он, людей второго сорта среди нас нет, все кто на земле прошел отборочные тесты – это потенциальные граждане. Точка!

Примечание авторов: * психосканер, сортировавший кандидатов, был настроен так, что в потенциальные колонисты попадали в основном типичные «совки» – русские или по духу обрусевшие настолько, что их нельзя было отличить от русских.

Вот с отброшенными в пеоны пиндосами и с перешедшей к нам добычей темных эйджел совсем другое дело. Это поколение у них, как ни крути, гражданские права заработать не сможет, но уже их дети будут обладать всеми положенными начальными правами вне зависимости от происхождения. Так вот, эти пиндосы в силу своего неопределенного положения зависли как раз между двумя статусами. Конечно, мы им ничем не обязаны – даже наоборот, это их гадская нация задолжала нам столько, что не расплатится и за тысячу лет Чистилища. В силу этого неоплатного долга и того, что с самого начала учинил майор Харрис, можно было бы не глядя засунуть этих пятерых в пеоны и еще проследить, что им жизнь медом не показалось, но по-человечески мне их жалко, особенно американок. Они, бедняжки, наверное, ждут, когда им тут начнут делать неприличные предложения, лапать за разные части тела и тащить в темные углы, чтобы удовлетворить свою похоть. Одним, словом настоящий русский харрасмент.

А вот фиг им! Во-первых – Шевцов за такое причиндалы с корнем оторвет, и будет прав. Все личные контакты должны свершать только по доброму согласию сторон, и ухаживания с уговорами должны иметь определенный предел. Если дама говорит: «Отвянь, плешивый!», то плешивый должен отвянуть и не докучать даме, потому что иначе его будет ждать травматическая ампутация половых органов. Если кому-то внезапно захотелось разрядить напряжение, то для этого есть девочки в красных туниках – в основном эти маленькие смуглые индокитайки, которые все делают качественно и берут недорого. Во-вторых – ни одна из этих американок в силу своих внешних данных не способна возбудить наших

мужиков настолько, чтобы они стали размахивать перед ними этим своим харрасментом. Даже эта Карен Уилсон, несмотря на свою бледнолицесть и офицерский чин, по своим внешним данным тупо не дотягивает до нашей среднестатистической доярки Груни, а о мулаточках и говорить не стоит. Слишком уж они для нашего народа экзотические, хотя та, что посветлее, выглядит довольно ничего.

Одним словом, когда эта замарашка Карен с замашками деревенской бабы-трактористи начала что-то блять про то, что за уничтожение майора Харриса мы должны извиниться, покаяться и сдаться на милость американского правосудия, мы с Шевцовым чуть было не заржали в голос. Шевцов покается – от него дождешься! Впрочем, искин Кандид достаточно хорошо объяснил недоделанным буржуйам политику нашей Империи, ни убавить, ни прибавить. Почему недоделанным? А доделанные буржуи дома сидят и денежки тратят, а не шастают по джунглям черт знает где. Короче, смех и грех. Хотя, будь на месте Шевцова какой-нибудь закомплексованный мутак без чувства юмора, отправились бы и эти американцы тоже в конвертер. Просто за компанию со своими «приятелями» и по статье «Оскорбление Величеств».

Да ну их, этих американов – скучные они и, по счастью, проходят совсем не по моей епархии. С Лиут куда интересней. Она хоть и светлая эйджел и Корабль, но ни разу не снобка. Зайдешь к ней в рубку, из-за низкой гравитации едва касаясь пальцами ног палубы, и скажешь:

– Привет, тетушка Лиут! Как поживаешь? – и чувствуешь, как у нее до ушей в улыбке расползается несуществующий рот.

– Привет, моя дорогая Вика! – отвечает она мне. – Спасибо тебе и твоему императору за заботу, хорошо поживаю! Прямо как в сказке!

В основном я хожу к Лиут проследить за изменением интерьеров при переделке ее в императорскую яхту, ну и еще мы ведем с ней разговоры типа «между нами, девочками». Вообще-то в их культуре, почти полностью существующей без мужчин, все разговоры ведутся между девочками, а самцы большую часть своей жизни, погруженные в искусственный сон, вырабатывают драгоценную сперму для последующего экстракорпорального оплодотворения самок эйджел. Они, бедняжки (даже те, кто обладает нормальным телом), ничего не знают о мужской любви, и Лиут меня об этом много спрашивает, потому что у нас с Шевцовым ЭТО случается часто и с большим эмоциональным пылом. Эмоции светлые эйджел (в отличие от темных) чувствуют издалека и каждый раз тоже приходят в сексуальное возбуждение. Вообще-то на нашем корабле не мы одни с Шевцовым занимаемся этим делом, и не мы одни не просто трем

слизистыми оболочками, чтобы возбудить определенные нервные окончания, но и любим при этом друг друга. И эта любовь, эти эмоции, это чувство взаимной симпатии партнеров действуют на светлых эйджел не хуже, чем на нас вино. Проще говоря, они, воспринимая все это, просто дуреют.

Лиут говорит, что для нее это непередаваемая мука – чувствовать, что где-то поблизости идет праздник, играет музыка и веселятся люди, и не иметь возможности попасть на это мероприятие, потому что нас и ее разделяет стена высотой до неба. Также она сказала, что примерно то же самое чувствуют и те шестеро светлых эйджел, носительниц эмбрионов Кораблей, которых мы освободили из плена вместе со всеми остальными. У них хоть и имеются обычные для эйджел тела, но секс с человеком для них – все равно что для нас, человеческих девочек, совокупление с самцом бабуина. Но все это их эльфийские заморочки, потому что ничего особенного в этих эйджел нет – в смысле особенно прекрасного. Кому интересны сверхдлинные, худые до прозрачности девицы, которые при виде мужчин все время брезгливо поджимают губы, а сами, оставшись наедине с голофото обнаженного мускулистого красавчика-блондина из медицинского архива отряда наемников с Франкии или Склавении, отчаянно мастурбируют, желая оказаться в его объятиях, но так, чтобы об этом никто не узнал. Фу, извращенки и лицемерки! Кстати, интересно, сколько смогут воздерживаться от контактов третьего рода те самые шесть светлых эйджел, которые уже находятся у нас на борту (разумеется, после того, как их выпустят из медицинского карантина)? И так, наверное, бедняжки еженощно лезут на стенку, со всех сторон омываемые эмоциональными флюидами бурно совокупляющихся влюбленных пар.

Лиут, по крайней мере, не лицемеря говорит о том, что она хочет, но для нее это невозможно по чисто физиологическим причинам. Ее тело – это корабль, но у него нет нервных окончаний, которые можно было бы пораздражать, чтобы хотя бы частично получить компенсацию за вечное сексуальное воздержание. Она обречена на участь умирающего от жажды посреди целого моря пресной воды. Бедняжка!

А бедняжка тем временем набиралась храбрости для того, чтобы высказать мне, как лучшей подруге, самое сокровенное свое желание. А храбрость нужна была, так как она считала, что когда я услышу то, что она хочет мне сказать, то могу рассердиться на нее и лишить своих милостей. Вот глупышка.

– Правда, дорогая Вика, – сказала она мне, – есть один способ, чтобы решить эту проблему. Но это не совсем обычный способ, и те Корабли,

которые к нему прибегают, считаются извращенками...

– Слушаю тебя внимательно, уважаемая Лиут, – отвечаю я, – в вашей вполне дурацкой цивилизации эйджел очень многие обычные для нас вещи считаются извращениями, и наоборот, то, от чего мы плюемся как от самых ужасных извращений и преступлений, у вас творится считай что на каждом шагу.

– Я знаю, – вздохнула Лиут, – но то, что могло бы мне помочь, не практикуется и в вашей цивилизации. Поэтому я даже и не знаю, как тебе об этом сказать.

– Говори как знаешь, – ответила я, – ведь мы обещали тебе всяческую помощь и защиту. А если ты скажешь что-нибудь запретное, то обещаю не наказывать тебя и даже не обижаться, ибо невиновен тот, кто не ведает, что творит.

– Хорошо, – ответила Лиут, – я расскажу. Ты же знаешь, что мои малые находятся на моем прямом управлении?

– Да, – ответила я, помня, что своими «малыми» Лиут называет присутствующий у нее на борту экипаж из сибхов и горхов.

Когда они на вахте, то действительно находятся на прямом управлении у Корабля через вживленный в мозг чип. Приметно такая же технология была разработана в Неоримской империи для контроля за политически неблагонадежными персонами. То есть, как только эта персона начинает думать неправильные мысли, у нее тут же начинает болеть голова... Вплоть до летального исхода, то есть инсульта. Это одна из тех неоримских гадостей, которую мы, как я надеюсь, никогда не будем применять. То есть это я так надеюсь, а вот Шевцов оставил вопрос в подвешенном состоянии. А вдруг пригодится к употреблению в каких-нибудь частных случаях... Он у меня предусмотрительный. Кстати, помните, что Кандид предложил американам чипирование, если они не пройдут тест на лояльность? Так вот, это оно и есть. Только если полностью копировать технологии эйджел, то чипированным нужен «поводырь», иначе называемый «наставником». Так вот. Наставником может быть только эйджел, и больше никто, поэтому-то имперская версия этой технологии весьма и весьма ублюдочная. Инсульт у подконтрольного вызвать может, а вот скорректировать поведение нет.

Но мы уклонились от темы. Лиут еще раз имитировала громкий вздох и сказала:

– Так вот, дорогая Вика, я бы могла получать все это, контактируя с моими малыми, но и сибхов и у горхов очень плохо с эмоциями высших порядков, на которые так чреватые и эйджел и люди. В мозгу у сибхов вообще мало места, и они наполовину малые дети, наполовину умные

ручные животные, а горхи, хотя и имеют большой мозг, мыслят весьма и весьма своеобразно. Любовь и страсть чужды их сознанию, и весь их разум занят сугубо практическими вопросами. К тому же у них очень плохо с фантазией. Запомнить наизусть сложнейшую монтажную схему они могут, а вот изобрести самое простейшее, но новое устройство – нет. Я и не чувствую по-настоящему ни тех, ни других, хотя если бы чип был встроен в предварительно подготовленную молодую эйджел, то я могла бы войти в ее разум, как рука входит внутрь перчатки...

– Погоди, Лиут, так ты хочешь чипировать одну из тех темных эйджел, которых мы взяли в плен? – спросила я.

Ни одну из этих хвостатых сучек мне жалко не было, и я отчаянно соображала, как бы все это поскорее устроить. Но Лиут тут же меня разочаровала.

– На самом деле, – сказала она, – речь идет о человеческой самке, достаточно привлекательной, чтобы вызвать в самцах животное влечение. Мозги эйджел и мозги людей очень похожи по типу своего мышления, а о молодой эйджел я сказала, потому что именно их применяли в тех случаях, когда Кораблю нужен был свой персонифицирующий аватар. Применить для этой цели самку человека было бы оскорблением для тех кланов, с которыми аватару довелось бы вести переговоры. Но здесь, наоборот, самка человека приносит удобство, а самка эйджел – совсем не то, что надо...

– Так значит, – спросила я, стараясь оставаться спокойной, – ты хочешь, чтобы такой управляющий чип поставили одной из нас, человеческих женщин?

– Нет! – резко ответила Лиут, – не одной из вас! Вы все полные личности и попытка управлять вами через чип вызовет только сумасшествие и смерть. Нужна молодая самка – с разумом, с самого начала пустым как чистый лист, потому что только в него я смогу войти как в новый дом. Я хочу пережить все то, что переживают человеческие женщины: интересные беседы, различные игры, любовь, страсть, бурный секс и прочие сопутствующие эмоции, которые тело аватара способно ощутить, а мозг через чип передать моему мозгу.

«Вот те номер... – подумала я. – Лиут захотела стать человеком – в меру возможностей, разумеется. А я-то думала! Нет, такой вариант хотелки Лиут меня вполне устраивал. О таких людях-инвалидах, не имеющих физиологических повреждений мозга, но при этом умственно отсталых настолько, что их едва можно назвать людьми, я раньше слышала или читала. Но при этом я сомневалась, что таковые персонажи находятся у нас на борту. Разве что как члены семей важных специалистов, для которых

наличие недееспособных родственников не могло быть причиной для отказа. И если они есть, то искать их надо в картотеке у Ираиды Леонардовны. А если такая особа не найдется, то я сама недрогнувшей рукой возьму луддит-пистолет* и зачищу сознание любой из американок из числа тех, что в самом начале уже списали в пеоны, после чего отдам ее на чипирование. Но будем надеяться на то, что все обойдется и без таких эксцессов, и особь, необходимая для создания аватара Лиут, будет найдена в своем естественном виде.

Примечание авторов: *Луддит-пистолет – ручное устройство, внешне больше напоминающее сотовый телефон или древний программируемый калькулятор, чем классический пистолет. На дистанциях от нескольких метров до километра дезориентирует противника, негативно влияя на качество его мышления и провоцируя забывчивость и невнимательность. Применение такого оружия на дистанции меньше двух метров приводит к тяжелым поражениям сознания, лакунам в памяти и прочим неприятным вещам. Если же этот луддит-пистолет просто приставить к человеческой голове и нажать на спуск, то никакой памяти, личности и прочих остатков «я» в этой голове больше не останется, и воспитание этого персонажа, пускающего слюни как младенец, потребует начать с нуля и возиться над этим еще несколько лет. Именно поэтому подельников майора Харриса швырнули в конвертер. Перевоспитывать после Луддит-пистолета хлопотно и очень долго.*

тогда же, рубка управления императорской яхты «Багряные листья»,

тетушка Лиут, капитан яхты и маркграфиня собственной персоной.

Ну вот, дело сделано, и мне удалось уговорить самку Вику подыскать мне заготовку для будущего аватара. Кстати, она зря волнуется, что ради этого кому-то придется вычищать мозги. Не придется, потому что я, со своими способностями к психосканированию, уже чувствую, что один пассажир (или, точнее, пассажирка) полностью подходит под мои требования, и это не младенец, а человек, по возрасту почти уже почти взрослый, и к тому же является самкой с восхитительно незамутненным сознанием. Но скажу я об этом Вике только в том случае, если она не найдет сама. Но Вика у меня умница – даром что просто самка хуманса – так что я надеюсь, что она вполне справится с этим не очень сложным делом.

Пока же, помимо беседы с Викой, я сосредоточена на создании

корабельной оранжереи, и место для нее нашлось в проходе внутри фюзеляжа, который ведет из кормовых грузовых отсеков в рубку. Работники-хумансы и мои техники-горхи как раз сейчас монтируют то, что в будущем станет основой этой гидропонной оранжереи. Пока еще там нет ни травинки, и стены по-прежнему мертво отсвечивают серым пластиком, но в самом ближайшем будущем этот коридор превратится в настоящую аллею в зеленых зарослях наподобие джунглей. Предводитель Железнобоких уже был у меня на борту, впрочем, я же вижу, что такие решения он полностью доверяет своей любимой самке Вике, а вот она не может доверять никому и ничего, и потому постоянно мечется с одного корабля на другой, несмотря на то, что привлекла к переделке моих интерьеров много работников. Оранжерея в коридоре – это мелочь. Меняется интерьер и в головной части корабля. Черные, красные и коричневые цвета уходят прочь, а вместо них появляются белые, голубые и золотистые и скоро я буду выглядеть совсем иначе чем во времена, когда я несла на себе клан темных эйджел, гораздо праздничнее и наряднее...

день 62-й, корабельное время 10:15, карантинный блок «Несокрушимого», одиночный бокс № 092.

Настаз – светлая эйджел, клан «Шепот тьмы»

Весь вечер ученая Настаз просидела в обучающем гипношлеме перед экраном головизора, усваивая еще одну разновидность языка хумансов. Как она и предполагала первоначально, этот диалект имел отдаленное родство с несколькими базовыми диалектами Склавении, в том числе и с тем наречием, на котором разговаривают венеды, один самых много численных тамошних народов. Сначала Настаз предполагала, что у нее возникнут проблемы с обучением через гипнопедический шлем, предназначенный для голов хумансов, которые короче, чем головы эйджел, но шире их в височной части. Неплотное прилегания шлема и не совсем правильное расположение микроизлучателей может вызвать у обучаемого тяжелую головную боль. Но, шлем, который ей принесли, оказался подогнан точно по ее личной мерке, и давал очень четкое и понятное восприятие. Со шлемами индивидуальной подгонки всегда так.

После прогона первого учебного кристалла, когда пришло первое понимание и произносимые героями слова начали обретать смысл, Настаз охватила исследовательская лихорадка. Она была буквально в полушаге от понимания главной тайны. Зрелая высокоразвитая цивилизация хумансов, на которую не оказали большого влияния практикуемые светлыми эйджел политтехнологии Управляемого Хаоса, была готова раскрыть перед ней свои тайны. Обучающе-информационные кристаллы второго уровня

специально для Настаз были помечены надписями на торговом языке, и она, разумеется, выбрала любимую тему хумансов: «война», а внутри этой темы голофильм с возбуждающе противоречивым названием «Горячий снег».

Удар по неокрепшим мозгам светлой эйджел был сильнейшим. Фильм был посвящен отражению одной мирной оседлой цивилизацией вторжения диких хотя и сильно технизированных варваров. Как поняла Настаз предки хумансов, среди которых она сейчас находилась, защищались, а другие хумансы, которых в ленте называли «немцы», «фрицы», «гансы», «фашисты», «гитлеровцы», нападали. При этом технизированные варвары творили все те зверства, которые обычно творят дикие варвары на завоевываемой земле, только во много больших масштабах.

Фильм был так наполнен сильными эмоциями, что Настаз утонула в них всем своим сознанием. Сказать честно, тот, кто положил этот кристалл к материалам второго уровня, сильно рисковал. Если бы у Настаз было чуть меньше жизненного опыта, или она работала бы не с хумансами, а в какой-нибудь другой сфере деятельности, то необратимые изменения мышления высокоученой эйджел были бы неизбежны. То есть, говоря обыкновенным языком, она запросто могла сойти с ума, но, к счастью, этого не произошло.

«Они будут драться даже в самой безнадежной ситуации, – поняла Настаз, – они никогда не сдаются, и потому всегда побеждают. Кроме того, был показан маленький участок битвы, но хумансов на нем столько, что этого числа хватило бы на два-три полноценных клана эйджел. Нет, мы знаем, что хумансы привыкли жить более многочисленными сообществами, чем эйджел, но так называемые цивилизованные хумансы оперируют просто чудовищными масштабами...»

Немного отдышавшись и уложив изрядно растрепанные мысли, Настаз наскоро проглотила ужин, который на индивидуальном подносе прибыл по системе доставки. Собственно, она мало что поняла в этом кристалле, кроме его эмоционального накала, и обещала себе, что просмотрит его еще раз, когда будет лучше разбираться в групповой психологии цивилизованных хумансов. В описанной ситуации под давлением многократно превосходящего противника стандартные наемники, обычно сражающиеся за кланы эйджел, предпочли бы отступить, отдав противнику победу, но сохранив свои жизни. Эти же хумансы дрались буквально до последнего бойца, так что враг смог их уничтожить, но не сумел победить. Если потомки в этом смысле хоть немного похожи на предков, то цивилизацию эйджел ждут очень нелегкие времена. Следующим Настаз выбрала кристалл с надписью «Политическая география, общий обзор»,

рассчитывая отдохнуть от эмоционального накала предыдущей темы. Надо сказать, что в смысле отсутствия эмоций она не ошиблась. Изложена тема была сухо и до предела академично. Но само содержание потрясло Настаз и при отсутствии эмоций. Планеты, на которых обитают эйджел, считаются перенаселенными, если на них обитает больше трех миллионов особей*. Запретный Мир был населен семью миллиардами хумансов, и это был еще не предел, если население этой планеты ежегодно увеличивается на восемьдесят миллионов хумансов. С точки зрения эйджел, это просто ужас, и сухая констатация взрывного роста численности этого дикого подвида ранит Настаз даже больше, чем эмоции предыдущего сюжета.

Примечание авторов: * статистика эйджел носит несколько лукавый характер, потому что учитывает только самих эйджел, как высших существ, но совершенно игнорирует сибхов, горхов, а также сервов и наемников из числа хумансов. Но в любом случае вместе с означенными категориями население планет, на которых постоянно обитают эйджел, не превышает двухсот-трехсот миллионов гуманоидов все типов. На таких планетах не ведется добыча полезных ископаемых и не размещается промышленность, все это располагается в других местах, значительно менее приятных для жизни, где основным населением являются горхи, а правящие кланы эйджел проживают либо в немногочисленных оазисах, либо в дворцах, накрытых силовыми куполами, под которыми поддерживается искусственная атмосфера.

Но вот вечер кончился, и свет в карантинном боксе стал медленно гаснуть. Утомленная потребленной информацией и переживаниями, Настаз быстро скинула с себя тапочки и одежду, после чего нырнула в постель, под тонкое одеяло. Нельзя сказать, что в этом карантинном боксе было особо холодно, но в любом случае воздух в корабле хумансов был значительно прохладнее, чем на корабле эйджел, к тому же ночью он похолодал еще больше, так то одеяло для теплолюбивой Настаз было совсем не лишним. По счастью, его размеров (не стандартных) хватало, чтобы долговязая светлая эйджел смогла завернуться в него с головой, выставив наружу только нос, который почти сразу начал выводить музыкальные рулады.

Но первая корабельная ночь (восемь часов условно темного времени), для Настаз не задалась. Несмотря на то, что условия были вполне комфортными и сон пришел почти сразу, снились Настаз вещи крайне возмутительные. Корабль хумансов оказался буквально пропитанным эмоциями, и эти эмоции в основном носили непривычный для эйджел сексуально-эротический подтекст. Это эмоциональное давление было такой силы, что Настаз никак не могла отстраниться от него привычными

методами самодисциплины ума.

Ей все время снились обнимающие ее мускулистые красавчики-хумансы, которые увлекали ее в некое таинственное и уединенное место, для того чтобы заняться там с ней самым гнусным развратом, после которого она сама будет чувствовать себя животным. Едва Настаз вырывается из рук одного обольстителя, как тут же попадает в объятия другого – и все начинается сначала. Омываемая исходящими со всех сторон эмоциями влюбленных и совокупляющихся пар, Настаз ворочалась и металась на постели, пока окончательно не запуталась в собственном одеяле, обмотавшемся у нее вокруг горла. Тогда ей приснилось, что очередной претендент в любовники больше не пытается ее обнять и поцеловать, а пытается обрести ее благосклонность, забравшись на нее сверху и нежно душа ее, ухватив за шею двумя руками.

Примечание авторов: * Шевцов не одобряет ханжества и не преследует за добрачные и внебрачные отношения, считая, что каждый родившийся ребенок только увеличит силу Империи.

Проснувшись с пересохшим ртом и отчаянно бьющимся сердцем, Настаз обнаружила, что никакой это не самец хуманса, который залез на нее сверху и душит, а всего лишь обыкновенное и вполне безвредное одеяло. Стыд и позор. Впрочем, некоторое время спустя бушующий вокруг эмоциональный шторм утих, в результате чего светлая эйджел получила возможность более-менее внятно соображать. Помимо всего прочего, эти цивилизованные хумансы оказались чрезвычайно эмоциональными, и Настаз подумала, не лежит ли в основе их желания жить большими группами тяга к таким вот коллективным эмоциональным пиршествам. Да, большинство из них напрямую не чувствуют чужих эмоций, но ведь подсознательное и бессознательное чувство никто не отменял.

Попив воды из крана и еще немного поворочавшись, Настаз уснула, напоследок подумав о том, что если такие эмоциональные штормы случаются тут каждую ночь, то ей и в самом деле лучше найти себе самца-любовника, с которым она могла бы удовлетворять все свои даже самые затаенные желания. Во имя какой Бездны она сдерживает себя, выполняя этические установки отвергшей ее цивилизации, в то время, когда принявшие ее к себе хумансы исповедуют прямо противоположные взгляды? К тому же самец хуманса в ее постели будет прекраснейшим объектом для изучения как сам по себе, так и как представитель всей своей расы. Надо только будет сделать так, чтобы ей достался достаточно высокопоставленный экземпляр, а не просто рядовой воин, которых тут наверняка пруд пруди. В таком случае бушующий каждый вокруг нее океан

первобытных эмоций будет ей во благо, а не во вред.

Утром, едва Настаз успела подняться с лежанки и побрызгать себе в лицо водой из-под крана, дверь в ее комнату раскрылась и незнакомая самка хуманса вполне понятными словами (гипнопедия сработала) пригласила ее идти на совместный с другими хумансами утренний прием пищи в предназначенном для этого помещении, который тут называли завтраком. В принципе, это было уже значительное послабление режима ее изоляции и шаг к тому, чтобы она снова всерьез занялась своей научной работой, потому что у нее появляется возможность непосредственных контактов внутри этого странного сообщества. Хотя, как светлая эйджел, Настаз предпочла бы принимать пищу в одиночестве или только в компании своей дочери – разумеется, после того, как она наконец родится и немного подрастет.

Из своих боксов были извлечены также и пять остальных светлых эйджел, которые, как оказалось, находились в соседних помещениях. При этом одна из этих эйджел была в таком же, как у Настаз, ранге ученой, а остальные четверо были довольно низкоранговыми помощницами и ассистентками. По лицам, фигурам и общему помятому виду четырех из пяти этих эйджел было видно, что они перенесли эмоциональный шторм так же, как Настаз, если не хуже. И только одна, совсем молоденькая помощница самого низкого ранга в этой компании, лучилась свежестью и довольством. Настаз поняла, что девочка просто не стала сопротивляться неизбежному, отдавшись во власть чужих бушующих эмоций – вволю помастурбировала и, сбросив гнетущее всех эйджел сексуальное напряжение, заснула блаженным сном младенца. А чего стесняться, ведь для их клана все они умерли, и теперь, возродившись среди хумансов, они сами должны вести себя как хумансы, тем более что тут это не осуждается, а даже приветствуется.

Настаз ожидала, что столовая у цивилизованных хумансов будет похожа на те длинные и узкие помещения с одним-единственным длинным общим столом посередине, какие практикуют их полудикие собратья для совместных трапез. Однако действительность оказалась весьма далека от этих предположений. Помещение столовой оказалось почти квадратным и заставленным небольшими квадратными столиками – повыше для эйджел, пониже для хумансов. За столом для эйджел среднестатистический хуманс мог бы есть стоя и не нагибаться, за столом для хумансов Настаз могла бы есть только встав возле него на колени.

Столы для хумансов нужны были потому, что помимо шести самок эйджел, в столовую почти одновременно вошли еще пятеро хумансов – три

самки и два самца. Одна самка и один самец были светлыми, еще один самец был чисто темным и еще две самки были полутемными – одна наполовину и одна на четверть. Настаз и не предполагала, что среди хумансов есть свои темные. Этих по отношению к местным цивилизованным хумансам эти пятеро предположительно являлись представителями конкурирующего клана. Во-первых – они носили совсем другую одежду, чем местные хумансы (а для этого вида это очень важный показатель), а во-вторых – всем своим видом демонстрировали растерянность и неуверенность, что, конечно же, не укрылось от внимания опытных эмпаток. Такое поведение совсем не свойственно для тех представителей этого вида, которые находятся среди своих и в безопасности.

Как только они узрели эйджел, весь их вид, поза, мимика и прочее сказало ученой Настаз о том, что таких, как она, эти хумансы видят первый раз в жизни. Парадокс, однако – ведь о том, кто такие светлые эйджел, известно всей обитаемой Вселенной. Особенно откровенно на эйджел пялилась светлая самка, которая, похоже, была самой старшей и начальственной в этой компании. Неужели она никогда в жизни не видела стройных беловолосых и белокожих остроухих красавиц? Эта самка то медленно моргала, свесив голову набок и приоткрыв рот, то прищуривалась, шевеля губами – видно было, что она с трудом верит своим глазам. Из какого же глухого захолустья явились во Вселенную эти хумансы, если они не знают самых очевидных вещей?

Чтобы получить пищу в этой столовой, было необходимо встать в очередь к тому месту, где осуществлялась раздача еды и напитков. Так уж получилось, что Настаз оказалась последней в ряду эйджел, а сразу за ней заняла очередь та самая светлая самка хумансов, нос которой, фигурально говоря, упирался Настаз между лопаток.

Тогда же и там же. 1-й лейтенант Карен Уилсон.

Да уж, в столовой меня ждало настоящее потрясение – уж чего-чего я не ожидала увидеть, идя на свой первый завтрак в новой роли, так этих изобретенных профессором Толкиным мифических созданий, образ которых так нещадно эксплуатируют писатели и киношники в Голливуде. Я сначала даже долго моргала, думая, что русские подмешали нам в пищу какие-нибудь психотропные таблетки и теперь у меня начались галлюцинации, но нет – создания, вымышленные силой человеческого разума, и не думали исчезать, наоборот, они вели себя вполне непринужденно и даже весьма раскованно, в свою очередь, как на какую-то диковину пялясь на нашего Пола Райана... Эй, Пол, у тебя что, выросла

вторая голова или появились рога?

Нет, сомнений быть не может – это действительно эльфы! Настоящие эльфы, раздери меня Моргот! Точнее, эльфийки – да еще шесть штук сразу, одинаковые как сестры-близнецы, переговаривающиеся между собой птичьими голосами! Для полного сходства им не хватает лишь знаменитых эльфийских луков и народных одежд – вместо этого на них одинаковые корабельные комбинезоны. Значит, они действительно существуют и профессор Толкин их не выдумал?! Честно говоря, я просто потеряла дар речи, глядя на этих эльфиек. Мои коллеги тоже, наверное, были поражены таким явлением, но никто из них явно этого не демонстрировал. Только лейтенант Оуэн Ньюмен, тоже образованный, как и я, сказал что-то вроде «Ну не хрена ж себе!», а остальные, кажется, ни о каких эльфах и слыхом не слыхивали, а потому восприняли их появление достаточно спокойно. Интересно, откуда же все-таки они тут взялись, и что еще может быть припрятано в рукаве у русского диктатора?

Сама я не особо разбиралась в эльфийской теме. Сюда бы мою подругу по школе Сьюзен Стоун – та вообще с ума сходила по эльфам! Эта идиотка даже пошла к пластическому хирургу и изменила себе форму ушей, заострив их кончики, из-за чего сходства с эльфами у нее не прибавилось, а просто она стала выглядеть особо жалко. Ее бы сюда – она от счастья тут же написала бы кипятком себе в трусы! Но Сьюзен здесь нет, и это к счастью, иначе бы крику от нее было! Она вообще с самого детства была какая-то шизанутая, и очень хорошо, что она не стала удлинять себе ноги*...

Примечание автора: * современная медицина позволяет и такой трюк – на установке, сконструированной по принципу аппарата Илизарова, возможно нарастить длину костей ног на 10-15 сантиметров. Обычно это используется, когда надо скорректировать врожденный дефект, при котором одна нога у человека укорочена, но некоторые дуры, комплексующие по поводу маленького роста, идут на удлинение своих ходулей в чисто косметических целях.

Так уж получилось, что в очереди на раздачу я оказалась прямо позади этих ушастых дылдочек. Теперь я могу их беззастенчиво разглядывать – да что там, при желании я даже могу прикоснуться к спине той эльфийки, которая стоит прямо передо мной! Эх, Сьюзен, Сьюзен – ты бы точно полжизни отдала за такую возможность... Но и я пользуюсь этой возможностью по полной, потому что мне просто некуда деваться и мой нос буквально упирается в ее спину. От нее исходит какой-то особенный запах... Трудно объяснить, на что похож, но, когда зажмуришь глаза и

втянешь этот запах носом – представляется почему-то море и цветущие каштаны на берегу... Хотя это даже не парфюм, а скорее всего, естественный запах ее тела...

Кстати, я еще раз убедилась, что Сьюзен Стоун – круглая идиотка. Зря она себя уродовала, потому что уши у эльфиек совсем не напоминают человеческие, и вообще – воспроизвести такое чудо путем пластической хирургии невозможно, с такими ушами можно только родиться. Они у них довольно большие, тонкие и очень подвижные... Когда эльфийка спокойно стоит, о чем-то размышляя, их кончики стоят почти горизонтально, мило выглядывая из белой копны удивительно тонких шелковистых волос; но вот слышится какой-то достаточно громкий звук (это, кажется, кто-то уронил ложку) – и ушки выпрямляются, становясь торчком и разворачиваясь параллельно голове – трепетные, чувствительные, подрагивающие, они ни на секунду не остаются в одном положении.

Вообще тела их такие же гибкие и трепетные, движения их плавны и, я бы сказала, грациозны. Я даже залюбовалась на то, как стоящая впереди меня эльфийка плавным, каким-то балетным движением, протягивает свою тонкую изящную руку и ставит на свой поднос выбранные блюда.

Когда я подумала о том, откуда они взялись, то первая мысль, пришедшая мне в голову, была о том, что русские создали их искусственно на этом своем чудовищном корабле (и мало ли что болтают, русские вообще мастера дезинформации). Но, глядя на них, я почему-то убеждалась, что мои домыслы далеки от истины. Явно эти шестеро не были слабенькими плодами эксперимента, вроде генной модификации и клонирования – нет, чувствовалось, что они являются представителями могущественной расы, существующей отдельно от нас где-то во Вселенной. И тут в мою голову закралась мысль – а что, если писатели описывали то, что видели своими глазами? Что если все эти эпические истории типа «Властелина Колец» – совсем не выдумки, а лишь хроники посвященного (ну, конечно, с некоторой долей вымысла)? Стоило мне сделать такое допущение – и границы моего привычного мира расширились. Приходилось признать, что вообще-то все в этом мире обстоит несколько не так, как я привыкла думать. Теперь, чтобы не сойти с ума, мне придется заново подстраивать свой разум под настоящую реальность.

А чтобы правильно его настроить, ему нужно задать определенные параметры. Во-первых – русские вовсе не такие тупые и жестокие варвары, как нам это внушали – в них есть нечто человеческое. Те из нас, кто думали иначе, уже покинули этот скорбный мир. Во-вторых – следует признать, что

кроме нашей Земли существуют и другие миры, в которых живут разумные существа. И Чужие, как ни прискорбно, посвятили в эти тайны русских, а не нас, американцев. Из этого следует сделать вывод, что нам, то есть мне, следует быть более открытой к поступающей информации и постепенно избавляться от стереотипов. Наверняка впереди еще много удивительного, так что надо приучить себя не впадать в ступор при столкновении с необычными явлениями. И самое главное – для того, чтобы не только выжить, но и добиться какого-то положения в нынешних условиях, мне необходимо выполнять приказы этих русских, спать, где положат и есть все, что дадут.

Не знаю насчет моих коллег, но, приняв это решение, я почувствовала, как почва снова возвращается под мои ноги. Помнится, как в каком-то фильме герой говорил, что человек приспосабливается ко всему. Что ж, я могла бы дополнить – важно не просто приспособиться, но еще и научиться извлекать из этого пользу для себя...

день 62-й, корабельное время 13:05, «Несокрушимый», императорский салон.

Владимир Владимирович Шевцов, полноправный, но еще не коронованный Е.И.В.

Сегодня, после обеда, состоялось заседание Совета графов, посвященное нашему нынешнему положению. В принципе, это самое положение мы уже обсудили на нашем с Викой семейном совете и пришли к мнению, что обсуждать всерьез с товарищами графами можно только судьбу темных эйджел; все остальные вопросы, образовавшиеся после перехвата их корабля, устаканились как бы сами собой. Лиут пристроена – теперь она наша яхта и, можно сказать, член императорской семьи. Беременные светлые эйджел приняты на службу учеными с испытательным сроком. Теперь они будут делать нечто прямо противоположное тому, что делали раньше, но с тем же энтузиазмом, потому что теперь их клан – это наша Империя.

С американцами мы тоже разобрались. Бандиты и ЦРУшники, что недалеко одно от другого, пошли в топку конвертера, пятеро наиболее вменяемых и морально устойчивых технических специалистов будут держать экзамен на гражданство, а прочие, не сумевшие сохранить в плену у эйджел человеческий облик, списаны в пеоны. Надо бы в конвертер, но император Шевцов, то есть я, для этого слишком гуманен. Остальной живой груз, наловленный темными эйджел на Земле, целиком зачислен в пеоны. Все равно эти люди не умеют ничего, кроме как сажать рис и мак. Да, именно мак, потому что наловили-то их в самом центре так

называемого Золотого треугольника.

Осталось, как я уже говорил, только решить будущее темных эйджел из клана «Багряных листьев». Их судьба могла пойти всего лишь по двум вариантам – или мы посчитаем темных эйджел небезнадежными и будем их перевоспитывать с последующим принятием в клан (что подразумевает имперское гражданство), или, наоборот, сразу пустим в расход и забудем о том, что такие вообще существовали. На последнем варианте настаивает искин Кандид, который все никак не может до конца избавиться от своих старых неоримских эйджелоненавистнических установок-подпрограмм. Правда, от исполнительных контуров эти подпрограммы отсечены, поэтому сам Кандид не может сделать в отношении эйджел ничего страшнее советов типа: «А давайте зажарим их живьем в микроволновке».

А все из-за его самоперепрограммирования. Где-то что-то недоучел, не там поставил блокирующий переход – и вместо полного забвения этих директив они у него перешли в неисполняемый статус. А может, он сам так устроен, что директивы такого удалению не подлежат ни в коем случае. Но, в любом случае, Кандида от этой мути надо лечить, пока не поздно. Я-то человек незлобивый, на такие предложения реагирую со здоровым юмором. Как будто мне больше делать нечего, кроме того как живьем жарить темных и прочих эйджел. Но я-то не вечен, как и прочие люди, а вот Кандид вполне может пережить меня и десяток моих преемников, даже если мы все поумираем в самой глубокой старости. И кто знает, не найдется ли в длинной череде императоров какого-нибудь страдальца от мании преследования и паранойи, который с радостью ухватится за подобные советы, учинив жестокий ксеноцид... Нерон, Калигула, Иван Грозный и товарищ Сталин (на последнем этапе жизни) на такие идеи отреагировали бы вполне положительно. Так что надо не забыть принять меры по этому вопросу. В крайнем случае искин Кандид должен быть инактивирован, а его исходники исправлены, заново откомпилированы и скомпонованы.

Но это будет потом, а пока наша проблема – темные эйджел. Я, конечно, могу принять это решение самостоятельно, но лучше провести его через совет графов, заставив их разделить со мной решение судьбы целой расы. Ведь сегодня фактически определится, что мы будем делать в следующий раз, когда к нам в руки попадут очередные темные эйджел – поддадимся ксенофобии или попробуем сохранить для будущего и этот родственный нам вид, попробовав избавиться его от врожденных недостатков. Не хочу, чтобы на страшном суде мне задали страшный вопрос: «Каин, где брат твой, Авель?» – а я бы и не знал, что ответить.

Именно так я и поставил вопрос на Совете графов – что мы сейчас решаем не только судьбу этих конкретных темных эйджел, но, как бы громко это ни звучало, и судьбу всей их расы, включая еще нерожденные поколения.

Первой слово взяла главный врач нашей Империи, главный биолог, антрополог (и прочая, прочая, прочая), а также министр нашего здравоохранения доктор медицинских наук Ираида Леонардовна Гальперина. Вообще-то бабушке нашей медицины уже за семьдесят, а на военных советах первым слово дают младшим по чину и возрасту, но внес в это правило Петра Великого малюсенькое дополнение. Самым первым должен говорить тот, кто в обсуждаемом вопросе хоть что-то понимает и кому в случае того или иного решения со всем этим придется возиться. Если у нас в темных эйджел (молчите поручик) кто-то, что-то понимает (кроме Кандида, разумеется), так это она, товарищ Гальперина. Она их обследовала, сделав на основании этого научное заключение, ей и первое слово.

– Ну что я могу вам сказать для начала? – издалека начала Ираида Леонардовна. – В первую очередь то, что эйджел в определенном роде это научный парадокс. Они и люди (ибо с генетической точки зрения являются ближайшими нашими родственниками), и одновременно таковыми не являются, потому что их генетический набор подвергся грубому постороннему вмешательству. Кто-то хотел получить улучшенную и продвинутую версию человека разумного, которая смогла бы заселить всю Галактику, а получил то, что получил – то есть улучшенную и продвинутую версию африканского дикаря, вместо жизни в джунглях в долине реки Конго приспособленного к жизни на просторах космоса.

После этих слов наш главный доктор глубоко вздохнула, будто печалась о судьбе наших двоюродных братьев по разуму, после чего продолжила:

– Что касается будущего этой расы, то оно печально даже при самом благоприятном нашем решении. Я тут с помощью Кандида пообщалась и с матроной Зейнал, и с некоторыми светлыми эйджел, которые находились у нее в плену – и теперь, сопоставив ее информацию с результатами своих исследований, могу сказать, что и темные, и светлые эйджел находятся на пути к полному исчезновению. Дело в том, что у них в среднем на пятьдесят девочек рождается только один мальчик, и это соотношение продолжает ухудшаться. Повторяю – это касается и тех, и других, а также сибхов и горхов, у которых острота проблемы не настолько велика. В любом случае к настоящему моменту они уже не имеют в своем составе ни

одного эйджел мужского пола, и число таких кланов продолжает расти...

После этих слов среди мужской половины Совета пошел шепоток, на который Ираида Леонардовна отреагировала достаточно резко.

– Товарищи мужчины, – ткнула она пальцев в ту сторону стола, где сидела наша молодежь, – только не надо мне тут лыбиться, воображая себе гарем арабского шейха. Жизнь эйджел мужского пола совсем не похожа на сказки «Тысячи и одной ночи». Все свое существование, от рождения и до смерти, они проводят, погруженные в наркотический сон, в специальной камере-колыбели. Единственная их задача – это, не приходя в сознание, производить сперму, которая ценится буквально на вес золота. Этот наркотический сон так глубок, что они ничего не чувствуют даже во время дойки, когда специально подготовленные работницы-сибхи собирают в пробирки готовый продукт. Ведь мы, и в том числе товарищ Шевцов, должны подумать еще и о том, допускать ли продолжение этого непотребства, если кланы эйджел все-таки будут сосуществовать с людьми в рамках единой империи.

– Товарищ Шевцов, – ответил я, – говорит, что продолжения такого непотребства мы не должны допускать ни в коем случае. Пока не могу сказать ничего конкретного, но эту практику необходимо пресечь самым решительным образом, как многие другие мерзости, которые творят эйджел по самому факту своего существования.

– В таком случае, ваше величество, – ответила мне Ираида Леонардовна, – вымирание эйджел многократно ускорится, ибо принудительный отбор генетического материала для воспроизводства – это один из тех краеугольных столпов, на которых пока держится раса эйджел.

– И что же вы предлагаете, товарищ Гальперина? – спросил я, – только конкретно, без общих слов.

– Единственный путь, который я вижу, – ответила наш главный биолог, – это интеграция в наше общество в первом поколении и тотальная ассимиляция во втором и последующих поколениях. Пусть в этом случае эйджел тоже прекратят свое существование как отдельные виды, но, по крайней мере, они не вымрут, а растворятся среди нас, усилив нашу расу всеми теми полезными свойствами, которыми их наделили неведомые нам Древние...

Имперский казначей Нина Макагон скептически хмыкнула и резко сказала:

– И привнесут в нашу наследственность ту хрень, из-за которой у этих эйджел рождается так мало мальчиков? Не кажется ли вам, милейшая Ираида Леонардовна, что риск в данном случае слишком велик и не

оправдывается никакими соображениями гуманности или возможными выгодами в виде некоторого увеличения среднего IQ...

– Вы, любезная Нина Семеновна, – парировала Гальперина, – совсем не разбираетесь в сути обсуждаемого вопроса. Дело в том, что если перестать искусственно поддерживать размножение эйджел, то естественный отбор поколение за поколением будет вымывать из нашего генетического поля все привнесенные эйджел негативные факторы, в то же время также поэтапно усиливая позитивные свойства. Надо будет только немного потерпеть, примерно так лет двести-триста – и потом мы получим человеческую расу, улучшенную положительными качествами эйджел и лишенную их недостатков.

– Хорошо, – кивнула Нина Макагон, – возможно, оно так и будет. Но, как я думаю, в итоге получится так, что эти положительные качества распределятся в социуме крайне неравномерно. На самом верху у нас будут графы, у которых в жилах будет течь максимальное количество крови эйджел, а пеонами окажутся исключительно чистокровные люди.

– Нина Семеновна, – сказал я, прервав свое олимпийское созерцание, – мы думаем, что добиться такого действительно малоприятного расслоения можно только в том случае, если в верхах будет установлена строгая экзогамия, по образцу европейской и российской аристократии и дворянства, которые крайне неохотно допускали браки с представителями низших сословий. Именно по этой причине они достаточно быстро выродились, и мы, однозначно, не собираемся повторять их ошибок. Главное не то, какая у человека кровь, главное, какие истины он впитал вместе с молоком матери, а также узнал от приятелей на игровой площадке и у учителя в школе. Так вам понятно?

Ответом моей отповеди было молчание со стороны Нины Семеновны, одобрительный взгляд Ираиды Леонардовны и нетерпеливое похмыкивание от всех остальных, которым этот вопрос казался не стоящим и выведенного яйца. Да они хоть сейчас, в крайнем случае, завтра лично примут участие в этой самой ассимиляции, тем более что хвост, коготки и темный цвет шкурки придают ассимилируемым особое обаяние.

Выждав положенную паузу и не дождавшись от своих графов больше никакой вербальной реакции, я официальным тоном произнес:

– Итак, ставлю на голосование Совета Графов предложение графини Гальпериной о тотальной ассимиляции расы эйджел и запрете на искусственные ограничения этого процесса. Пять минут на размышления, время пошло.

Казалось бы, пять минут – не такое уж большое время, но либо у

человека с самого начала есть какое-то мнение по обсуждаемому вопросу, либо его нет, и тогда при голосовании он воздерживается. Вот если воздержавшихся будет больше, чем проголосовавших за и против, тогда решение передается на усмотрение императора – то есть мое (это в срочных случаях). В несрочных же случаях решение вопроса откладывается на некоторый срок, необходимый для проведения самой широкой дискуссии, в ходе которой у всех ее участников должно быть выработано определенное мнение по обсуждаемому вопросу.

Но в этот раз все было значительно проще. Из девятнадцати членов Совета, включая заочно присутствующую Лиут, двое воздержались, а остальные проголосовали «За». Воздержалась Нина Макагон, которая не стала голосовать «против», и я, потому что так требует традиция. Если вопрос не стоит ребром, то император при голосовании обычно воздерживается. Теперь ассимиляции эйджел быть – а следовательно, у нас с императрицей Викой появляется еще одна морока. Надо будет вызывать к себе матрону Зейнал и провести с ней серьезный разговор о жизни и смерти. Но вот тут могут быть варианты. Темные эйджел слывут существами своевольными, и Зейнал вполне может отказаться даже от того предложения, от которого ей нельзя отказываться ни в коем случае. Но я думаю, что ассимилировать темных эйджел можно будет и без согласия самих ассимилируемых.

день 62-й, корабельное время 14:15, «Несокрушимый», императорский салон.

Зейнал – матрона клана темных эйджел «Багряные листья»

И вот случилось то, чего попавшая в плен к диким хумансам Зейнал так ждала и боялась. После двух периодов искусственной темноты и шести приемов пищи за ней вдруг пришли воины хумансов. Было видно, что две эти особи мужского пола сделали войну и убийство себе подобных своим основным видом деятельности и немало в этом преуспели, поэтому у Зейнал не возникло никакого желания не то что сопротивляться, а даже просто спорить по поводу исполнения имеющихся у них приказов. Правда, сами воины тоже не проявляли к Зейнал излишней грубости, только окинули ее оценивающими взглядами с ног до головы и, сморщив носы, что-то прорычали, подтвердив эти бессмысленные звуки недвусмысленными движениями стволов своего оружия, повелевающими выйти из камеры. Тогда Зейнал, не верящая в свое долгое существование в плену у диких хумансов, подумала, что, быть может, это последний путь, который она проделывает своими ногами, а дальше ее ждет только смерть.

Но ее ожидания не оправдались. В первую очередь ее отвели в

санитарный блок, где снова подвергли тщательной мойке горячей водой с пенящимся средством, а также сушке горячим воздухом. Тогда Зейнал подумала, что эти хумансы, как и светлые эйджел, просто маниакально помешаны на чистоте, являющейся, наверное, их главным божеством. Сами темные вообще не испытывали никакой естественной потребности в мытье и делали это только в том случае, если сильно испачкаются. Естественный запах тела считался у них лучшим из всех возможных ароматов и смывать его темные эйджел считали чуть ли не святотатством. А тут такое случилось второй раз за три светлых периода. Ну разве же это не позор и безобразие?

Отмытую дочиста матрону темных эйджел вывели из санитарного блока, и в том натуральном виде, в каком она и была, повели дальше по бесконечным коридорам огромного корабля, после чего привели в большое помещение. В этом помещении под светом слепяще ярких ламп (глаза темных эйджел привычны к багровому полумраку) Зейнал предстала перед множеством хумансов, большинство из которых было молодящимися пожилыми самцами, из которых, как это и положено для этой расы, и состояло местное начальство. Тут же, сложив на груди руки, присутствовала и голограмма противного искина Кандида, который счел, что темные эйджел недостойны того богатства, которым он владеет, и отдал его хумансам. Противный, противный, тридцать три раза противный искин Кандид.

Но, к удивлению темной эйджел, сразу было понятно, что самыми главными тут были не многочисленные старики, а довольно молодой мужчина в мундире воина и совсем юная девушка, которые вместе сидели на странном двойном стуле. Отличить гражданскую одежду от воинского мундира Зейнал всяко могла, как и разглядеть ауру Власти, зависшую над головой мужчины. Аура была молодой, образовавшейся совсем недавно, но чрезвычайно мощной, и Зейнал, вопреки ее первоначальным намерениям, захотелось опуститься на колени и произнести ритуальные слова унижения, которые произносит матрона побежденного клана перед лицом клана-победителя, в ожидании того момента, когда всем выжившим побежденным будет вынесен окончательный приговор, обжаловать который бывает практически невозможно. Но еще не было случая, чтобы эйджел произносили формулу унижения перед хумансами. Нет и не было в их истории позора большего, чем тот, который сейчас предстояло перенести Зейнал. Некоторое время матрона клана «Багряных листьев» боролась сама с собой, потом ноги ее подогнулись и она неловко дрюпнулась на колени.

– Могущественнейшие, – против своей воли произнесла Зейнал,

склонив голову, – вы победили, и теперь жизнь и смерть всех нас находятся в ваших руках. Наш клан уничтожен и лишен дома, и теперь мы покинутые сироты, которые больше никому не нужны. Поэтому мы – ваши пленники, и вы вправе делать с нами все, что захотите.

Она не была уверена, что будет правильно понята или даже понята вообще, ведь искин Кандид показал ей только знание Языка Торговли, но все равно произносила слова, которые от нее требовал древний ритуал, вбитый в генетику эйджел на уровне инстинкта. Однако, к ее удивлению, Кандиду, а через него и хумансам, оказался знаком и Язык Войны.

Предводитель хумансов поднялся со своего места и искин Кандид перевел его ответ на униженную речь Зейнал.

– Встань с колен, – первым делом произнес он, – и скажи нам прямо и честно, что, по твоему мнению, мы должны сделать с тобой и с членами твоего клана?

– Если хочешь нам добра, о Могущественнейший, – просто ответила Зейнал, – тогда просто убей нас всех и избавь таким образом от позора и страданий.

– Убить легко, – ответил молодой предводитель хумансов, – но из убийства, если оно совершено не в огне боя и не в ходе самозащиты, не произрастет ничего, кроме другого убийства. Да и слишком просто все это. Мы сделаем лучше. Вы будете жить...

– Жить рабынями в вашей власти, – с горечью произнесла матрона клана «Багряных листьев», – жалкими игрушками ваших прихотей, вечным напоминанием о вашей победе и нашем унижении.

– У нас не бывает рабов, – отрезал молодой предводитель хумансов, – только пеоны, выполняющие тяжелые и грязные работы, но и они не могут быть игрушками для прихотей или предметом для унижений. К тому же пеоны из вас, темных эйджел, честно сказать, просто никудышные, а нам надо, чтобы вы функционировали с полной отдачей.

– Тогда, – честно ответила Зейнал, поднимаясь с колен, – ты должен принять нас в свой клан и взять с нас все надлежащие случаю клятвы. Мы, темные эйджел, всегда чтим силу принесенных клятв, несмотря на время, место и прочие обстоятельства.

– Что есть, то есть, – буркнул Кандид, – сволочи они, конечно, первостатейные, но клятвы свои исполняют исправно.

Произнес он эту фразу по-русски без перевода, и для Зейнал она прозвучала как раскатистый рык дикого зверя, но то, какой взгляд бросил предводитель хумансов сперва на своего главного советника, а потом на нее, Зейнал поняла, что умирать сегодня ей явно не придется.

– Клянись, – сурово произнес предводитель хумансов, – что ты и члены твоего клана никогда не причинят вред Империи, ее гражданам и пеонам, а также что ты не будешь допускать, чтобы вред оказался причинен в результате вашего бездействия.

– Клянусь, – решительно выдохнула Зейнал, решившая, что в таких условиях клятвы нет ничего невозможного. Но это было еще не все.

– Клянись, – произнес предводитель хумансов, – что с этого момента для тебя и членов твоего клана больше не будет ни светлых и темных эйджел, ни хумансов, ни даже горхов и сибхов, и что ты и твои люди будете относиться ко всем ровно и одинаково, в соответствии с их личным статусом и заслугами перед Империей.

– Клянусь, – уже не так уверенно произнесла Зейнал, ибо вторая часть клятвы лишала ее так нежно лелеемого чувства расового превосходства.

Но отказ от того, что и так уже было опровергнуто, по факту был все же лучше перспективы полного уничтожения ее клана. Пусть они будут не уникально великолепными, а одними из многих, но зато живыми, а не полностью уничтоженными. Она боялась этого уничтожения больше всего на свете, как будто всего несколько минут назад, потеряв опору в жизни, Зейнал сама не предложила предводителю хумансов полностью уничтожить ее клан, чтобы избавить его членов от мук. Все перевесила возможность обрести новый дом и новую семью. «Какая разница, что это будет семья хумансов, – убеждала себя бывшая матрона бывшего клана «Багряных листьев», – ведь эти хумансы ведут себя вполне цивилизованным образом, и к тому же обладают чудовищной мощью, какую не имеет ни один клан темных или светлых эйджел...»

– Клянись, – снова произнес предводитель хумансов, – что ты и члены твоего клана будете честными, храбрыми, дисциплинированными, бдительными гражданами нашей Империи, будете строго хранить наши тайны и беспрекословно выполнять все наши законы и установления, а также приказы ваших командиров и начальников.

Перед тем как поклясться последней частью клятвы, Зейнал не колебалась ни минуты, потому что уже отреклась от вековой вражды с расой хумансов и от чувства превосходства своей собственной расы. Какое ей будет дело до того, если приказы, которые ей будет отдавать этот молодой предводитель всех хумансов, будут касаться уничтожения и захвата в плен других темных эйджел, которые теперь не имеют к ней никакого отношения.

– Клянусь! – решительно произнесла она, после чего дело было сделано и клан темных эйджел «Багряные листья» окончательно прекратил

свое существование, влившись в Русскую Галактическую Империю.

– Отныне, – произнес предводитель хумансов, – ты и твои люди плоть от плоти и кровь от крови нашей Империи, и защищать вас она будет точно так же, как и прочих своих граждан. Никто не имеет права вас унижать, оскорблять и отбирать вашу личную собственность. Но как у кандидатов на имперское гражданство у вас есть не только права, но и обязанности. Для успешного исполнения которых вы должны гипнотическим способом выучить наш базовый язык, а также те правила и законы, по которым живет наше общество, пройти профориентацию и получить назначение в учебное подразделение... Сейчас тебя и твоих бывших подчиненных переведут из тюремного блока в карантин, после чего для вас в буквальном смысле начнется новая жизнь. На этом у меня все, кандидат Зейнал, надеюсь, что в дальнейшем я буду узнавать о вас только хорошие известия.

Зейнал вскинула голову и произнесла.

– Благодарю тебя, о Могуущественнейший, за то, что милостиво отнесся ко мне и моему бывшему клану, не бросив его в пучину уничтожения. Будь уверен, что темные эйджел умеют помнить добро, особенно если это добро сделал победитель по отношению к побежденным.

Запомни, – сказал предводитель хумансов, – что вы были первыми, но не будете последними. После вас будут побеждены другие кланы, и другие матроны темных или светлых эйджел будут стоять на этом месте, принося свои клятвы Империи. Я знаю, что будет так, и благодарю тебя за то, что ты была первой. Ведь ты же могла отказаться, и тогда шансы на выживание всей твоей расы значительно бы уменьшились. А сейчас иди. Я вижу, что тебе надо встретиться со своим бывшим кланом, чтобы вы могли вместе поразмыслить над своим новым положением.

день 62-й, корабельное время 21:15, «Несокрушимый», императорские апартаменты.

Виктория Полянская, 17 лет, переводчик, секретарь-референт и администратор Е.И.В.

Что делают император и его императрица, когда вечером остаются наедине в своих апартаментах? Правильно, они делают Наследника, и даже когда по факту наследник уже сделан, все равно продолжают свое увлекательное занятие, ибо оно им приятно. Но сейчас мы, уже провернув один сеанс постельных игрищ, просто лежали, обнявшись, посреди нашего необъятного сексодрома, и тихо разговаривали. В основном разговор был навеян той безумной скачкой, которую задал мне Шевцов в постели, и крутился он вокруг сексуальных проблем несчастной Лиут. Бедняжка чувствует наши эмоции всеми фибрами своей души и от этого изнывает от

желания, удовлетворить которое не может по вполне понятным причинам.

Разумеется, у «обыкновенных» светлых эйджел тоже были определенные проблемы по этой части, но, как с ехидством доложил Кандид, те, получив свободу передвижения по кораблю и обнаружив, что секс с самцом хумансов (то есть с человеческим мужчиной) не принесет им ни малейшего общественного порицания, тут же принялись решать свои проблемы с невиданной резвостью. Уже в первую корабельную «ночь» (как раз сейчас) ни одна светлая эйджел не осталась без постельного партнера. Такой прыти, честно сказать, я от них не ожидала. Выглядели эти светлые эйджел, как типичные ботанки, застенчивые и чопорные; но, видимо, все это для отвода глаз, а на самом деле, как я погляжу, в этих тихих омутках водятся самые отборные черти. Даже темные эйджел по сравнению со светлыми выглядят как зачуханные деревенские провинциалки*, которые ни ступить, ни молвить не умеют.

Примечание авторов: * светлые эйджел присходили из крупного клана, имевшего на службе наемников из чиста тарданцев и франконцев, а также по роду своих занятий они достаточно интенсивно, пусть и несколько заочно, взаимодействовали с людьми. Поэтому ученые и ассистентки из числа попавших на борт «Несокрушимого» светлых эйджел оказались более подготовленными к существованию в людском обществе, чем представительницы маленького (и бедного) клана темных эйджел, не имевших средств на наемную боевую силу и видевших в людях только товар для перепродажи.

Но вернемся к нашей дорогой тетушке Лиут. Стоит о ней подумать, у меня сразу теплеет на душе. И она это чувствует, ведь между нами установилась прочная положительная эмоциональная связь, как между хорошими подругами. Чтобы решить проблему Лиут, ей нужен так называемый аватар – то есть человеческое, женское тело с вживленным в мозг управляющим чипом-ретранслятором. Лиут сообщила, что своими эмпатическими способностями «засекла» на борту «Несокрушимого» девушку-олигофренку, имеющую лишь зачатки мышления, которая подходила для задуманного ею как нельзя лучше.

Разумеется, мы таких не вербовали, но данная особа могла быть из числа членов семей кого-то из высококлассных специалистов, которых брали с любым обременением. Перебирать подряд двадцать тысяч человек не потребовалось. Все подобные случаи (имеется в виду тяжелые хронические больные, неизлечимые даже неоримской медициной) перечислены в специальной картотеке у Ираиды Леонардовны, и для того, чтобы в буквальном смысле пересчитать все такие случаи по пальцам, не

придется даже разуваться.

Оказалось, что искомую персону зовут Ольга Колоковцева, она дочь авиационного инженера с уничтоженного прихватазаторами Саратовского авиазавода, что ей, как и мне, семнадцать лет, и что она в трехлетнем возрасте перенесла менингит, который и привел ее в такое состояние...

Родители девушки разволновались, когда им передали просьбу Шевцова привести к нему свою дочь. Наверняка в их головах мелькнула безумная надежда, что их больного ребенка собираются излечить при помощи каких-то высоких технологий будущего... Очень осторожно, подбирая слова, Шевцов, поддерживаемый Ираидой Леонардовной, объяснял, для чего нам понадобилась их слабоумная дочь – поняв, что излечить ее невозможно, супруги явно расстроились, они бледнели, переглядывались между собой, потирали лоб, тяжело вздыхали... Я смотрела на девушку. С развитой фигурой, белой кожей, светлыми кудрями, она была похожа на дорогую фарфоровую куклу – настолько пустым и ничего не выражающим был взгляд ее водянисто-голубых глаз, обрамленных пышными рыжеватыми ресницами. Она слегка сутулилась и бессмысленно улыбалась, а с уголка ее приоткрытого рта стекала слюна. Мне было до слез жаль ее, и я очень хотела, чтобы родители согласились на чипирование... Без их согласия мы ничего не могли сделать. Правда, меня беспокоил один нюанс... Мы не могли напрямую сказать родителям Ольги, что в первую очередь заботимся о нашей Лиут и ее желании испытать человеческие ощущения, и не абы какие, а в первую очередь сексуальные. Не скажешь же им: «Мы решили подселить в тело вашей дочери чужой разум, принадлежащий существу, не имеющему тела, для того, чтобы это существо могло узнать, что такое интимные отношения между мужчиной и женщиной». Мда, наша задача носила весьма щекотливый характер (в смысле морально-этического аспекта), но вообще-то я считала, что чипирование пойдет на пользу обеим. Однако в глазах родителей это могло иметь совсем другой оттенок. Они могли счесть нас жуткими извращенцами, ставящими циничный эксперимент над их больной дочерью... И потому я с волнением наблюдала за Шевцовым и Ираидой Леонардовной, которые очень тактично посвящали Колоковцевых в суть того, что произойдет с их Ольгой после чипирования. Они говорили, что та станет личностью, способной принимать решения и совершать осознанные поступки.

– Но это будет уже не наша дочь! – истерически воскликнула мать девушки. – Я не согласна!

– Успокойся, дорогая... – Супруг нежно приобнял ее за плечи. – Может

быть, лучше так, чем как сейчас?

– Ээ... позвольте объяснить... – вмешалась Ираида Леонардовна, бросив быстрый взгляд на Шевцова. – Личность вашей дочери, точнее, ее зачаток, никуда не денется, наоборот, будет развиваться и обретать способность к самовыражению. Это будет... как бы вам сказать... некоторый симбиоз. Они будут словно сиамские близнецы, которые срослись не телами, но душами. Эмоциональные реакции у девочки будут такими, какие должны быть именно у вашей дочери, и как раз реципиент будет подстраивать под них свою психику, а не наоборот. Таланты, наклонности, характер – все это будет таким, каким и должно было быть у Ольги, не случись с ней несчастье заболеть. То есть, Лиут впитает в себя личность вашей дочери, но не поглотит ее, а даст возможность развиваться в тесном переплетении со своей личностью. Что вы теряете? Если вы не воспользуетесь этим шансом, вам придется ухаживать за дочерью всю жизнь, обделяя вниманием остальных своих детей, при этом зная, что надежды на исцеление нет, что она навсегда останется в этом состоянии, что она не сможет испытать всего спектра ощущений, которые делают человека счастливым и довольным, удовлетворенным своим существованием и осознающим важность своего бытия... – Доктор помолчала, поочередно глядя поверх очков на супругов Колоковцевых. Затем добавила: – Кроме того, здоровье таких детей весьма хрупко... Ваша девочка вряд ли доживет до зрелых лет. Причем чем взрослее она будет становиться, тем больше возникнет с ней проблем, и весьма серьезных. Видите ли, остановилось лишь ее психическое развитие, но в физиологическом плане она развивается вполне нормально, как и положено. Ее тело приобретает все нужды обычной семнадцатилетней девушки... Я имею в виду, что половые функции у нее не нарушены, следовательно, в сексуальной сфере все обстоит так же, как и у любой ее сверстницы – то есть она может испытывать либидо и неосознанно стремиться к удовлетворению своих желаний. А поскольку люди с подобным заболеванием расторможены, будучи не в состоянии применять усилие воли для подавления инстинктов, это может доставить вам массу осложнений... Пока, вероятно, это еще не так ярко проявляется, но, поверьте, когда она станет постарше, все это может сильно ухудшить ее состояние. Я не буду сейчас оперировать медицинскими терминами, но должна предупредить, что вероятны следующие неприятности – в случае сдерживания ее сексуальных инстинктов возможны припадки, буйство, ослабление иммунитета; в случае же отсутствия контроля – склонность к промискуитету, что, в свою очередь, влечет за собой новые проблемы...

Родители Ольги обеспокоенно переглядывались. По ним было заметно, что все то, о чем говорит Ираида Леонардовна, им уже в какой-то степени знакомо. Сама же доктор, видя, что ее слова произвели должное действие, мягко произнесла:

– Подумайте хорошо, не торопитесь...

Отец девушки нервно потирал рукой об руку. Мать стояла, закусив губу. Оба напряженно думали. Наконец отец бросил на супругу вопросительный взгляд – та едва заметно кивнула. Он посмотрел на Шевцова и твердо произнес:

– Мы согласны.

Шевцов кивнул, улыбнулся и протянул руку к Ольге. И тут произошло то, чего никто не ожидал – она доверчиво шагнула ему навстречу. У папы с мамой отвисли челюсти. Их дочь, которая как огня боялась посторонних, сама пошла навстречу чужому человеку и сама вложила свою руку в его ладонь...

– Настоящая Императорская Харизма, – с придыханием прошептал мне на ухо искин Кандид, – вот в основном за это свойство я и сделал его кандидатом...

Да уж, подумала я, повести за собою Шевцов умеет, куда там до него всяким разным. Без этого свойства, наверное, вся операция по основанию Империи не имела бы смысла, ибо на одной голой вооруженной силе такой проект не осуществить, да и не будет эта самая вооруженная сила с бухты-барахты подчиняться кому попало. Без харизмы руководства невозможно активное существование ни одной более-менее крупной структуры. Вот папенька был бандит бандитом, но харизматичным до жути. Люди его не только боялись, но и до смерти обожали. Правда, папеньке до Шевцова в этом деле как до Пекина пешком. Тот и без всякой угрозы скажет что-нибудь тихонько – и все тут же бросаются исполнять, причем наперегонки. Я горжусь тем, что у меня такой замечательный и харизматичный муж.

У Колоковцевых, помимо дочери-инвалидки, был еще старший сын, Иван, который, как и все порядочные парни, служил сейчас в десанте, и еще одна дочь-школьница по имени Татьяна, которая была двумя годами моложе своей несчастной старшей сестры. Всем им, включая любопытную болтушку Татьяну, Шевцов разрешил присутствовать на предварительном медицинском осмотре у Ираиды Леонардовны, а потом и на самой процедуре чипирования, которая должна была происходить уже на борту у Лиут. Присутствие посторонних в ее рубке – это величайший знак доверия со стороны Корабля, до этого такой чести удостаивались совсем немногие избранные.

– Ну что вы, мои дорогие, – тут же прямо у меня в мозгу проворковала Лиут, – какие же они мне посторонние? Родня тела моего аватара – это теперь и моя родня тоже. Я так хотела бы со всеми ими подружиться, особенно с ее папой и мамой. Они ее так любят, что у меня аж слезы текут из несуществующих пока глаз.

– Бедный недолюбленный ребенок, – прошептал Шевцов, потому что та телепатограмма предназначалась сразу для нас двоих.

Мы пришли в медблок, где Ираида Леонардовна вместе с ворчащими помощницами в очередной раз провела полное обследование состояния здоровья тела будущей аватарши.

– Ну, что можно сказать... – вздохнула наш главный доктор, просматривая результаты диагностики. – За те полтора месяца, что прошли с момента прошлого обследования, никаких изменений в положительную или отрицательную сторону не наблюдается. Телесно девушка, можно сказать, абсолютно здорова, а над всем остальным властен только всесильный Бог...

Как говорится, «конец цитаты». Выслушав это заключение, мы всей процессией отправились на борт к Лиут. Переустройство там было в полном разгаре, работали наши технические специалисты с «Несокрушимого», могучие горhini катали квадратное и таскали круглое, а девочки-сибхи метались повсюду вспугнутыми птичками. При этом на их довольных чуть раскосых мордашках было написано чувство полного удовлетворения. А то как же – ведь Шевцов разрешил доступ и их телам нашим половозрелым оболтусам, которым уже исполнилось шестнадцать лет, чтобы те в порыве гормонального прилива в период созревания не пытались соблазнять своих одноклассниц. Таких у нас не особо много, и на каждую сибху приходится не более трех-четырех претендентов. Да те и сами не прочь постоянно менять партнеров. Верность одному-единственному самцу не входит в их этические установки. А вот взрослым «дядям», которым больше двадцати, допуск к сибхам запрещен, причем кате-го-ри-чес-ки! Нечего тут педофилию разводить. На меня лично Шевцов обратил внимание только тогда, когда я при помощи сеансов Лауры «округлилась» и стала выглядеть гораздо «взрослее», чем прежде. Но с сибхами такого не сделаешь, ведь вид девочек-подростков – это их естественные пропорции.

В рубке у Лиут уже все было готово к операции. Рядом с ее сферой обеспечения стояло хирургическое кресло, рассчитанное не менее чем на горхиню – над ним уже нависли гроздья миниманипуляторов, похожие на

щупальца дохлого осьминога. Под испуганное ойканье родных будущая аватара скинула свой иждивенческий балахон и, полностью обнаженная, залезла в глубину этого мягкого кресла, которое тут же обхватило ее своими объятьями. Дальше все произошло очень быстро. Не было ничего подобного на операции на головном мозге, как их показывают по телевизору. Просто щупальца-манипуляторы, зависшие над головой блаженно прикрывшей глаза девушки, вдруг опустились на ее макушку, немного там пошевелились, после чего поднялись обратно.

Все, операция была завершена; и, как сказала у меня в голове Лиут, прошла она успешно и без малейших осложнений. Теперь оставалось только ждать, пока чип сам установит нужные связи и подключит Лиут к сознанию аватара.

Минут через десять сидящая в кресле девушка открыла глаза и огляделась, чуть поворачивая голову. Я заметила, как изменился ее взгляд. В нем больше не было равнодушия и безразличия, напротив, глаза стали ярче и горели огнем живого интереса к окружающему миру. Мимика раскрасила ее лицо эмоциями, сразу сделав его привлекательным и милым. Радость, удивление, любопытство... От нее трудно было оторвать взгляд. Яглянула на родителей – отец, обхватив супругу за плечи, блестящими глазами пристально наблюдал за Ольгой, а мать, так же жадно глядя на нее, ритмично качала головой, прижимая руку ко рту, при этом из ее глаз катились крупные слезы...

Девушка немного неуклюже соскочила с операционного кресла. Застыв на несколько секунд, она медленно обвела нас глазами, в которых сияло радостное узнавание. Затем, не обращая внимания на свою наготу, Ольга-Лиут поприветствовала нас ясным и звонким голосом:

– Здравствуйте, дорогие мои друзья, Владимир и Вика. Очень рада вас видеть. Я так счастлива... Я вас очень сильно люблю. И вас, Сергей Константинович и Антонина Витальевна, я тоже очень рада видеть. Мы тут с вашей дочерью очень крепко подружились, и она мне теперь вместо любимой сестрицы, а вы – как родные отец с матерью, тем более что у меня никогда не было ни матери, ни тем более отца...

И тут же изменившимся, каким-то детским сюсюкающим голосом произнесла:

– Мамочка, папочка, Танюша, Ванечка, я вас очень люблю. Мне теперь очень хорошо, и Лиут тоже хорошая, она меня сильно любит и будет заботиться обо мне. Теперь она живет в моей голове, и мы с ней – одно целое...

Мать Ольги зарыдала, прикрывая лицо руками. В этот момент я

подошла к Ольге-Лиут и накинула на нее банный халатик. И вовремя – мама, папа, брат и сестра подошли и стали обнимать ее, и плача, и смеясь одновременно. Я от такой сцены и сама едва не разрыдалась...

– Это ты? Оленька, доченька, это ты? – спрашивала мать, заглядывая в глаза Ольги-Лиут.

– Мамочка, конечно, это я! – отвечала та. – Я ведь все помню – и как мы с тобой кошку в тумане рисовали, и как я папин паспорт фломастером исчеркала, и Бульку помню, собачку нашу...

– О Боже! О Боже! – восклицала мать, судорожно прижимая к себе вернувшуюся дочь. Слезы не переставали катиться из ее глаз.

Я, не в силах выносить эту сцену, уткнулась лицом в грудь Шевцова.

– Это правда она? – тихо спросила я. – Или Лиут обманывает, дорвавшись до чужих воспоминаний?

– Как тебе сказал, милая... – прошептал в ответ Шевцов. – Это, конечно, не совсем она. Сама Ольга не смогла бы так говорить. Но она умеет чувствовать... И Лиут выражает словами ее чувства. А что касается воспоминаний... Думаю, что да, Лиут немного лукавит, получив доступ к чужой памяти. Однако вспомни, что говорила Ираида Леонардовна. Теперь Ольга всегда будет отождествлять себя с ней, с Лиут. Когда Лиут произнесла те слова, Ольга словно бы и сама «вспомнила» все то, о чем она говорила. Так что, при такой вот помощи Лиут, со временем личность Ольги действительно будет развиваться...

– Хм, получается, это будет что-то вроде раздвоения личности? – скептически заметила я.

– Пожалуй, да, – согласился Шевцов. – Впрочем, не могу сказать точно. Надеюсь лишь, что это пойдет на пользу обеим...

Уже потом, анализируя свои впечатления, я вспомнила, каким взглядом Ольга-Лиут (я их пока еще разделяю) посмотрела в нашу с Шевцовым сторону. Поскольку воспринимает она именно наши постельные эмоции, то у меня возникло подозрение, что со своим новым аватарским телом «тетушка» Лиут решила прописаться третьей в нашей постели. Подобными играми я никогда не увлекалась (и не собираюсь), и вообще до встречи с Шевцовым была девственницей, и поэтому даже и не знала, как реагировать на такую возможность.

У нас с Лиут получился классический треугольник из двух подруг, влюбленных в одного мужчину, причем ее любовь на первом этапе была индуцирована моей. Но драться мы с ней не будем, еще чего! Надо будет тактично намекнуть ей, что у нас, у людей, так дела не делаются. Шевцов, хоть к Лиут он относится с истинными теплотой и участием, тоже отнесся к

такой возможности резко отрицательно. Он мужчина и император, а не почетное переходящее знамя. Лиут, она же в нашем обществе совсем новенькая, и прежде чем заводить постельные знакомства, пусть использует свое новое тело для обычного знакомства и общения, и поучаствует в нем в Совете Графов. А уж потом, вместе с чувством, именуемым любовь, к ней придет и то, что мужчина и женщина делают вдвоем, оставшись наедине. Пусть все у нее будет так же, как было у меня с Шевцовым, и тогда она станет по-настоящему счастлива.

Часть 4. Пункт назначения

день 106-й, корабельное время 10:15, «Несокрушимый», рубка управления.

Владимир Владимирович Шевцов, полноправный, но еще не коронованный Е.И.В.

Если разгон до четырех процентов световой скорости с отрывом от центра местной гравитации (Солнца) – дело нудное и долгое, потребовавшее от нас двух земных месяцев, то межзвездный полет вышедшего в серию прыжков «Несокрушимого» – стремителен и неудержим. Прошло всего четверо земных суток с того момента, как мы первый раз ушли в гипер, а «Несокрушимый» уже покрыл расстояние в шесть тысяч световых лет, совершив для этого сто двенадцать прыжков. И вот теперь бледно-желтая горячая звезда класса F4 ярким бриллиантом светилась в трех сотнях астрономических единиц перед нами, четко выделяясь из россыпи окружающих ее звезд, которая была значительно плотней, чем у нас дома. Думаю, что на планетах этих звезд никогда не бывает настоящей темноты, ибо свет нескольких близлежащих звездных скоплений достаточно ярок, чтобы соперничать со светом полной луны. Что касается самого полета к этой звезде, то больше всего он был похож на слалом между опорными точками маршрута, который не должен приближаться к центрам притяжения – то есть к звездам – на расстояние меньше одного светового года.

Лиут, которая теперь общается с нами через тело своего аватара, сказала, что она бы так не смогла. В смысле разогнаться при отсутствии груза за сопоставимое время и покинуть сферу притяжения звезды – это всегда пожалуйста, но вот корректировки на промежуточных точках маршрута «Несокрушимый» делает чуть ли не на порядок быстрее, чем она. Большая масса корабля обеспечивает большую точность и быстроту определения позиций звезд посредством масс детектора, а планетарный привод большей мощности быстрее выводит корабль на новый курс. Но все равно тратить два месяца только на то, чтобы оторваться от звезды, мне кажется невиданным расточительством. С другой стороны, у нас дома все организовано почти так же. На большинстве авиационных маршрутов времени на полет тратится в разы меньше, чем на путь от дома до трапа самолета; и потом от того же трапа до пункта конечного назначения.

По этому вопросу мною в рубке управления было собрано особое

совещание, на котором, помимо меня и Вики, присутствовали командир корабля кап-раз Иванов, главный навигатор кап-раз Карандышев, главный инженер кап-два Анисимов, а также Кандид и Лиут в качестве экспертов. Мнение моих офицеров, к тому моменту уже изучивших техническую документацию и получивших опыт в первом практическом полете, было однозначным. Кап-раз Карандышев (главный навигатор) подошел к интерактивной плазменной панели и, иллюстрируя свои слова готовыми картинками и движениями световой указки, начал объяснять.

– Ваше императорское величество, Владимир Владимирович, – с легким кивком головы произнес он, – мы считаем, что, исходя из заданных ТТХ силовой установки, навигационного комплекса и джамп-генератора, есть возможность значительно сократить время покидания пункта отправления и, соответственно, прибытия в пункт назначения. В оптимальном варианте затраты времени на эти операции могут сократиться на порядок, то есть примерно в десять раз. Чтобы добиться такого результата, во-первых, необходимо перевести ограничители использования оборудования с четверти до трех четвертей от максимально допустимых нагрузок, во-вторых – изменить схему отлета или прибытия. Возьмем, к примеру, отлет из системы отправления. На первом этапе это разгон с максимально безопасным ускорением, вплоть до выхода на достаточную дистанцию от центрального светила, при которой возможен минимальный внутрисистемный прыжок на двадцать-тридцать астрономических единиц по вектору отрыва – то есть прямой линии, соединяющей местоположение корабля и предполагаемый центр массы центрального светила. Для Солнечной Системы, как для эталона расчетов, стартовым рубежом для первого внутрисистемного прыжка станет радиус середины пояса астероидов, которая может быть достигнута разгоняющимся «Несокрушимым» всего за одни земные сутки и восемнадцать часов. Рубежом прибытия в таком случае может являться позиция между орбитами Урана и Нептуна. С этой позиции, после навигационных изменений и корректировки вектора полета, которые потребуют еще несколько часов времени, может быть совершен следующий прыжок, уже в общем направлении, на конечную цель, который может иметь дальность до трехсот астрономических единиц. Конечным рубежом для второго прыжка должен являться зазор между внешней границей рассеянного диска и внутренней границей облака Оорта. Третий прыжок с этого рубежа, дальностью до двух световых лет, выводит нас в межзвездное пространство, откуда начинается собственно межзвездный полет. Общие затраты времени на отрыв от Солнечной Системы по этой схеме

сокращаются с шестидесяти до четырех суток, при этом нагрузка на оборудование не превышает максимально допустимых нормативов. При прибытии в систему назначения все действия должны производиться в обратном порядке...

– Во-первых, – скрипучим голосом произнес Кандид, – все это, конечно, красиво, но учтите, что такая схема использования оборудования приведет к его ускоренному износу – в первую очередь, планетарного привода и джамп-генератора, которые вы планируете постоянно эксплуатировать практически на боевых режимах. К тому же при частых прыжках с меньшим наводящим импульсом инерции возрастет нагрузка на операторов навигационного вычислителя, которых понадобится вдвое больше, или они начнут совершать вполне человеческие ошибки.

– Уважаемый Кандид, – ответил искину кап-два Анисимов (главный инженер), – мы тут посчитали, что даже при таком повышенном износе межремонтный интервал основного оборудования (которое можно отремонтировать только в заводских условиях) составит около пары сотен лет, и на этот же срок должно хватить ЗИПов ко всей прочей аппаратуре. Ваша империя построила очень хороший и мощный корабль, возможности которого по боевому применению могут и должны быть расширены, невзирая на некоторое увеличение степени износа.

– Мы знаем, что нам понадобится набрать дополнительных операторов, – добавил кап-раз Карандышев (главный навигатор), – и это не составит для нас никаких проблем, потому что требуемое количество людей в рамках программы подготовки резерва уже обучено. Добавив всего одну смену и изменив схему дежурства с четыре через восемь часов на два через шесть, мы добьемся снижения нагрузки на операторов, не сильно выходя за штатное расписание.

Командир корабля кап-раз Иванов посмотрел в мою сторону.

– Ваше императорское величество, Владимир Владимирович, – сказал он, – как я понимаю, в первое время, для того чтобы выжить и победить, нам надо будет постараться быть во многих местах одновременно, для чего придется метаться от звезды к звезде по схеме «Фигаро здесь, Фигаро там». При этом возможность значительно обходить противника на поворотах даст нам неоценимое тактическое преимущество.

Искин Кандид искусно имитировал тяжкий вздох.

– Сказать честно, – проскрипел он, – в Империи по предложенной вами схеме функционировали пассажирские лайнеры дальних коммерческих линий. При перевозке почты и пассажиров, особенно класса люкс, была важна скорость доставки, а также оборачиваемость

транспортных единиц, а не мелочная экономия на износе оборудования и окладах навигационного персонала...

– Скажите, Кандид, – спросил я, – а эта инструкция о тотальной экономии на всем пришла, случайно, не из ведомства Главного Казначей, которому захотелось подсократить расходы на всем чем можно?

Кандид чисто по-человечески пожал плечами и кивнул.

– Да, – подтвердила голограмма, – и игнорировать ее разрешалось только в секторах, объявленных на военном положении, а то нередко были случаи, когда адмирал на тыловой базе отправлял крейсер якобы в патрулирование, а на самом деле в соседние системы за знаменитым Лайгсбургским пивом или же Имранскими солеными колбасками. Для личного, так сказать, пользования.

– И господин казначей решил перегнуть палку в другую сторону, – кивнул я, – ну что же, нас его указания по известным причинам не касаются. Так что, Кандид, переписывайте свои инструкции, а вы господа-товарищи, с учетом уже набранного нами момента инерции, рассчитайте подход к системе Нового Рима в таком режиме, чтобы их диспетчеры планетарной обороны спохватились как можно позже. Мне нужен молниеносный удар с захватом застигнутой врасплох орбитальной станции, а не демонстрация огневой мощи с ее тотальным разрушением.

Сидевшая рядом со мной аватарка Лиут глубоко вздохнула. Теперь, когда она могла говорить с помощью тела Ольги Колоковцевой, она предпочитала общаться вербально, а не с помощью телепатограмм, как прежде. Ведь эти телепатограммы «слышали» только мы с Викой, и никто больше; а слова, произнесенные голосом аватарки, были доступны всем. И вообще, к юной Ольге-Лиут, рассекающей по коридорам «Несокрушимого» в повседневном обтягивающем трико маркграфских цветов, давно все привыкли. После того как Вика серьезно с ней поговорила, Лиут оставила затею немедленно уложить меня в свою постель, впрочем, не бросилась она и во все тяжкие с первыми встречными парнями. Вместо этого она окунулась в общение, в первую очередь с нашими старшими офицерами, но не обходя своим вниманием и старшинско-рядовой состав Корабельной Службы. Как она сама однажды призналась, больше всего на свете Корабли любят пообщаться, а тут возможности общения для Лиут было хоть отбавляй.

С профессиональной точки зрения, и для командира, и для навигаторов, и даже для инженеров дружески настроенный Корабль – это очень интересный собеседник. Ведь они все бывшие моряки, а она в космосе с первого своего проблеска сознания, когда ее сферу обеспечения

подключили к тренажеру и начали учить летать в космосе. А еще Вика сказала, что, общаясь с умными и интересными мужчинами, Лиут ждала, пока на кого-нибудь из них отзовется не только ее жаждущий феерических сексуальных ощущений мозг, но и душа Ольги. Ведь это было ее именно тело, и Лиут хотела, чтобы ее аватарка разделила с ней все счастье и радость соития с любимым мужчиной. Вот так – сначала любовь, а потом уже все остальное...

Сама же Ольга, когда не находилась под управлением Лиут, показывала стремительный прогресс в интеллектуальном развитии. Родители Ольги уже научились отличать, когда она просто Ольга, а когда Лиут-Ольга, и не могли нарадоваться на то, какой становилась их дочь. На первых порах прогресс шел чуть ли не день за год, потом, правда, он замедлился, но все равно разница была разительной. Сейчас, когда после операции чипирования прошло чуть больше пятидесяти дней, ум Ольги с уровня трехлетнего ребенка поднялся до уровня примерно десятилетней девочки. Сама Лиут достаточно туманно говорила, что ей удалось устранить некое «зацикливание», и теперь даже без ее помощи Ольга сможет жить вполне обычной жизнью.

Ускоренно выучившись читать при помощи гипнопедии, в свободное от основной работы время Ольга пристрастилась к чтению, а вместе с ней к этому занятию пристрастилась и Лиут, которая научилась тихонько входить в Ольгу ровно настолько, чтобы воспринимать прочитанное, но при этом никак не мешать Ольге наслаждаться процессом чтения. Мир русских сказок: Иван-царевич, Добрыня Никитич, Алеша Попович, Илья Муромец и прочие русские богатыри, а также Василиса Прекрасная и Премудрая вкуче с Аленушкой и братцем ее Иванушкой, с которых Ольга начала свое культурное самообразование, просто очаровали падкую на сильные эмоции светлую эйджел, в свое время лишенную того, что люди зовут детством. Потом пошли вещи посерьезней – вроде произведений господин Дюма, которые Ольга, точнее, уже Ольга-Лиут, глотала книгу за книгой. Так, шаг за шагом, не только Лиут влияла на Ольгу, но и Ольга на Лиут, и вместо раздвоения личности стало вырисовываться что-то двуединое, похожее на ментальных сиамских близнецов, а о любовях – что для Ольги, что для Лиут – было забыто, по крайней мере пока, до завершения процесса взросления. Впрочем, об этом поговорим несколько позже, а пока вернемся к тому совещанию, которое происходит в рубке управления.

Как я уже говорил, аватарка Лиут глубоко вздохнула и повернула голову в мою сторону.

– Мой дорогой император Шевцов, – проворковала она, – если ты

хочешь захватить орбитальную станцию на За-о-Дешт-4 в максимально неповрежденном состоянии, то думаю, что я смогу тебе помочь. Ведь я Корабль, имеющая законную регистрацию Совета Кланов и, более того, неоднократно бывавшая в этом месте и при прежних, и при последних своих хозяевах. Если я, имея на борту ваш десант, войду в систему и, как обычно, дам свои позывные, то никто ничего не заподозрит, и я смогу спокойно пристыковаться к станции, чтобы начать ее захват. Только боюсь, что в любом случае пройдет достаточно много времени, прежде чем вы сможете прийти нам с десантом на помощь, и, быть может, нам всем придется умереть. Ведь для того, чтобы сохранить маневренность, я смогу взять на борт не больше пяти-шести сотен ваших Железнобоких, а на станции очень сильный гарнизон из примерно полутора тысяч хуман-горхских гибридов – а эти твари гораздо сильнее и опаснее, чем обыкновенные горхи...

Мои офицеры переглянулись. Хрупкая фигура аватарки Лиут и сказанные ею решительные слова явно диссонировали друг с другом. Я видел, что эти седые волки с еще советским прошлым явно приняли какое-то отчаянное решение. Первым, от лица всех, заговорил командир «Несокрушимого» кап-раз Иванов.

– Я думаю, ваше императорское величество, – сказал он, – что мы должны несколько изменить план госпожи Лиут. В систему надо входить со стороны темной зоны (прикрываясь звездой) – сперва она, а потом уже и мы. При этом пусть Лиут не только подает свои позывные, но и голосит на всю систему о том, что ее преследуют пираты. Когда мы выйдем из-за звезды, системы наблюдения вряд ли сумеют нас разглядеть, ослепленные ее излучением, а когда разглядят, то будет уже поздно. В местных справочниках мы не числимся, и это вызовет дополнительную сумятицу. Пользуясь своим положением спасающейся от разбоя, Лиут первой беспрепятственно пристыковывается к станции и выбрасывает на нее авангард десанта, главной задачей которого будет отключить защитное поле. И нам, чтобы прийти на помощь ей и десанту, понадобится не несколько суток, а всего пара часов, на протяжении которых ребята из авангарда, несомненно, продержатся. Самое главное, чтобы они отключили защиту.

– Это хороший план, мой милый Виктор Игоревич, – воскликнула Ольга-Лиут, – это очень хороший план. Так мы все останемся живы, а враг будет разбит и посрамлен. Я даже не могу сказать, как я этому буду рада. Мой клан будет побеждать, а враг униженно будет молить о пощаде.

– Лиут, – сказал я, – ты действительно этого хочешь? Ведь это может

быть для тебя опасно, поскольку твой корпус совсем не приспособлен к бою, и даже орудия ближней самообороны способны тебя очень сильно повредить...

– Мой милый и дорогой император Шевцов, – воскликнула Ольга-Лиут, – разве же я могу стоять в стороне, когда ты испытываешь трудности, которые я могу для тебя разрешить? Какая же я тогда маркграфиня, если не выступлю вместе с тобой в поход, в тот момент, когда ты нуждаешься в моей помощи? Ведь я часть твоего великого клана, плоть от его плоти и кровь от его крови, и все мы должны быть один за всех и все за одного.

– Тогда быть посему, – ответил я, серьезным взглядом окинув своих офицеров, – ответственный за исполнение общего плана – капитан первого ранга Иванов. Командовать авангардом десанта будет подполковник Седов, и задачу ему я буду ставить лично. На этом все; госпожу Лиут мы с императрицей попросим пройти с нами, а все остальные могут продолжать исполнять свои служебные обязанности.

день 106-й, корабельное время 12:15, «Несокрушимый», императорский салон.

командующий десантно-штурмовым корпусом, генерал-майор Императорской Гвардии Виктор Данилович Седов (47 лет)

– Итак, Виктор Данилович, – говорит мне Володька, – командованием, то есть мной, перед вами поставлена чрезвычайно ответственная задача...

Да уж, командовать авангардом, который высаживается на хорошо защищенную вражескую территорию из-под прикрытия – это что-то с чем-то. Усиленный штурмовой батальон против аналогично вооруженного и обученного полка противника, бойцы которого к тому же обладают просто выдающимися физическими кондициями.

– Только учтите, Виктор Данилович, – добавил перчика Володька, – если, как говорит Лиут, вашими противниками буду горхо-человеческие гибриды, то драться вам придется в основном с бабами, то есть с девками. Мужиков (то есть, в местной терминологии, самцов) в первом поколении гибридизации едва хватает на занятие сержантских должностей. Если по вооружению вы будете с ними примерно на равных, а по физическим кондициям они вас будут резко опережать, то в области защиты преимущество целиком будет на вашей стороне. Дело в том, что на ваших латах установлены генераторы персональных защитных полей, а эйджел такой технологией так и не овладели, поскольку это чисто имперская заморочка. Так что у вас будет возможность расстреливать противника в упор из-за прикрытия, почти непробиваемого для его оружия.

Володька порылся у себя в планшете и извлек оттуда несколько

прямоугольных листов пластика, которые придвинул в мою сторону.

– А теперь полюбуйте, – сказал он, – извлечено из памяти Лиут, которая запомнила их по своему последнему посещению станции.

М-да, кино и немцы... Рослые, под два метра, мускулистые девицы с комплекцией Шварценеггера, особенно в плечевом поясе, из-за перекачанности которого голова у них, как и у их мамаш, торчит немного вперед. Нормальная такая голова, вполне человеческая, без низкого лба и специфического овала лица, как у чистокровных горхинь. Нижняя челюсть тоже была вполне человеческой, с подбородочным выступом и ямочкой. Правда, общее впечатление несколько портил перешедший по наследству с материнской стороны огромный румпель с горбинкой, резко диссонирующий с вполне русскими по виду толстыми косами самых разнообразных светлых оттенков – от платиново-белого до огненно-рыжего.

Все остальные части тел этих девиц тоже были весьма впечатляющими, мускулистыми, накачанными и хорошо видимыми, потому что одежды на этих девицах в их повседневном виде имелся самый минимум и состоял он из сандалий с ремешками, обвивающими икру, широкого наборного металлического пояса из блях, на котором висят: нож, легкое табельное оружие вроде пистолета и разного рода подсумки, наверное, с боекомплектom и нужными по жизни вещами. Также к поясу крепился маленький передник, или даже юбочка до верха бедра с разрезами по бокам, прикрывающая спереди интимное место, а сзади ягодицы. Выше пояса, если не считать кожаных ремней портупеи, бойцовые девицы были полностью обнажены и шикавали огромными грудями полусферической арбузообразной формы и длинными мускулистыми руками, кисти и запястья которых были украшены перчатками с обрезанными пальцами, переходящими в браслеты-напульсники. Ну, чисто скандинавские валькирии, для полного впечатления не хватает только рогатых шлемов, круглых щитов и больших двухсторонних секир. С одной стороны, выглядят охранницы станции весьма угрожающе, а с другой стороны, даже как-то жалко будет убивать такую красоту. На нашей стороне эти девицы тоже смотрелись бы весьма к месту. Это я говорю вам, как специалист.

Насколько я понял пояснения сидевшей рядом со мной аватарки Лиут, в таком полуголом виде полугорхини несли полицейскую службу в причальных секторах и сопровождали разного рода должностных лиц станции – вроде пограничников и таможенников. Тяжелое вооружение и полные доспехи при такой службе как-то и не нужны. Тем более что тропические условия температуры и влажности, которые повсюду

устанавливают теплолюбивые эйджел, всех остальных (и в первую очередь крайне массивных горхов и их метисов) вынуждают ходить чуть ли не голышом. Этот одежный минимализм увеличивал наши шансы застать гарнизон станции со спущенными штанами, что было очень хорошо, но меня никак не оставляла мысль о том, чтобы сохранить жизни хотя бы части этих красоток, чтобы впоследствии переманить их на нашу сторону.

– Это исключено, – покачала головой аватарка Лиут, – они все без исключения чипированы еще в раннем возрасте и, по сути, их мышление – это производная от мышления мозга станции. Индивидуальные особенности, конечно, имеются, но в боевой ситуации они подавляются имеющими приоритет командами мозга станции. Ольга, которую я веду, даже под чипом имеет в тысячу раз больше личной свободы, чем эти боевые биороботы в женском обличье, потому что я для нее подруга и любимая старшая сестра, а мозг станции для своих защитниц – это суровый или даже жестокий начальник, беспощадно карающий своих реципиенток за любые ошибки. Иногда эта кара приводит к инсульту, в результате которого реципиентки или умирают, или становятся идиотками, что, по сути, одно и то же.

– Ну как же их можно карать за ошибки, – спросил я, – если они в любом случае находятся под прямым и непосредственным управлением этого самого мозга станции?

Аватарка Лиут вполне по-человечески пожала плечами.

– Наши эйджел думают иначе, – сказала она, – они отдают приказ, и если его исполнение не привело к требуемым результатам, то, безусловно, виновной в этом будет считаться реципиентка. Поэтому даже если у защитниц станции и возникнет желание перейти на нашу сторону, оно еще в самом зародыше будет подавлено болевыми импульсами. Любое неисполнение приказа будет наказано, даже если в это время защитница будет валяться в отключке после заряда парализатора. И даже оборудование по постановке помех управляющим сигналам, о котором мне как-то рассказывал Кандид, сможет значительно дезорганизовать сопротивление и поможет вам захватить станцию, но не спасет защитниц от наказания, потому что посылаемые на чип болевые импульсы очень трудно заблокировать таким образом.

– Да, – сказал Володька, – мне тоже не по душе убивать тех, кто идет в бой под принуждением, и императрица придерживается того же мнения. Интересно, а что по поводу этой станции может сказать наш дорогой Кандид?

– Про эту конкретную станцию ничего, Ваше Императорское

величество, – хмуро сказала материализовавшаяся голограмма, – первый неоримский император Феликс Максимус, чтобы не возиться, приказал своим адмиралам разнести ее на атомы – то есть поступил так, как вы поступать не хотите ни при каких обстоятельствах. Что касается других похожих случаев, могу сказать, что хороший эффект может дать уничтожение или паралич главного управляющего центра. В первом случае получится так, что станция будет висеть на орбите целехонькая, но жизни на ней не будет, ибо злодеи эйджел злобно игнорируют автономное резервирование. Погаснет освещение, прекратят работать механизмы регенерации воздуха и поддержания приемлемой температуры, в трубах остановится вода, а все чипированные (включая и охрану), завязанные на этот управляющий центр, упадут в обморок. В итоге умрут все, кто не сумеет эвакуироваться за те несколько часов, пока на станции еще будет сохраняться комфортная для жизни температура и пригодная атмосфера. Во втором случае управление всеми функциями* станции, в том числе и управление охраной, будет парализовано на срок от двух до шести часов – смотря по тому, какая мощность будет применена и настолько узко удастся сконцентрировать парализующий луч.

Примечание авторов: * Кандид немного ошибается. Функции управления системами жизнеобеспечения завязаны на безусловные рефлексы мозга станции и поэтому в случае утраты им сознания практически не пострадают, только освещение перейдет на экономный аварийный вариант. Вот вооружение, защитные поля и чипированная охрана из хуман-горхских метисок вырубятся в обязательном порядке.

– Второй вариант нам подходит, – сказал Володька, – но только что нам делать потом, когда через положенное время мозг станции очнется от паралича и снова примется оказывать нам сопротивление.

– Чтобы это предотвратить, – ответил Кандид, – нужно будет, воспользовавшись всеобщим параличом, пробраться в цитадель к этому самому центру управления и вручную отключить у него нервные окончания, ведущие к внешним устройствам, в том числе ментальным усилителям, защитным полям и вооружению. Если в управляющей схеме не предусмотрена управляющая свитч-панель, механически блокирующая доступ мозга, то саперную лопатку или ее аналог вроде лазерно-силового резака еще никто не отменял. Хотя я сомневаюсь, что вам придется идти на такие крайности, ибо в отличие от Кораблей, на Станциях «оборудование» главного управляющего центра заменяют достаточно регулярно, потому что срок жизни станции многократно превышает срок эксплуатации корабля, а за это время несколько раз успеет состариться даже законсервированный

мозг злодеек-эйджел. Вот такие как мы, саморегулирующиеся и саморемонтирующиеся биоэлектронные искины, могут служить почти вечно. Компания «Una Electronic Corporation», которая спроектировала и произвела набор биоэлектронного оборудования для «Несокрушимого», дает гарантию безаварийного функционирования на срок, сопоставимый со сроком существования Вселенной...

– Да ладно тебе, электронный хвастунишка, – махнул рукой Володька, – не зарекайся, ибо ничто не вечно под Луною. И вообще, гарантию в нашем военном деле может дать только Господь Бог. Одним словом, мы принимаем за основу твои изменения к плану. Сразу после швартовки Лиут наносит удар из бортового стационарного парализатора в район размещения мозга Станции, после чего Виктор Данилович выбрасывает десантную группу, которая пробьется к этому самому управляющему центру и, пока он в отключке, отрежет все, что необходимо отрезать. Потом к станции подходит «Несокрушимый» и высаживает на нее основной эшелон десанта, после чего сражение можно считать выигранным...

– Но, мой дорогой император Шевцов... – растерянно сказала вдруг аватарка Лиут, – у меня же нет бортового стационарного парализатора...

– Нет – значит, будет, – отрезал Володька. – Возьмем одну штуку вместе с поворотной турелью и накопителями из ЗИПов «Несокрушимого» и поставим тебе. Я решил, что там она будет нужнее! Ради твоей же собственной безопасности в качестве оружия личной самообороны.

– Хорошо, мой дорогой, – сказала Ольга-Лиут, опустив глаза, – я благодарна тебе, что ты заботишься о моей безопасности. Только должна предупредить, что даже после того, как из строя выйдет вся чипированная охрана, сопротивление отнюдь не иссякнет. Кроме штатных чипированных охранниц, завязанных на мозг станции, существуют еще телохранительницы пребывающих на станции матрон и отряды свободных наемников-хумансов, которые время от времени тоже входят в ее гарнизон. Если чипированная охрана матрон, скорее всего, будет сражаться с вами насмерть, то наемники, особенно франконцы, поняв, что битва проиграна, предпочтут капитулировать под гарантии личной безопасности. Героев среди них нет.

– Знакомая картина, – сказал я, – но меня беспокоит один вопрос. Лиут, никто из нас не представляет себе, как может выглядеть то, что нам предстоит отключить...

Аватарка Лиут тяжело вздохнула.

– Мой дорогой Виктор Данилович, – сказала она, – для того, чтобы

помочь в этом вопросе, я пошлю с вами Ольгу. Через нее я смогу давать вам советы. Поэтому иногда, когда мне понадобится быть в другом месте, она будет просто Ольга, а иногда Ольга-Лиут. Но только вы берегите ее, пожалуйста. Хотя она никакая не маркграфиня, а просто обыкновенная девушка, которая недавно была меньше, чем ничто, все равно она уже стала самой ценной частью меня, и мне было бы жаль ее потерять. Когда она без меня, она еще такая наивная и беспомощная, как маленький детеныш.

– И вообще, – сказал Володька, – Лиут – в смысле, и как Корабль, и как личность – тоже не должна пострадать ни в коем случае. Так что, товарищи, готовьтесь к этому делу по полной программе, благо до входа в систему по новому графику полета есть еще около десяти дней. Удар будет внезапным, жестоким и неотвратимым, не считая, разумеется, того, что после него должны остаться не только трупы, но и будущие наши подданные. У меня по этому поводу тоже есть некоторые мысли, которые я пока не буду озвучивать. Сначала надо проверить, созрел ли еще один интересный плод, или его требуется еще немного потрясти. В случае если все срастется, у вас будет приятное дополнение, а если нет, то и без него неплохо.

На этом совещание было закончено, и мы разошлись, теряясь в догадках, что это за такой плод, который для созревания требуется трясти, и каким боком он относится к выполнению нашего задания, являясь к нему приятным дополнением.

день 106-й, корабельное время 14:05, «Несокрушимый», императорский салон.

Курсант-тактик Зейнал – бывшая матрона клана темных эйджел «Багряные листья»

Вызов к предводителю клана для Зейнал был подобен грому, внезапно разразившемуся в безмолвной космической пустоте. Дни, прошедшие с момента принятия побежденных темных эйджел в клан победителей хумансов, были для Зейнал далеко не самым легким временем. Она училась жить по-новому, ломая себя на каждом шагу, ибо принесенная клятва в том, что, войдя в клан хумансов, она будет подчиняться всем его правилам, для темной эйджел была дороже самой жизни. Тяжелее всего Зейнал было приучить себя постоянно носить одежду, в том числе и нижнее белье, и каждый день мыться в душе. Но правила оказались неумолимы, и бывшей матроне пришлось блюсти их. Еще она училась подчиняться. Здесь, в клане хумансов, она стояла почти в самом низу социальной лестницы, ниже ее были только признанные уже пеоны, от которых никто ничего уже не требовал, ибо что можно требовать от людей, чей удел – грязный

неквалифицированный труд.

Зато каждый успех в профориентации и обучении хоть немного повышал ее статус, и тем был по-настоящему ценен. Профориентацию она прошла на свое удивление легко и получила распределение для обучения на помощника офицера-тактика. Этому способствовали быстрота мышления и точность интуитивного анализа, и вообще, все же не зря в своем клане именно она стала матроной, а не какая-то иная из ее сестер. Тогда-то Зейнал и объяснили, что корабельный состав – это элита клана (империи), а офицеры-тактики, навигаторы, а также пилоты шаттлов и истребителей – это элита корабельного состава. И вот тогда возрадовалось ее сердце, потому что эйджел не только верны своему слову, но еще и очень тщеславны. В принципе, все взрослые или подростки, составлявшие ранее бывший клан «Багряных листьев» были аттестованы достаточно высоко, ниже уровня пилота транспортного шаттла не опустилась ни одна из ее сестер.

А вот обе дочери Зейнал оказались моложе возраста профориентации, впрочем, на их судьбе это особо не отразилось. Они тоже поклялись быть как все, и поэтому старшая Наиб сейчас готовилась к тому, чтобы войти в свою возрастную группу в школе, а младшая Сэрил вместе с хумансами ее возраста в специальном заведении для юных детенышей постигала премудрости жизни в большом коллективе. При этом, когда Зейнал позволили навестить ее младшую дочь, она к своему превеликому удивлению, нашла ту в самой середине большой веселой кучи-малы. Детишек хумансов не смущал ни цвет кожи их новой подружки, ни хвост, ни другие расовые особенности. Они играли, и им было весело. Увидев Зейнал, Сэрил ракетой вырвалась из этой кучи и, голося на двух языках (гипнопедия рулит): «Мамочка, мамочка, мамочка, мамочка пришла» – сломя голову кинулась к самому дорогому для себя существу во Вселенной. Все же дочерняя любовь заложена у эйджел в инстинктах, и в основном является тем цементом, который скрепляет Клань изнутри.

Две молодые женщины-воспитательницы, присутствовавшие в этот момент в игровой комнате, окинули взглядом одеяние, оценили темно-синий комбинезон корабельного состава, курсантские нашивки (будущий офицер) и шеврон тактической группы, и решили не вмешиваться, несмотря на небольшое нарушение существующего распорядка. Тем более что неожиданная визитерша поприветствовала их кивком головы, что с ее ростом выглядело несколько надменно, с ужасающим акцентом, но все же вполне приятно поздоровалась, а потом, сложившись вдвое, бухнулась на колени, принимая в свои объятия маленькое счастливо визжащее существо.

Материнская любовь, в конце концов, священна, неважно кто перед вами – женщина-человек, обнимающая своего ребенка, или же темная (или светлая) эйджел. Вдоволь натискавшись с Сэрил, Зейнал поднялась на ноги и с достоинством протянула воспитательницам пластиковую карточку, в которой было сказано, что в поощрение за хорошую учебу и поведение курсанту Зейнал разрешаются встречи с дочерью в любое дневное время по ее выбору. Печать и подпись офицера-инструктора.

Очень долго Зейнал не могла решиться сойтись с кем-нибудь из самцов хумансов, чтобы познать ранее запрещенные и потому неизвестные для нее удовольствия тела. И это при том, что квартировавшие по соседству светлые эйджел, ранее бывшие ее пленницами, вертели такие дела напропалую, ни разу не оставаясь на ночь в одиночестве. У некоторых из них были постоянные партнеры, другие меняли своих самцов чуть ли не по два раза на дню, но у всех светлых на наглых бесстыжих белых мордах лежала печать получаемого регулярно удовольствия, как у постоянно обжираться сметаной кошек. И это выражение появилось на их лицах не просто так. Когда Зейнал первый раз попробовала самца хуманса, она потом целый день ходила на трясущихся, подгибающихся ногах, что не помешало ей в тот же вечер повторить эксперимент все с тем же хумансом. А потом еще раз и еще. Тогда она окончательно поняла, почему Совет Кланов категорически запрещал такие отношения. Любая железная матрона после такого потеряет тонус и превратится в мурлыкающую ласковую кошечку.

При этом Зейнал понимала, что с обычной человеческой точки зрения эти отношения были крайне несерьезными, потому что базировались исключительно на голом сексе, без всяких намеков на проявление эмоциональной теплоты. Что поделаешь, всякие эмоциональные вычурности – это дело светлых эйджел, а удел темных – суровая простота. Но даже при отсутствии душевной теплоты такие контакты неизбежно влекут за собой рождение метисов. В цивилизации эйджел такие вещи были категорически запрещены. Для самих эйджел была разрешена только гибридизация между собой, а для горхов и сибхов – исключительно с целью получения чипируемых боевых и рабочих гибридов, наследующих массогабаритные характеристики матерей и интеллект отцов. Собственно, Зейнал и решила-то на такую связь только после того, как выяснила, что то, кого она родит и от кого, в новом клане является исключительно ее личным делом. Рождение метисов даже приветствуется, а если она сама не захочет воспитывать своего ребенка, то эту обязанность возьмет на себя клан (то есть Империя).

Но, как уже говорилось выше, все эти проблемы показались уже частично адаптировавшейся Зейнал сущей мелочью по сравнению с вызовом к Предводителю, тем более что ни наказывать, ни награждать ее было пока что не за что. В последний раз, когда она была в Правительственной Зоне, ее вели в эту запретную для большинства часть корабля под конвоем; теперь же, ее личный браслет, настроенный на вызов, сам открывал перед ней ранее намертво закрытые двери. Возможно, что в этот момент, когда она шла по тихим коридорам, Зейнал впервые за время своего пребывания на «Несокрушимом» смогла отбросить в сторону текущую суету сует и осознать, насколько изменилось ее отношение к себе и окружающему миру, и в первую очередь к хумансам, среди которых она вынуждена теперь жить. Ее больше не раздражают их улыбки с обнажением зубов, приземистые и даже у самок гипертрофированно мускулистые фигуры, их громкий смех и белая кожа, как у этих гордячек светлых... хотя любой хуманс в тысячу раз лучше, чем эти спесивые бледнолицые лицемерки.

А остановившись перед дверью в императорские апартаменты, бывшая матрона клана «Багряных листьев» вдруг ощутила такое же трепетное чувство, как и в далекой юности, когда она, уже взрослая, но совсем молодая темная эйджел входила в каюту своей великой матери, матроны ее клана. Ну умеет император Шевцов расположить к себе людей и не совсем людей, этого у него не отнять... Как там говорил искин Кандид: «Императорская харизма – великое дело!»

Предводитель и его юная Матрона сидели рядом вдвоем за столом и смотрели на вошедшую Зейнал. Предводитель сурово, а матрона – с легкой одобряющей улыбкой. Серо-стальная аура власти над головой Предводителя с прошлого раза значительно усилилась и стала плотной, почти осязаемой, с одного края смешиваясь с исходящей от Матроны Аурой Любви и Милосердия, в которой розовые сполохи перемешивались с голубыми. Видеть такие вещи способны любые эйджел, а не только эти светлые гордячки.

Как и в прошлый раз, при виде Предводителя Зейнал попробовала было опуститься на колени, но тот сделал раздраженный жест, запрещающий это движение, а Матрона, слегка улыбнувшись, попросила Зейнал сесть на особый, самоподстраивающийся по высоте стул, специально ради этого стоящий перед столом, за которым заседала Правящая Чета. В конце концов, тут, на этом месте мог очутиться и кто-то с габаритами сибхи. Зейнал сама видела на борту «Несокрушимого» самок хумансов таких размеров, и, что самое удивительное, к настоящим сибхам

не имеющих никакого отношения.

– Я вижу, уважаемая Зейнал, – полувопросительно, полуутвердительно произнес Предводитель, – что ты выглядишь вполне благополучно, а, значит, уже освоилась в нашем обществе...

– Да, Ваше Могущество, – ответила Зейнал, склонив голову и испытывая непроизвольное желание сползти со стула на пол и утвердиться на коленях, – у меня все хорошо и я крайне благодарна за проявленную ко мне милость.

– Замечательно, Зейнал, – удовлетворенно произнес Предводитель, – что ты всем довольна. Помнишь, некоторое время назад, на этом же самом месте, я говорил тебе о том, что ты будешь первой, но отнюдь не последней?

– Да, Ваше Могущество, – подтвердила Зейнал, – помню.

– Сейчас, – сказал Предводитель, – мы приближаемся к системе За-о-Дешт. Первая наша задача – это захват орбитальной станции, оборачивающейся вокруг четвертой планеты этой системы. Что ты можешь сказать про это место, в первую очередь о мозге этой Станции?

– Мозг Станции За-о-Дешт-4, – ответила Зейнал, – это старая, сварливая, злобная темная эйджел, как и положено нашей расе в преклонном возрасте. В последний наш визит поговаривали о необходимости ее замены, в связи с тем, что она слишком сурово относится к чипированному живому инвентарю, в результате чего темные кланы, владеющие этой станцией на паях, начали проявлять недовольство дополнительными материальными издержками...

– Так может, ее уже заменили? – предположила Матрона.

– Да что вы, Ваша Милость, – покачала головой Зейнал, – вы просто не знаете нас, эйджел. Если нет ничего срочного, то такие разговоры могут вестись много циклов подряд, да и сам процесс изготовления тоже не самый скорый.

– Хорошо, – сказал Предводитель, – в любом случае мы собираемся оставить ее в живых. Другой вопрос в том, удастся с ней договориться или придется действовать исключительно грубой силой...

Зейнал сделала рукой отрицательный жест.

– Договориться не удастся, – уверенно сказала она, – в отличие от матрон кланов, которым всегда есть что терять, припертый в угол мозг станции, особенно находящийся в таком сомнительном положении, уже не будет искать для себя путей отступления.

– Очень хорошо, – кивнул Предводитель, – мозгом Станции займется штурмовая группа, и будем надеяться, что все обойдется без инсульта или

каких еще неприятностей. Ты мне, Зейнал, теперь лучше расскажи о кланах-владельцах и о том, удастся ли уговорить их матрон не доводить дело до всеобщей кровавой мясорубки? Разумеется, уговорить на твоём собственном позитивном примере.

– Ваше Могущество, – немного самодовольно спросила Зейнал, – вам понравилось иметь дело с темными эйджел?

– Понравилось, – немного уклончиво кивнул Предводитель, – и не только с вами. Запомни, каждый может оказаться незаменимым, если его применять на особом, только для него созданном месте. Но сейчас я хочу говорить с тобой не об этом. Только ты, и больше никто из нас, можешь взять на себя эти переговоры и помочь избежать ненужного кровопролития. Только от тебя зависит, погибнет ли множество народу, включая эйджел, хумансов, горхов, сибхов и их гибридов, или останется жить.

Услышав это «из нас», Зейнал рывком выпрямилась на своём стуле.

– Да, Ваше Могущество! – почти выкрикнула она, – я возьму на себя это дело и сделаю его настолько хорошо, насколько смогу. А если мне будет суждено погибнуть, то прошу считать меня...

– ... имперской гражданкой первого класса, – закончила фразу Матрона, – Если ты погибнешь, Зейнал, то Империя оплатит твои долги, воспитает и даст образование твоим детям, увековечит твою память на аллее Славы и жестоко отомстит твоим убийцам по принципу – око за око, зуб за зуб и жизнь за жизнь.

день 112-й, корабельное время 10:05, «Несокрушимый», зал шаттл-симуляторов.

бывшая 1-й лейтенант Карен Уилсон.

Пятьдесят дней прошло с тех пор, когда мы, пятеро американцев, стали солдатами русской галактической империи. Это кажется полным безумием, но альтернативой этому шагу было списание в пеоны. Я, например, себе такого не пожелала, и все остальные тоже. На так называемом «курсе молодого бойца» мы узнали много интересного и шокирующего. Мир в наших глазах перевернулся и встал с головы на ноги. И Чужой оказался не Чужим, и эльфы не эльфами, и русский диктатор оказался императором. Правда, для нас, американцев, прирожденных демократов, между этими двумя «титулами» нет почти никакой разницы. Несолідный он какой-то, император Шефцф, молодой и несерьезный, а его жена-императрица и вовсе выглядит почти как выпускница старшей школы. Но местные русские императорскую чету очень уважают, и если говорить про императора Шефцфа и его жену гадости, то можно огрести множество разнообразных неприятностей, начиная от мелких в личной

жизни (вроде зуботычины от первого встречного), кончая крупными по службе (вплоть до списания в пеоны).

Меня-то Бог миловал – язык я, как правило, держу за зубами, а уж злословить попусту вообще не имею привычки, а вот наш умник мистер Ньюмен чуть не влип по самые уши. Забыл, что тут везде камеры и микрофоны, и завел в раздевалке душевой с Полом скользкий и грязный разговор. Мол, императрица совсем молоденькая, а император взрослый мужчина, нет ли в этом чего-то такого особенного. И разговор был вполне на грани приличия, вовремя Пол сумел остановить этого дурака, и свидетелей там, кроме них двоих; не было, но на следующий день Ньюмена вызывает наше начальство, кэптэн Карпофф – и сходу тресь его кулаком по роже. Потом еще раз, и еще. За глупость и пошлость. Оказалось, что если дать делу официальный ход, парня могли тут же за нелояльность и оскорбление величества списать в пеоны и припахать куда угодно, если не хуже, а так... как говорят русские: «пьяный проспится, дурак – никогда».

Хорошо хоть профориентацию мы все прошли достаточно успешно, за исключением Пола, которого вместо техслужбы направили в штурмовую пехоту, к самым отчаянным головорезам. Здоровенный, говорят, парень, кулаки размером чуть ли не с голову – и в техники? А не жирно будет? В штурмовой пехоте тоже нужны люди, которые шарят в технических вопросах.

Но профориентация профориентацией, а летать на транспортном шаттле (даже на симуляторе) оказалось нелегким занятием, гораздо сложнее, чем на «Чинуке». У меня лично семь потов сошло, тем более что наработанные вертолетные рефлексy помогали только в фазе взлета и посадки, и то не до конца. В некоторых случаях рефлексy только мешали. Антигравитационные импеллеры – это все же не воздушный винт, воздушной подушки не создает, и из-за этого все учебные посадки у меня выходили жесткими, на грани аварии. Оуэн так вообще несколько раз умудрился размазаться насмерть, включая тот случай, когда он, не сбрасывая скорость, воткнул свой шаттл в атмосферу планеты на второй космической скорости под углом семьдесят градусов, ковбой чертов. Будь это настоящий полет, конец был бы страшным. Защитные поля уберегли бы шаттл и людей внутри от перегрева, но, увеличив во много раз лобовое сопротивление, вызвали бы стремительное торможение и чудовищные перегрузки, которые не в состоянии была бы погасить система гравикомпенсации.

Когда мы только пришли новичками, обучение первого русского потока было в разгаре, и мы с ними почти не пересекались, а вот уже почти

одновременно с нами на наш поток поступили несколько хвостатых афроэльфиек. Заносчивые сучки, хотя нос задирать им совсем не требовалось, они и так минимум на две головы были выше любого из нас. Так вот, к нашей превеликой зависти, то, что нам давалось изнуряющими тренировками, афроэльфийки добивались играючи, легко и свободно. К тому же мы узнали, что именно они (точнее, подчиненные им гориллоиды горхи) и устроили нападение на наш «Чинук», в результате чего мы оказались в столь глубокой заднице. У Оуэна, у которого так ничего и не получалось, опять вскипел его возмущенный разум – точнее, та аморфная масса, которая восполняет его отсутствие, а Пола рядом не было, и остановить авантюру было некому.

Короче, этот придурок не придумал ничего лучшего, как напасть на самую младшую из этих афроэльфиек по имени Карэль и «отомстить» ей, избивая руками и ногами. Сил у него на это вполне хватило, но он забыл, что у русских тут в буквальном смысле все под контролем. Минуты через две прибежали русские головорезы из расположенной по соседству тренажерной сержантского состава штурмовой пехоты, которые оторвали Оуэна от афроэльфийки и скрутили так, что он не мог даже пошевелиться. Потом был военно-полевой суд и приговор: за нападение и избиение своего товарища пятнадцать ударов плетью и списание в пеоны.

Эти русские дикари, как и афроэльфийки, встретили приговор с молчаливым удовлетворением. К бедному Оуэну не проявили никакого снисхождения. Здоровенный белый сержант с оттягом бил обнаженного по пояс второго лейтенанта плетью по спине, так что после каждого удара на коже оставалась широкая кровавая полоса. Я, Мэри и Лорен смотрели на это, вздрагивая после каждого удара, как будто эта плеть била по нашим спинам. Оуэн наказание до конца не выдержал, и его сердце остановилось от болевого шока после двенадцатого удара. Все было кончено. За свою глупость и дурацкое мальчишество он заплатил самую высокую цену, какую только было возможно заплатить.

Уже потом я узнала – император Шефцофф, посчитал, что хорошие отношения с афроэльфийками для него важнее жизни одного провинившегося американца, и поэтому приказал наказать Оуэна даже не по русскому дисциплинарному уставу, который не предусматривают телесных наказаний, а по суровым неоримским военным законам. Думаю, что он своего добился. Карэль достаточно быстро вышла из госпиталя, другие афроэльфийки продолжили занятия с удвоенным энтузиазмом, убедившись, что они под столь же суровой защитой, что и все остальные, а Оуэн мертв и даже тело его прекратило свое существование, сожженное в

конвертере. С одной стороны, я понимаю, что с точки зрения государства император Шефцофф все сделал правильно, и Оуэн сам виноват в своем несчастье. А с другой стороны, нашего товарища уже не вернуть, и за это я императора Шефцоффа осуждаю. Когда о той истории узнал Пол, он только коротко скал «Дурак» (имея в виду Оуэна) и пояснил, что в обществе, которое без снисхождения относится к дурацким поступкам, смертельный исход для нашего приятеля рано или поздно был неминуем. Хорошо, что он еще не утащил за собой в могилу кого-нибудь еще из нас, втянув в свои авантюры.

Впрочем, для нас, остальных американцев, все еще остающихся в игре, смерть Оуэна ничего не изменила. Лорен по-прежнему бала моим борттехником, Мэри ждала нашего возвращения из вылетов в ангаре, обслуживая парковочное место, вот только вторым пилотом нам дали ту самую афроэльфийку Карэль – непонятно, то ли в качестве наказания, то ли случайно. Хотя, наверное, все же не случайно. Я уже убедилась, что у русского диктатора случайностей как таковых не бывает. Высокая и худая, Карэль на две головы выше меня, что непроизвольно заставляет задирать голову во время разговора; а еще она несравненно лучший пилот, который играючи выполняет то, что у меня требует полной концентрации внимания. Во всем, кроме роста Карэль выглядит как хрупкая четырнадцатилетняя девочка, обидеть которую может любой, и мне понятно, почему русские не проявили к Оуэну снисхождения. Он выбрал самую беззащитную жертву и за это заслужил самый суровый приговор.

Боюсь, что пройдет немного времени, и мы с Карэль поменяемся местами – она станет командиром, а я отойду на второй план, если вообще останусь в экипаже. Ведь дело не только в пилотском мастерстве, а в том, что нам, американцам, тут категорически не доверяют. И причина этого недоверия не в патологической подозрительности русских, как нам постоянно трюндели по «ящику». Причина в том, что наши политики столько раз нарушали подписанные ими же договора, предавали союзников и лгали, глядя прямо в глаза, что эти их деяния волей-неволей замарали весь американский народ. И улыбайся не улыбайся знаменитой голливудской улыбкой, ее уже никто не воспринимает в расчет. В то же время афроэльфийки по всей галактике слывут ужасными существами, мрачными, суровыми и жестокими, но если они дали клятву, то вы можете полагаться на нее как на каменный фундамент. Поэтому доверие у русских к афроэльфийкам постоянно увеличивается, а к нам остается на неизменно низком уровне или даже падает. А тут еще это подготовка к войне. Нам уже объявили, что пройдет еще несколько дней и нас, даже не закончивших

курса подготовки, бросят в огонь настоящих боев, и те, кто в них выживут, получают свои первые настоящие пилотские нашивки.

день 116-й, корабельное время 12:45, система За-о-Дешт, свободный полет Корабля,

Лиут.

И вот снова я испытываю восхитительное ощущение свободного полета, скольжение в бесконечной пустоте пространства, где звезды и планеты – это только маленькие островки в безбрежном океане тьмы. Но есть у меня от этого полета и совершенно новые ощущения. Никогда еще я не была такой резвой и поворотливой, даже тогда, когда совсем новенькой-молоденькой сошла со стапелей орбитальной верфи и была направлена на ходовые испытания. Это все мой любимый предводитель, император Железнобоких хумансов Шевцов, который вместе с установкой поворотного стационарного парализатора приказал своим техникам обслужить меня по высшему разряду. Ну, они и обслужили, модернизировав значительную часть меня компонентами частично из запасных комплектов, а частично деталями, произведенными специально для меня в автоматических мастерских «Несокрушимого». Ведь я же императорская яхта, а не какая-нибудь там грузовая баржа. Теперь я способна с легкостью обогнать любой корабль, построенный на верфях эйджел, и от этого у меня появляется кружащее голову ощущение превосходства. Ведь я быстрее их всех и им меня никогда не догнать, зато я догоню любого.

Вместе со мной наслаждение от полета воспринимает моя аватарка Ольга. Ее личность очень быстро развивается и поэтому я держусь немного отстраненно от ее разума, давая моей подруге самой получить удовольствие от ощущений космического полета. Сейчас она, приподнявшись на кончики пальцев ног, стоит у меня в рубке почти на том же самом месте, на каком раньше стояла Зейнал. Раскинув в стороны руки и прикрыв глаза, Ольга наслаждается состоянием низкой гравитации, при этом ее светлые легкие волосы разметались в воздухе пушистой короной. Все равно она у меня умница и красавица, хоть и не может ощутить всех нюансов космического полета, как их чувствую я, мягкое, но настойчивое влияние гравитационных полей, обжигающую щекотку от потоков жесткой радиации и, самое главное, знойный жар близкого светила За-о-Дешт, диск которого сейчас занимает четверть площади верхнего обзорного экрана.

– Почему же не могу, – мысленно отвечает мне Ольга, – ведь твои ощущения, Лиут, это и мои ощущения. И пусть я пока многого не понимаю, и, возможно не пойму никогда, но все равно я чувствую, что будто вышла

из тени в солнечный полдень, и мне сразу же стало так жарко, что я вспотела. Надеюсь это для нас с тобой безопасно?

– Почти безопасно, моя дорогая, – ответила я, – и об этом позаботились наши с тобой друзья. Без их помощи я бы никогда не решилась на подобную авантюру.

Вот именно, сейчас, когда я, выполняя запланированный маневр, пролетаю от звезды За-о-Дешт на минимально возможном расстоянии, практически на границе короны, ее яростное излучение пытается раскалить развернутую в ее сторону верхнюю серебристо-блестящую поверхность моего корпуса, но в основном вязнет в едва видимом туманном ореоле защитных полей. Генератор для их создания тоже был установлен мне на борт по приказу императора Шевцова, чтобы защитить меня от выстрелов орудий ближней обороны, но, как выяснилось, он довольно неплохо работает, и при маневре с пролетом в непосредственных окрестностях звезды. С излучением, которое просочилось через защитные поля, прекрасно справляется моя внутренняя жидкостная система охлаждения, переносящая тепло с солнечной горячей стороны на теневую холодную и сбрасывающая его в открытый космос через специально сконструированные радиаторы.

В любом случае эта операция необходима для того, чтобы застать врасплох оборонительные системы боевой космической станции, находящейся на геостационарной орбите рядом с За-о-Дешт-4. Жесткое излучение звезды, значительно более жаркой, чем материнская звезда Запретного мира, нарушает работу сканеров пространства и забивает помехами связные диапазоны, из-за чего там, на станции, слышат только регулярно повторяемые позывные и отрывки из моего зова с просьбами о помощи. Вы спросите – мол, а как же различные автоматические станции, например, расположенные в точках Лагранжа, которые должны бы контролировать темную зону*? Так вот, для надежного контроля пространства таких станций требуется целых три штуки (говоря земным астрономическим языком), в точках Лагранжа с номерами L3, L4 и L5**.

Примечание авторов:

** темная зона – астрономический термин, означающий ту часть неба, которая не видна из данной точки, потому что его закрывает собой центральное светило или ядро галактики.*

*** Точки Лагранжа: Точка L3 лежит на прямой, соединяющей два тела с массами M1 и M2 ($M1 > M2$), и находится за телом с большей массой. Точки L4 и L5. Если на основе линии, соединяющей оба тела системы, построить два равнобедренных треугольника, две вершины*

которых соответствуют центрам тел M1 и M2, то точки L4 и L5 будут соответствовать положению третьих вершин этих треугольников, расположенных в плоскости орбиты второго тела в 60 градусах впереди и позади него.

Меньше никак нельзя, ибо станция в точке L3 не будет иметь прямой связи с планетой и главной станцией, а станции в точках L4 и L5 будут иметь плохой обзор на темную зону из-за помех, создаваемых излучением центрального светила. Но дешевой станция с управляющим центром на основе живого мозга быть никак не может; фактически это обычная наблюдательно-боевая станция, которая должна обслуживаться небольшим кланом темных эйджел, примерно таким по численности и благосостоянию, каким был клан «Багряных листьев».

При этом для клана или даже консорциума кланов, обслуживающих центральную станцию, существует экономическое обоснование в виде перевалки грузов и пассажиров с межзвездных кораблей на планетарные шаттлы или космический лифт и обратно. Чем крупнее и богаче планета, чем больше к ней сходится транспортных маршрутов, тем лучше живут ее защитники на геостационарных станциях, которых возле особо богатых планет может быть до шести штук. Напротив, для кланов, обслуживающих малые боевые станции в точках Лагранжа, существует только плата за защиту, которая в мирное время очень невелика и поступает нерегулярно, а в случае вооруженных конфликтов такие станции в первую очередь подвергаются нападению врага, который стремится к их полному уничтожению.

Одним словом, боевые наблюдательные станции в точках Лагранжа на орбите За-о-Дешт-4 когда-то были, но давно сгнили и за их восстановление никто и не собирается браться, потому что невыгодно, и мы без зазрения совести воспользовались этим обстоятельством. Как сказал наставник в военном деле моего дорогого императора Шевцова, старый хуманс Виктор Данилович: «Тот, кто не хочет тратить ресурсы на свою собственную оборону, будет потом об этом жестоко жалеть». И вообще, Данилыч, как называет его моя дорогая Вика, это очень хороший дядька, несмотря на то, что он не глянулся как мужчина ни мне, ни Ольге. Староват он для нас, и вообще, герой не моего сердца. Я, так уж и быть, потерплю – дождусь, пока в кого-нибудь без оглядки не влюбится сама Ольга, когда окончательно повзрослеет.

Ждать осталось совсем недолго, тем более что я теперь в полной мере разделяю со своими малыми то острое удовольствие, которое они испытывают от разрешенных им интимных встреч с юными хумансами.

Эти чувства, которые испытывают мои малые, по отдельности не так остры, как те, что переживает Вика, соединяясь со своим Шевцовым, но сибх у меня много, и их переживания создают необходимый мне положительный эмоциональный фон. Добавляют огонька в эмоциональный фон и горhini, которые тоже не проводят ночи в одиночестве. Например, тот же Данилыч, как я знаю, достаточно регулярно встречается с самкой по имени Малинэ и у них скоро родится детеныш.

Ко мне лично командир нашего десантного отряда относится со смешанными чувствами – с заботой, как к слабому члену своего клана, которого требуется опекать, и в то же время с уважением, как к надежному боевому товарищу. К Ольге, отделяя ее от меня, Данилыч относится как к маленькой девочке, которая нуждается в его заботе и, прорываясь с боем к парализованному управляющему центру станции За-о-Дешт-4, он готов нести ее на собственных руках.

А вот это было бы лишним, Ольга нужна мне идущая вместе с железнобокими своими ногами и глазающая при этом по сторонам. Иначе как я смогу им подсказывать, куда идти и что делать? При прежних моих хозяевах, еще до «Багряных листьев», у меня была совсем молодая чипированная полусибха-полухуманс, по имени Зелем (умная, не чета настоящим сибхам), которая несколько раз ходила в центральную часть станции с моими поручениями; и с ее помощью я запомнила дорогу к управляющему центру. Потом, когда меня захватили «Багряные листья», Зейнал приказала убить мою любимицу и больше никогда никого из моих малых из меня не выпускала. Наверное, она боялась того, что я сообщу Совету кланов, что была захвачена вероломно, без соблюдения необходимых в этом деле формальностей.

Не знаю, жалеет Зейнал о том, что приказала убить Зелем, но смерть той моей аватарки от ее рук стала одной из многих причин, исходя из которых я и передала весь ее клан в руки железнобоких моего дорогого императора Шевцова. Так им всем и пусть, хотя и мне тоже тогда деваться особо было некуда. Вот только Шевцов и его люди оказались милосерднее Зейнал, и вообще никого не убили и даже взяли весь клан на службу, разрешив принести соответствующие клятвы, а не превратили в рабов. Что бы там ни говорили, но темных, так же как и светлых, можно подвергать процедуре чипирования с последующим полным подчинением.

Кстати, Зейнал тоже находится у меня на борту, хотя вход в рубку ей теперь строго-настрого запрещен. Дело в том, что Шевцов решил, что она может уговорить других матрон сдаться под его гарантии. Хумансы вообще редко выполняют свои клятвы, даже еще реже, чем мои соплеменницы

светлые эйджел, но Шевцов для хумансов является счастливым исключением. Мне ли об этом не знать. Итак, я доставлю всех к Станции За-о-Дешт-4, Данилыч и его железнобокие будут воевать, Ольга с моей помощью будет давать им подсказки, а Зейнал будет уговаривать других матрон сдаться на милость победителей (то есть всего нашего клана цивилизованных хумансов), и через это разделение труда каждый будет при деле.

день 118-й, корабельное время 04:15, окрестности орбитальной станции За-о-Дешт-4

План захвата станции под кодовым названием «Троянский конь», разработанный под руководством императора Шевцова на Совете Маркграфов, сработал без сучка и задоринки. Темные эйджел, сидевшие на операторских постах системы дальнего обнаружения, из-за помех, создаваемых светиллом, долго не могли опознать вынырнувший практически по краю короны корабль и слышали только его позывные и зов о помощи. Но тут такое дело – кричи не кричи, а своего крейсера на За-о-Дешт не имелось, а значит, либо преследуемый добежит до станции и укроется под ее защитой, либо не добежит, со всеми вытекающими последствиями (и такие случаи уже бывали). Вообще-то на самом деле крейсер имелся, но в настоящий момент находился в длительном плановом ремонте, а нанимать на это время боевой корабль одного из воинствующих кланов правящий консорциум не собирался. Слишком уж это дорого.

Одним словом, когда приближающаяся к станции со стороны звезды энергично тормозящая Лиут наконец была опознана, проведена по реестру, передана диспетчерам и получила добро на швартовку, лететь ей оставалось всего пару часов. Причем ее преследователь к этому моменту так и оставался неопознанным, и в какой-то момент операторы сканирующего пространство оборудования даже заподозрили его поломку – уж слишком большую массу при слишком больших ускорениях имел в своем спектре приближающийся без единого сигнала чужой корабль. В каталоге, включающем все известные эйджел корабли от начала их цивилизации и до наших дней, не было ничего похожего. Это непонимание продолжалось вплоть до самого конца, но об этом немного позже. А пока все причастные к этой несостоявшейся маленькой трагедии гадали – на каком расстоянии от станции неопознанный чужак совершит маневр уклонения, дабы не входить в сферу действия вооружения станции.

При этом им и в голову не приходило, что, возникни такая необходимость, этот корабль неизвестной конструкции, невзирая ни на какие защитные поля, смахнет их жалкую станцию с небес одним,

максимум двумя, залпами главного калибра. И хорошо, что не приходило, потому что паника, даже среди темных эйджел, вещь малоприятная. Они тоже хотят жить, хотят, чтобы жил их клан и их дети; и потому как тут не запаниковать, когда их станцию, жирную и неподвижную мишень, держит на прицеле такое вот страшилище. Но, к их счастью, император Шевцов запланировал не яркий фейерверк, а тихую и стремительную спецоперацию с минимальными потерями с обеих сторон. Поэтому в то время, когда все внимание было сосредоточено на стремительно приближающемся чужаке, сбросившая скорость Лиут беспрепятственно миновала оборонительный периметр, прошла между двумя длинными причальными выступами, пронзила пленку силового поля, препятствующего утечке в открытый космос воздуха с причалов, и утвердилась при помощи силовых швартовочных устройств на предписанном парковочном месте. Соседний, парный этому, парковочный ложемент был пуст. Первый этап скоротечной спецоперации был успешно завершён, «Троянский конь» был доставлен на место и готов к действию.

Едва процесс швартовки успешно завершился, по широкому коридору, ведущему на причал из глубины станции, показалась процессия. Впереди шла одна длинная, будто ручка от швабры, обнаженная темная эйджел, лицо которой украшало нечто напоминающее темные очки, а рядом с ней следовали две миниатюрные сибхи-служанки. Их сопровождал десяток хуман-горхских охранников в повседневной полицейской экипировке. Один из охранников был самцом-десятником весьма устрашающих габаритов, а остальные куда менее громоздкими рядовыми самками. Это встречать прибывший корабль явилась таможня станции, но это уже ничего не могло изменить, потому что в сферическом обтекателе под носовой частью Лиут пришла в движение турельная установка со стационарным парализатором из ЗИПов «Несокрушимого». Пятнадцать импульсов максимальной мощности тремя сериями веером по пять импульсов – один веер выше линии гравитационной нормали, второй на уровне и третий ниже. Уже после восьмого импульса яркий свет на причале погас, сменившись тусклым красным дежурным освещением, что говорило о том, что мозг станции находится в отключке. Однако Лиут все равно достреляла все серии до конца. Еще раньше бездыханными безвольными куклами повалились на пластиковое покрытие палубы таможенница-эйджел и ее сопровождающие. Для них, попавших сразу под несколько прямых импульсов высокой интенсивности, доза парализующего излучения в несколько раз превысила смертельную. С начала второй фазы операции прошло всего каких-то десять секунд, а противник уже получил тяжелый

удар, от которого он уже, скорее всего, не сможет оправиться.

тогда же, орбитальная станция За-о-Дешт-4

командующий десантно-штурмовым корпусом, генерал-майор Императорской Гвардии Виктор Данилович Седов (47 лет)

Едва Лиут дала сигнал, что ее дело сделано, и управляющий центр станции парализован, все сразу и завертелось. Первая ветеранская рота участвующего в деле штурмового батальона выгружалась через люк для команды в носовой части и тут же занимала позиции на причале. Вторая, третья и четвертая роты, в которых ветераны занимали только сержантские и офицерские должности, покидали Корабль через широкие грузовые ворота в корме. Мы с Ольгой и Зейнал, одетыми в легкую защитную экипировку, оснащенную только генератором защитного поля, покинули борт Лиут вместе со вторым взводом первой роты, и тут же полной грудью вдохнули соленый воздух аврала. Топот сотен ног, обутых в бронированные ботинки, шорох и лязг лат, команды сержантов, бело-голубые лучи-шпаги наשלменных фонарей, мечущиеся в багровой полутьме местного дежурного освещения. Но, несмотря на внешнюю хаотичность, все делалось четко и осмысленно, без всяких признаков ненужного мандража. К тому времени, как мы появились на причале, первый взвод уже установил за ним контроль, а также проверил на наличие признаков жизни безвольно валяющийся на палубе комитет по встрече.

Темная эйджел – старая высохшая карга с пышной гривой седых волос и обвисшими как два мешочка сморщенными грудями, а также обе ее сибхи-служанки были мертвы, мертвее не бывает.

– Шибеста... – прошипела Зейнал, и взгляд ее, который она бросила на соплеменницу, был похож на плевок, – глаза бы мои тебя не видели! Наконец-то ты ушла в Великое Ничто, старая мерзкая сволочь!

Видимо, у Зейнал с таможеней имелись значительные трения, раз уж она прилюдно выразила таможеннице свою личную неприязнь. В противоположность Шибесте и ее служанкам, у хуман-горхских охранников имелось дыхание, грудь чуть заметно вздымалась, а на шейных жилках прощупывался сильно замедленный пульс. Вот живучие твари, даже выпущенный в упор импульс стационарного парализатора (и не один) их не берет. То есть берет, но не насмерть. Но отдать приказ пристрелить недобитков, даже самца, рука у меня не поднялась. Ведь если Лиут и Кандид правы, то очнутся они ничего не понимающими и абсолютно беспомощными, как трехлетние дети, каковыми они и являются по уровню развития своей психики, а русские солдаты с детьми не воюют, даже если у тех габариты как у Змея Горыныча.

Единственное, что я приказал сделать, это связать парализованным за спиной руки в запястьях кевларовым шнуром, причем у самца из-за совсем уже безобразно перекачанного плечевого пояса запястья едва-едва удалось свести вместе. Охренеть, какой громила. Если такой начнет буйствовать, то его только пристрелить, и не иначе. Подчиненные ему девицы вблизи выглядели покомпактнее и посимпатичнее, но все равно нагромождения мышц впечатляли. В полной выкладке такая бойцыца сможет нести вдвое, а то и втрое больше груза, чем обычный боец штурмовой пехоты. Да только вот как у них с выносливостью и дыхалкой? Не начнут падать от изнеможения, пробежав в этой самой полной экипировке километр по пересеченной местности?

Закончив со связыванием пленных (и дождавшись полной выгрузки батальона), я оставил четвертую роту охранять причал и ближние подступы к Лиут, а сам вместе с основными силами, в сопровождении Ольги и Зейнал, выдвинулся вглубь захватываемой станции. Сначала коридор был почти пустой. По пути нам попала еще парочка парализованных эйджел, и одна из них, обнаженная, но со светло-серой кожей* и в ошейнике подчинения**, была парализована не насмерть и еще дышала. Лиут-Ольга и Зейнал чуть ли не в один голос сказали, что на ошейнике стоит метка принадлежности к персоналу станции.

Примечание авторов:

* – темно-светлый гибрид эйджел – как правило, инженерно-технический персонал.

** – эйджел всех видов, даже если они находятся в рабстве, чипировать не всегда рационально, поэтому в случае необходимости используют индукционный ошейник подчинения, способный в случае нелояльности причинить своему носителю ужасную боль.

Потом радиальный коридор, по которому мы продвигались внутрь станции, пересекся с широким кольцевым «бульваром», в котором парализованных, слегка оглушенных и совсем не пострадавших обитателей станции было пруд пруди. Но сопротивления нам никто не оказывал, потому что немногочисленные эйджел и многочисленные сибхи (те, которые оставались на ногах), едва завидев нас, постарались удалиться подальше. Штатные охранницы или валялись в парализационной отключке, или, беспомощные, бесцельно ползали на четвереньках туда-сюда, мекая и пуская слюни, а единственные более-менее боеспособные персонажи, которых Зейнал опознала как хуманских наемников светлого клана «Дикого ветра», занимались тем, что, задрав свои килты, насиловали беспомощных охранниц, в силу своего болезненного состояния не способных оказать им

даже видимость сопротивления. На нас эти кадры на первых порах и вовсе не обратили никакого внимания – подумаешь, еще один отряд наемников.

Но здесь им было не тут, и наши ребята пинками бронированных ботинок и выстрелами из ручных парализаторов принялись наводить порядок, объясняя франконским подонкам, что насиловать женщин нехорошо, в каком бы беспомощном состоянии они ни находились. Оставив второй и третий взвода третьей роты контролировать пересечение коридоров, я с основными силами двинулся дальше по радиальному коридору к центру станции. Тут местных обитателей, попавших под серию импульсов стационарного парализатора, было гораздо больше, и то и дело приходилось переступать через безвольно валяющиеся тела, а в одном месте несколько могучих горхинь и две серых эйджел в ошейниках принуждения устроили даже небольшую живую баррикаду. Но, по счастью, космическая станция, даже очень большая – это отнюдь не город, а, напротив компактное сооружение размером с очень большой, но все же отдельно взятый небоскреб, правда, почти шаровидной формы. Поэтому сразу после живой баррикады, на разбор которой потребовалось несколько минут, был еще один кольцевой коридор с ясно видимой кривизной, по счастью, почти пустой – в нем не наблюдалось никого, кроме нескольких беспомощных охранниц. А сразу за этим коридором обнаружилась чуть приоткрытая, массивная бронированная дверь в полметра толщиной, за которой и находился искомый нами управляющий центр со сферой обеспечения Мозга Станции. Навалившись на эту створку изо всех механических сил экзоскелета, первые из моих бойцов-ветеранов проникают внутрь. Вот тебе, бабушка, и Юрьев день, то есть штурм станции. Все было сделано так стремительно, что нам никто даже и не попытался помешать.

**тогда же, орбитальная станция За-о-Дешт-4,
Бакалавр* Маркус де Шак (27 лет) воин наемной банды** барона
де Турневиля**

Историческая справка:

** Бакалавр – в средние века безземельный рыцарь, не имеющий права на командование отрядом. Рыцарь, имевший такое право, назывался баннеретом.*

*** Банда (греч. βάνδον) – была основной военной единицей Византийской Империи. Родоначальником понятия стало латинское слово «bandum» (знамя). В византийской армии IX—XI столетий, банда являлась основной боевой единицей. Каждой бандой командовал комит. В пехотной банде состояло от 200 до 400 воинов, в конной – от 50 до 100 всадников.*

Вы спросите, как я влип в такую передрагу? Да очень просто! Там, дома, в Великой Нормандии, которую еще называют страной вечных дождей, служил я в ближней охране короля Ива шестнадцатого, проживавшего вместе со всем семейством в замке Кан, расположенном на высоком белокаменном холме с обтесанными склонами. Красивейшее, я вам скажу, место, особенно во время нечастых там прояснений вечно серого неба. К тому же, несмотря на постоянные дожди, в замке на холме всегда было сухо и уютно, особенно если король прикажет пожарче разжечь в Главной Зале Большой Камин и раздать всем своим воинам по большой кружке горячего грога со специями.

Но если бы дело было только в короле, то служил бы я этому Иву шестнадцатому и дальше, не зная забот. Король как король. Возраст – под пятьдесят, борода седая, корона золотая, голос скрипучий, характер скупой и сварливый, как у старой кухарки. Но куда еще деваться младшему сыну рыцаря, не наследующему отцовский майорат, а также место в графской или королевской дружине. Спасибо папеньке, который поднес донатий королевскому нотарию, чтобы меня приняли в эту самую внутреннюю охрану, иначе места можно было бы ждать до седых волос. Там у нас, в ближней охране, все были такие неприкаянные – младшие сыновья рыцарей и даже баронов, без единого шанса получить собственный фео́д.

Нет, таковой шанс у младшего сына рыцаря все-таки имелся, но для этого надо было либо отличиться на войне (да так, чтобы это увидел сам король), либо жениться на некрасивой старой деве, наследующей фео́д, при условии, что у его нынешнего владельца отсутствуют сыновья. Фео́ды, которые наследуются молодыми красивыми девушками, разбирают в первую очередь и без нас, убогих. У баронов и графов тоже есть младшие сыновья, которых требуется куда-то пристроить. В любом случае шансов получить свой фео́д лично у меня были даже меньше, чем никаких. Во-первых – потому что Великая Нормандия не воевала уже больше двухсот лет и не собиралась делать этого в дальнейшем, ибо того не желали Небесные Господа. Во-вторых – под рукой у короля Ива шестнадцатого не было вообще никаких наследниц выморочных фео́дов, даже самых старых и некрасивых.

Зато у него было трое сыновей и шестеро дочерей. И если с дочками у Его Величества особых проблем не предвиделось, то вот сыновей надо было пристраивать... Обычно в таких случаях Его Величество старается освободить одно или два графства – не у всех же графов бывают сыновья, и не все сыновья доживают до того возраста, когда они могут унаследовать владения своего отца. Вот и получают свадьбы, где жениху-принцу уже

под тридцать, а юная наследница графского титула едва-едва научилась ходить и лепетать первые слова. И не говорите, что это извращение, запрещенное святыми отцами. Такие браки заключаются не для постели (по крайней мере, до тех пор, пока юная супруга не подрастет), а для обустройства младших королевских отпрысков.

Но в данном случае у короля Ива шестнадцатого получалось освободить для сыновей только один графский титул, а становиться бароном самый младший, принц Жерар, не пожелал, а пожелал вместе с собственной наемной дружиной, то есть бандой, отправиться служить Небесным Господам. Говорили, что жизнь там так хороша, что еще никто не пожелал вернуться назад. И вот тут у меня вышла такая накладочка... короче, прошел слухок про мои шашни с Илер, четвертой дочкой короля. А я сам во всем этом был ни сном, ни духом, эта дурочка сама в меня втюрилась, когда я стоял на часах у их девчачьей спальни – и давай приставать. Ну, красавчик я был тогда, что поделать – глаза голубые, волосы золотые, кудри волнистые, бородка шелковая, а сам высокий, статный да плечистый, за словом в карман не лезущий. Но дальше служанок или там королевниных фрейлин мои мечты не простирались. А тут принцесса, королевская дочка – дура дурой, но с апломбом... Влюбилась она, понимаешь – а мне из-за этого на плаху идти, что ли? Долго ли коротко ли, я от нее, а она за мной, но прознал про этот афронт и сам батюшка король Ив шестнадцатый. Хорошо хоть в правильном ключе прознал, без всяких злых кривотолков, а то бы не сносить мне головы. Осерчал, конечно, но больше на свою дочку, а не на меня. Но все равно, говорит, Маркус, должен ты из этой жизни исчезнуть, а то знаю я вас, кобелей, рано или поздно моя Илерка своего добьется, и ты ее обрехатишь. Так что выбирай – или на плаху, топором по шее, или к моему самому младшему сыночку в наемную банду, служить Небесным Господам. Считаю до трех: раз, два, три...

Конечно, я сделал правильный выбор – на плаху на моем месте, думаю, не захотел бы никто. В банду так в банду. Тем более что комитом при неопытном принце Жераре был назначен старый вояка барон де Турневиль. То ли он убил на дуэли кого-то не того, то ли, наоборот, как раз того, кого надо – но так уж получилось, что батюшка-король поручил его заботам своего непутевого младшего сыночка. И не зря. Из принца Жерара командующий, надо сказать, как из дерьма панцирь, а вот барон де Турневиль – это комит что надо, строгий, но справедливый и заботливый. После того как наша банда прошла первоначальное обучение, она поступила на службу к пресветлым господам из клана «Дикого ветра».

Темные господа – те обычно наемников не нанимают, обходятся бойцами, точнее бойцыщами, собственной выучки. Там такие страхолюдины служат, не приведи Господь – каждая боевая бабища вдвое здоровее нормального франконского воина. Бицепсы – как мое бедро, кулаки – как у меня голова, а про груди я и вообще молчу – огромные, как даже не знаю что. Вроде бы они и страшные, но при этом дико привлекательные, так что любой из нас за ночь с такой был готов отдать свою месячную плату, чтобы, значит, только попробовать.

И ведь что характерно – нашему брату эти бабы не дают ни за какие деньги, ни при каких обстоятельствах, никогда и нигде, к какому бы клану они ни принадлежали. И заставить их никак невозможно, даже самых молодых, потому что пресс у них такой, что об него кулак отбить можно, как об каменную стену. А у нас, как назло, не было никакого бабского обеспечения. Главная госпожа клана, по-ихнему матрона, по имени Деказ была против. Сказала, чтобы мы ни в коем случае не тащили наших грязных хумансовских самок в их чистое родовое гнездилище. Для мужских удовольствий нам были предложены малышки-сибхи, но тут не каждый сумел приспособиться, уж больно они оказались мелки. У меня, например, никак не получалось, я потом даже бросил и пытаться. Не лезет и все, только деньги на ветер кидаешь.

Хотя злые языки у нас поговаривали, что небесная госпожа Деказ регулярно вызывала к себе барона де Турневиля – якобы для обсуждения вопросов защиты клана, а на самом деле для своего собственного удовлетворения бабской плоти. Одним словом, хотя бы в женском вопросе у нас получалось как у всех, когда начальство сыто, а солдаты голодны. А как известно, сытый голодного не понимает. И так наша служба шла примерно пять лет. В войнах наш клан не участвовал, набегов на центральное поместье, которое мы охраняли, тоже не было, и можно сказать, что все мы преизрядно расслабились. Оружие небесных господ, которым нас научили действовать, за все это время так ни разу и не было применено по настоящему врагу из-за отсутствия такового. И вот как раз в этот решающий момент госпожа Деказ решила отправиться в поездку на другой небесный мир и взяла с собой половину нашей банды в качестве личной охраны.

Разумеется, в этой поездке нами командовал барон де Турневиль, и как только мы прибыли на висящий в небе замок, они вместе с госпожой Деказ уединились в ее каюте для совещания. Тем временем мы все, оставив тяжелое оружие под охраной караульной турмы, пошли погулять по небесному замку в поисках дешевых лавочек со всякой всячиной и еще

«веселых домов» с нормальными бабами, а не с той мелочью, которую нам подсовывала пресветлая небесная госпожа Деказ. Дешевые лавочки мы, конечно, нашли, а вот нормальных «веселых домов» в небесном замке не было, как мы их ни искали. И вообще никаких «веселых домов» там не было – наверное, потому, что этот замок и так был населен почти исключительно пресветлыми и претемными небесными господами, их мелкими и крупными служанками, а также теми самыми здоровенными бойцами, составлявшими замковый гарнизон. Вот с этими бой-бабами, тоже гуляющими в легком вооружении без всякой цели, мы и зацепились языками, когда искали «веселый дом».

По счастью, с ними не было их мужиков-деканов (десятников), а то бы нам совсем нечего было бы там ловить. Это такие горы мышц, что если не применять по ним оружия, они любого нашего прибьют одним щелбаном, а если применять, то нас уже предупредили, что они крайне живучие, так просто их не убить. Ну не было, так не было, нам же лучше; стоим базарим с этими бабами, предлагая им пройти и перепихнуться, они нас посылают, а у меня уже, например, от их близости образовался твердокаменный стояк, мешающий нормально ходить. Ну что ты сделаешь, скажу я вам – и не туда и не сюда! А эти сучки еще пуще над нами издеваются и предлагают, раз уж мы такие возбужденные, использовать для самоудовлетворения друг друга. А они нам, мол, помогут, будут держать тех, кто не захочет, чтобы об него удовлетворялись его товарищи.

И вот как раз в этот момент – «хлоп!» – и повсюду раздаются крики паники, а в коридоре гаснет общий свет, сменяясь тускло-красным призрачным сиянием, в котором едва можно разглядеть собственные руки и ноги. Как оказалось, небесные господа всех видов умеют паниковать ничуть не хуже обыкновенных баб. Едва наши глаза привыкли к этой багровой полутьме, как стало видно, что наши недавние дерзкие собеседницы теперь либо беспомощно ползают по полу, как годовалые дети, либо лежат без чувств в различных позах. Мы понимали, что происходит нечто неординарное, но даже не представляли себе, что именно случилось и что в этом случае мы должны делать. И в этот момент принц Жерар, которому не меньше нашего тоже хотелось отведать нормальную, а не миниатюрную бабу, накинулся на свою недавнюю собеседницу, стоявшую на четвереньках и беспомощно мотающую головой, и оскорбил ее действием, задрал юбку на уши и обнажив интимные отверстия.

– Е... их парни, пока не очнулись, – выкрикнул он, оседлав бой-бабу, и все мы последовали его примеру, думая только о том, что если эти под нами сейчас очнутся, то всем нам придет хана.

Но так уж получилось, что хана к нам пришла совсем с другой стороны. Сначала мы посчитали этих солдат еще одним отрядом наемников, который пришел отобрать нашу добычу, и жестоко поплатились за это предположение и оказанное из-за него сопротивление, потому что имперские солдаты были в полном снаряжении, а мы нет. Били нас сильно и в то же время аккуратно, так что всем было очень больно, но никто не стал калек. При этом мы даже не поняли – за что нас били? Ведь ситуация была вполне естественной, и нам как можно скорее в обязательном порядке требовалось удовлетворить естественные нужды наших организмов.

день 118-й, корабельное время 08:15, «Несокрушимый», рубка управления.

Владимир Владимирович Шевцов, полноправный, но еще не коронованный Е.И.В.

Операция «Троянский конь», можно сказать, успешно завершена. Мозг станции парализован и пока не приходит в себя, но управление охраной и обороной станции от него уже отрезано, как и доступ к системам связи. Все, чем сможет заняться старая эйджел, когда оклемается, так это системы канализации, электроснабжения и воздухообмена. «Несокрушимый» завис своим носом поблизости от причального устройства и выпустил переходную трубу-гофр, которая прошила сдерживающее воздушное поле и аккуратно достигла причальной площадки. Еще когда этот громила конструировался там, в своей версии реальности, его проектировщики уже знали, что для такого огромного корабля в Империи и за ее пределами не найдется ни одного подходящего причала и позаботились о том, чтобы он мог швартоваться где угодно и в каких угодно обстоятельствах.

Сразу после этой операции Лиут покинула причал, у которого она была ошвартована и заняла свое законное место под брюхом «Несокрушимого». Так, под защитой «большого парня», ей уютнее. И вот теперь, когда наш линкор уже ошвартован возле станции, мы имеем возможность перебрасывать на нее подкрепления и эвакуировать к себе пленных и раненых. Но подкреплений Данилычу не требуется, справился своими силами, раненых в этой операции у нас просто нет, настолько стремительно и аккуратно была проведена операция захвата, а что касается пленных, то я не думаю, что нам стоит забивать сдавшимися эйджел корабельную тюрьму. Слишком уж их много на этой станции и решать проблему требуется прямо на месте.

Единственные, о ком стоит позаботиться отдельно, так это о беспомощных, несмотря на весь свой угрожающий вид, горхо-хуманских

гибридных охранницах и охранниках станции. А там, на станции, помимо действующего состава, есть еще специальный питомник, в котором выращивается пополнение для этого контингента. Там и специально подобранные матери-горхини, осеменять которых приглашают лучших хуманских наемников, там и молодняк – от младенцев до подростков уже проходящих обучение. Причем чипируют этот молодняк в самом раннем возрасте. Я думаю, что Данилыч в принципе прав – если нам удастся реморализовать и поставить в строй этих бой-девиц, то они нам еще пригодятся. Не надо будет нанимать то дерьмо с Франконии, которое тут называют хумансовскими наемниками. Но об этом позже, когда я собственными глазами посмотрю на этих мерзавцев, вздумавших насиловать беззащитных женщин. Сейчас первое мое побуждение – это приказать немедленно оскотить этих гадов и послать их на пока отсутствующие у меня урановые рудники.

Кроме охранниц, особого внимания требуют эйджел серой окраски, являющиеся гибридами между светлыми и темными. Серые эйджел, по крайней мере в первом поколении, имеют ярко выраженную склонность к технике, и поэтому именно ими кланы эйджел обычно комплектуют инженерно-технический персонал не только на этой станции, но и везде, где они живут. Но их не принимают в кланы ни темные, ни светлые, а поэтому они находятся на положении рабов. Настаз сказала, что было несколько случаев, когда это правило было нарушено, и что те кланы, которые приняли к себе серых, потом об этом не пожалели, потому что принесенные клятвы серые соблюдают ничуть не хуже темных.

Что же, Империя готова принять их в свою большую семью, дать им кров, стол, чувство собственного достоинства и защиту от врагов. В качестве первого шага я уже приказал поголовно снять со всех серых эйджел ошейники принуждения и доставить на станцию некоторое количество рабочих балахонов в инженерно-технической расцветке. Как говорил известных киноперсонаж: «Это не наш метод, Федя». Тем более что серые принялись активно помогать нашим техникам с «Несокрушимого», которые, чтобы избежать различных неприятных неожиданностей, в настоящий момент монтируют автономные устройства для перехвата управления системами жизнеобеспечения станции. А то мало ли что придет в голову очнувшемуся мозгу. Вдруг он начнет буянить, отключать энергию и регенерацию воздуха. Кончают же некоторые люди в отчаянных ситуациях жизнь самоубийством.

Но пока все не налажено и вопрос с мозгом не утрясен до конца, обитателям станции приходится терпеть дежурное темно-красное

освещение и несколько замедленный режим циркуляции и регенерации воздуха, из-за чего в дальних углах станции становится душновато. Но в чем-то это и к лучшему, потому что некоторые кланы темных и светлых эйджел заперлись в своих гнездах и, используя собственные охранные подразделения, продолжают пассивное сопротивление. Зейнал и Настаз, которые вместе сидят на узле связи в управляющем центре, пытаются уговорить матрон не дурить и выходить с поднятыми руками, но у них получается не очень, но и пускать в ход грубую силу и штурмовать забаррикадированные секции станции я пока не хочу. Они сдадутся сразу же, как только до матрон дойдет, что сопротивление бессмысленно и что выбор у них не между свободой и рабством, как это обычно бывает у эйджел, а между подчинением Империи и полным уничтожением их кланов.

А в остальном, прекрасная маркиза, все хорошо, все хорошо. Император и императрица готовятся ступить на завоеванную их солдатами космическую станцию. Момент торжественный. Если с Лиут в свое время все обошлось по обоюдному согласию, о чем не жалею ни мы, ни она, то станцию мы в самом прямом смысле взяли на копье и можем делать с ней все, что захотим. Лиут наш друг, союзник и имперская маркграфиня, а станция со всем ее населением – трофейная собственность. Захотим – повыкидываем всех в открытый космос и слова нам плохого никто не скажет, потому что имеем право, в том числе и по законам Кланов. Но мы так конечно, так поступать не будем, потому что это, опять же, не наш метод, да и опыт по включению горхов, сибх и эйджел обоих расцветок в нашу систему сугубо положительный.

Хотя нам еще придется поломать голову над тем, что делать с таким большим количеством профессиональных бездельников. Это в мелких кланах, подобных «Багряным листьям», каждый при деле, и даже матрона талантливый тактик, а в крупных и сильных, особенно у светлых, все не так. Работают там горхи, сибхи и киборгизированные хумансы, младшие члены клана за ними наблюдают, следя за тем, чтобы производственный процесс не сбился с давно отлаженного ритма, а основная часть эйджел, находящаяся на вершине экономической пирамиды, ведет жизнь рантье или старосветских помещиков.

Как нам уже известно от Зейнал, именно таковы три крупных темных клана, до нашего пришествия контролировавших орбитальную станцию. Младшие члены этих кланов сидели в диспетчерских и на наблюдательных постах, а старшие чисто формально руководили, стараясь не вмешиваться в механизмы, отлаженные столетия и тысячелетия назад. Ну да ладно, Бог с

ними, с темными. Для космической цивилизации темные эйджел несомненно полезны дальше некуда, потому что при профориентации тестируются как тактики, навигаторы и пилоты различной специализации от больших кораблей до одноместных истребителей. Не думаю, что в их крупных кланах дело обстоит по-иному, ведь генетика одна и та же.

Что касается светлых эйджел, в основном гнездящихся на планетах, то при профориентации они тестируются как политологи, социологи, психологи, культурологи и прочие гуманитарные ...ологи. Небольшая доля биологов и медиков не в состоянии исправить общего положения. Светлые эйджел – это тоненькая прослойка гуманитариев, конечно, необходимая в любом развитом обществе. Но, размножившись, светлые заняли в системе Кланов одну из доминирующих позиций. Там внизу, на За-о-Дешт-4, живут примерно два миллиона светлых эйджел. И из них, как я понимаю, только менее половины удастся приспособить к какому-нибудь полезному делу, согласно их профессиональному профилю. Не зря же темные эйджел ловят светлых, всегда когда это возможно, после чего используют их в качестве утроб для выращивания Кораблей и принудительного воспроизводства серых эйджел. Чисто утилитарный подход, как к малополезной вещи, достаточно близкий к тому, как если бы светлых эйджел просто пускали на колбасу.

Мы, конечно, не собираемся создавать Корабли по такой технологии, поскольку с этим африканским варварством пора кончать, да и принудительное воспроизводство у нас в империи будет категорически запрещено, как и право частной собственности на людей. Хотя я не исключаю того, что для многих светлых эйджел вынашивать и рожать будущий инженерно-технический персонал для нашей империи станет такой же привычной работой как для некоторых женщин кройка и шитье. Почему бы нам и не платить дотацию на каждого новорожденного серенького младенца, который лет через двадцать станет полезным техническим специалистом? Ну не в пеоны же списывать эту массу высоких и худосочных до прозрачности дам с гуманитарным уклоном?

Кстати, о кройке и шитье. Перед тем как мы с Викой ступим на эту станцию, Кандид настоял, чтобы мы, помимо своих императорских костюмов «черное с серебром» накинули на плечи по пурпурному императорскому плащу. Конечно, были бы неплохи короны, но они нам пока не положены, так как коронация может состояться только тогда, когда мы захватим поверхность лежащей под нами планеты и провозгласим создание Империи де-юре.. В открытом космосе и на орбитальных станциях коронация не проводится. Впрочем, мне неплохо и без короны,

думаю, что я еще успею потаскать этот гнутый кусок золота и он мне еще успеет ужасно надоесть. Почетное право накинуть на наши с Викой плечи эти церемониальные плащи предоставляется Данилычу и Ольге-Лиут. Именно их трудами была захвачена эта орбитальная станция – им и почет и уважение. Ольге (отдельно от Лиут) гражданство первого класса. Срочно требуется изобретать собственные ордена и медали, ибо люди отличились в бою, проявили мужество и героизм, их за это надо награждать, а нечем. Одним словом, неудобно. Но вот мы с Викторией встаем на одно колено, а Данилыч с Ольгой под переделанный гимн СССР накидывают на наши плечи благородный императорский пурпур. Ну что же, теперь мы готовы и можем в сопровождении маркграфов идти смотреть свою первую добычу.

тогда же, орбитальная станция За-о-Дешт-4,

Владимир Владимирович Шевцов, полноправный, но еще не коронованный Е.И.В.

На причале нашу процессию встречали с два десятка коленопреклоненных матрон капитулировавших кланов эйджел. В основном здесь, на орбитальной станции, это были темные, хотя среди них имели место и две светлых, одна из которых, подобно темным, была полностью обнажена и ужасно этого стеснялась, а другая была одета в некоторое подобие светло-сиреневого пеньюара до полу с оборочками. Что можно подумать, увидев голую светлую эйджел в публичном месте? Правильно, ничего хорошего. Но меня тут же поправили, доложив, что голая светлая эйджел – это госпожа Деказ, матрона клана «Дикого Ветра» – того самого, чьи наемники устроили массовую оргию с потерявшими сознание и разумение охранниками станции. При этом самый пикантный момент заключался в том, что госпожа Деказ в это время крайне бурно занималась тем же самым (вот извращенка) с командиром своего наемного отряда комитом бароном де Турневилем.

В таком голом виде госпожу Деказ и сняли с любовника, после чего привели сюда, не дав даже подмыться и одеться. Сам господин барон пытался заступиться за даму и оказать нашим ребятам сопротивление, но был жестоко бит руками и ногами. Правильно – вот незачем было тянуться за оружием. Пусть вообще скажет спасибо, что его за оказание сопротивления не пристрелили прямо на месте, а с завернутыми за спину руками, ускоряя при помощи пинков, также голышом, доставили к его банде в соседний ангар. Это помещение обычно использовалось как таможенный склад, а сейчас временно пустовало, что позволило нам устроить там накопительно-сортировочный лагерь для военнопленных. Да, кстати, «банда» – это не уничижительный оборот речи, а вполне

официальное название воинского подразделения численностью примерно от двух до четырех рот.

Что мне делать с матронами темных эйджел, смиренно склонивших перед победителем свои гордые выи, я знал. Зейнал, которая тоже ждала меня на причале, при подготовке к этой операции просветила меня по поводу местных Обычаев Войны. В тот раз я чисто интуитивно попал, что называется, в десятку – сперва на правах победителя объявив об роспуске ее клана, а потом предложив и ей самой, и бывшим членам ее клана вступить в свой клан, то есть получить гражданство Империи и делать карьеру на равных с моими людьми. Все, или почти все эйджел, включая рабов, являются членами какого-либо клана. Немногочисленные изгнанники из кланов или беглецы от победоносных и беспощадных победителей являются самыми несчастными существами среди эйджел; судьба их незавидна, а конец ужасен. Но, как и обещала им Зейнал, я предлагаю побежденным матронам темных свободный выбор, максимально щедрый по местным понятиям.

Как я уже говорил, вакансий для темных эйджел в Империи хоть отбавляй, поэтому мы с Викой, великолепные в своих черных одеяниях, накрытые пурпурными плащами, благосклонно выслушиваем покающиеся признания матрон в поражении. После чего, приказав им подняться на ноги, задаем один только вопрос – согласны ли они на общих основаниях без всяких привилегий стать гражданами Империи, то есть вступить в наш невероятно большой и могущественный клан цивилизованных хумансов. И, что характерно, ни одна из этих матрон не ответила нам «нет». Воистину я делал им предложение, от которого нельзя отказаться.

Положительным моментом со стороны клановой структуры эйджел было то, что все крупные и мелкие кланы темных эйджел, обитающие на станции, имеют свою специализацию и поле деятельности, что, несомненно, облегчит их интеграцию в имперские структуры. Один клан сидит в операторских центрах систем дальнего обнаружения, другой контролирует диспетчерские, регулирующие движение в ближних окрестностях станции, третий обслуживает причалы (один из кланов-совладельцев станции), еще несколько мелких кланов, которых тут было больше всего, являются экипажами застрявших на станции кораблей и планетарных челноков.

Только два крупнейших клана-совладельца станции забаррикадировались в своих гнездах и пока отказываются капитулировать. Они надеются, что обстановка изменится, когда в себя придет мозг станции и заработает управляющий центр. А вот хрен им на самую маковку. Ничего

не изменится. Мозг станции – уже чистая формальность, и в тот момент, когда старая ведьма придет в себя, она очень сильно удивится. Аппаратура, которая позволяет обходить ее команды по всем видам деятельности, включая рефлекторно управляемые системы энергоснабжения и жизнеобеспечения, уже почти полностью смонтирована в управляющем центре. И в этом неоценимую помощь нашим инженерам и техникам оказали серые эйджел, которые после снятия с них ошейников принуждения проявили просто чудеса трудового энтузиазма.

Вон их представители скромно стоят в сторонке, частью в безразмерных рабочих балахонах с «Несокрушимого», частью в своей естественной рабочей униформе, то есть голышом. Это они ждут решения своей судьбы из первых рук. Им уже объявили, что любая серая любого возраста и с любым практическим опытом получит имперское гражданство и будет принята с распростертыми объятьями, в тот самый момент, как обратится с такой просьбой. Но хумансы слышат тут не особо надежными и правдивыми созданиями, поэтому серые эйджел не до конца поверили или вообще не поверили в это сообщение. Подчиненные, чтобы получить нужное, могут наврать с три короба, а начальство-то будет не в курсе, что кому-то и что-то было обещано. Поэтому серыми эйджел мы займемся отдельно и очень тщательно. Они тут, на станции, можно сказать, самые важные персонажи. Мало того, что, в отличие от некоторых, все они высококлассные специалисты (даже те, которые только что завершили обучение), они еще наизусть знают здесь все ходы-выходы.

А пока я и Вика отпускаем темных матрон, с которыми мы уже обменялись взаимными клятвами. Пусть идут к своим бывшим кланам и объявляют им нашу волю. Правда, еще остаются стоять на коленях две светлых, но вот по нашему распоряжению к ним подходит охрана и уводит обоих по переходной трубе на «Несокрушимый». Владения их кланов лежат далеко внизу, на поверхности планеты, и их капитуляция относится уже к захвату первичных плацдармов во время планетарной операции. Но такие вопросы не решаются с кондачка и на ногах, как это было с капитуляцией темных кланов, чья территория де-факто уже захвачена. Беседовать с этими матронами следует со всей важностью в императорских апартаментах.

У клана той матроны, которая встречала нас голышом, госпожи Деказ, в собственности находится огромная территория, по площади равная небольшой европейской стране, такой, как Дании или Норвегии. Леса, луга, кусок морского побережья и устье крупной реки, которое так и просится, чтобы там поставили порт, а также сельскохозяйственные угодья, на

которых почти вручную трудятся тысячи трудолюбивых сибх и горхинь. В центральном поместье-гнезде (по местным меркам, просто огромном поселении) проживает несколько тысяч светлых эйджел и на порядок больше сибх, горхинь и даже хумансов, как наемников, так и рабов.

Владения клана второй эйджел (той, что одета в пеньюарчик) госпожи Жулез, несколько меньше по площади и находятся в другом регионе планеты, прямо посреди горной страны наподобие Швейцарских Альп. Клан «Высоких Круч» считается бедным, потому что, несмотря на всю таблицу Менделеева в недрах тех гор, добыча полезных ископаемых на обитаемых планетах запрещена, и этот клан также пробавляется производством продовольствия, но только элитного, вроде наших земных швейцарских сыров. Ничто человеческое светлым эйджел не чуждо, и их матроны тоже хотят вкусно кушать на фарфоре и золоте, а не жрать маисовую кашу из мятой алюминиевой миски. В этом их отличие от темных, у которых социальное расслоение заметно все-таки меньше. Матрона у темных ест то же, что и младшие члены клана, а на кораблях зачастую то же, что и сибхи с горхами. Именно поэтому после близкого знакомства темные мне кажутся гораздо более симпатичными, чем светлые. Кстати, тут возникают непонятные моменты по поводу Лиут. Такая милая девушка – и вдруг светлая? Или все-таки она светлая, но не совсем?

– Да, мои дорогие, – скромно отвечает на мой прямой вопрос ее аватарка, – на самом деле я серая, но я не хотела вам об этом говорить, потому что серые в обществе эйджел считаются париями. Я боялась, что если вы узнаете об этом, то будете любить меня меньше, чем любите сейчас.

– Мы, – ответил я, – всегда будем любить тебя одинаково сильно, вне зависимости от таких мелочей. Для нас с Викой ты наш семейный Корабль, любимая тетушка Лиут и одновременно имперская маркграфиня. И почет и уважение оказывается тебе не за генетически запрограммированный цвет твоей кожи, а за то, что ты совершила и то, что есть сама по себе. И ведь ты же сама об этом знаешь. Ведь правда?

– Действительно правда, – просияла лицом аватарка, – вы действительно не стали любить меня меньше, а может даже и больше. Я так рада, так рада, так рада!

Итак, закончив разговор с Ольгой-Лиут, мы все вместе, наконец, идем прямо к серым скромнягам. При нашем приближении их толпа робко отступает назад, но за их спинами – глухая переборка, и тогда серые, неотрывно глядя на нас с Викой и тихо бормоча слова, на слух чертовски похожие на молитву, одна за другой опускаются перед нами на колени.

Вика тихонько толкает меня локтем в бок и, привстав на цыпочки, шепотом говорит:

– Слышишь, Шевцов, а ведь эти серые эйджел называют тебя Спасителем. Тоже мне, Иисус Христос – суперзвезда!

– Переведи им, – говорю я Зейнал, – что теперь они свободные личности, а не чья-то собственность, и поэтому они должны встать прямо и говорить честно. Я знаю, как они помогали моим людям, и должен сказать, что Империя всегда будет рада принять их в свои объятия, как равных среди равных.

тогда же и там же.

Курсант-тактик Зейнал – бывшая матрона клана темных эйджел «Багряные листья»

Первое, что сказал Предводитель Шевцов, увидев Зейнал рядом с коленопреклоненными матронами капитулировавших кланов, были слова-похвала: «Хорошо сделано!», которые вызвали в бывшей матроне целую бурю положительных эмоций. Она на хорошем счету, ее ценят и любят, к тому же и перед своей расой ее совесть чиста, потому что этим матронам не грозит ничего, кроме формального ритуального унижения. Их способности, знания и профессиональные таланты нужны тому огромному Великому Клану, который хумансы именуют Империей, и все они получают дело по душе и по силам, которое позволит продлить их существование под невероятно могущественной защитой.

Будучи представительницей, а впоследствии и руководительницей маленького и слабого клана, Зейнал на протяжении всей жизни привыкла бояться всего во Вселенной. Любой встречный корабль мог оказаться враждебным и несущим смерть, на любой станции их могли оштрафовать, придравшись к какой-нибудь формальности, а потом арестовать, чтобы за долги продать корабль и его экипаж с торгов. И пиши потом жалобу в Совет Кланов – разумеется, если тебе позволят это сделать. Теперь же этот страх исчез. Совсем исчез. Ни один, даже самый сильный и воинственный, клан темных эйджел не посмеет напасть на Великий Клан, а если нападет, то сам окажется побежденным, как и случилось с кланами-членами консорциума космической станции на За-о-Дешт-4.

К тому же сила Империи одинаково защищает всех – вне зависимости от цвета кожи и видовой принадлежности, и в этом Зейнал уже довелось убедиться. Один из самцов хумансов неожиданно напал на ее младшую сестру по имени Карэль и нанес ей тяжкие телесные повреждения. Наверное, лекари просмотрели у него одно из не редких для этого вида скрытых психических заболеваний. Карэль очень быстро вылечили с

помощью хитрых технологий цивилизованных хумансов, а напавший на нее преступник за нападение на своего товарища был наказан настолько жестоко, что не выдержал этого наказания и умер, после чего Карэль заняла его место в экипаже шаттла. И вообще предводитель делал ставку на максимально равномерное перемешивание в экипажах и расчетах хумансов и темных эйджел, будто видел в этом залог будущего процветания своего Великого Клана-Империи.

И вот теперь он решил влить в эти команды серых, которые отродясь не имели своих кланов, а были всего лишь живым товаром и обслуживающим мыслящим инвентарем. Но Зейнал приносила Империи соответствующие клятвы, а потому наступила на горло собственной песне, не позволив себе мыслить о серых в уничижительном ключе. Ведь, в отличие от светлых гордячек, они тоже нужны Империи, а потому она должна сделать все, чтобы в рамках имперских законов и обычаев серых можно было использовать с максимальной отдачей. Сами серые восторженными глазами смотрят на Предводителя Великого Клана как на явившегося к ним во плоти Великого Духа Вселенной. Среди слов, которые они произносят, делая ритуальные жесты в сторону Предводителя, совершенно отчетливо звучит «Salvatore», что на священном языке франконцев означает «Спаситель».

Эти верования к серым эйджел занесли франконские проповедники, еще в те времена, когда тамошние служители Великого Духа, так называемые капелланы, в обязательном порядке сопровождали направляемые в Клан банды наемников. И с тех пор, как матроны ни старались вывести эту заразу, у них это не получалось. Вера в Спасителя, как тлеющая инфекция, распространилась по всем крупным орбитальным станциям, кораблям и поместьям, которые могли позволить себе содержать большие контингенты серых эйджел, а не обходиться только услугами техников-горхов. И в борьбе с этой умственной инфекцией были бессильны любые наказания, серые продолжали истово верить в Спасителя, несмотря ни на какие репрессии. Особенно жестокими в подавлении этой вроде бы невинной и безвредной придури были светлые, которые гордились своим рационализмом и отрицали даже существование Великого Духа Вселенной.

Что касается темного клана «Багряных листьев», то был слишком мал и беден, для того, чтобы приобрести хотя бы одну серую эйджел, поэтому Зейнал относилась к этой вере с легким презрением свободной личности к тем, кому суждено от рождения и до смерти носить ошейник принуждения. Но вот пришел час – и все перевернулось с ног на голову. Свирепые воины предводителя хумансов, произнося слова освобождения, срывают с серых

ошейники принуждения, а сами освобожденные тянут в благословляющем жесте руки к их Предводителю, называя его Спасителем. Тут, знаете ли, тем, кто раньше смеялся над суевериями забитых рабов, теперь становится не до смеха.

Механически переводя слова Предводителя серым и наоборот, Зейнал думала, что это только начало. Захватив эту станцию, Великий Предводитель цивилизованных хумансов в перспективе значительно увеличил свои силы. Теперь, кроме изначально преданных ему хумансов, которые сами по себе стоят немало, Великий Клан включает в себя множество иных полезных существ, самыми ценными из которых, разумеется, являются ее соплеменницы темные эйджел, а уже потом идут серые, хуман-горхские гибриды, а также чистокровные горхи и сибхи.

Конечно, на профориентацию и адаптацию новичков потребуется весьма значительное время, а боевые хуман-горхские гибриды потребуются обучать с нуля, но когда это будет сделано, позиции Великого Клана, решившего обосноваться в системе За-о-Дешт, станут в буквальном смысле этого слова неуязвимыми. Хотя, с боевым кораблем-монстром, с пророческим названием «Несокрушимый», дежурящим на орбите планеты, Великий Клан хумансов неуязвим уже сейчас. Даже если все воинствующие кланы темных эйджел соединят свои силы в союз и соберут Великий флот, то этот монстр с легкостью разметет этот флот, как говорят хумансы, клочками по закоулочкам – и это Зейнал знала, как будущий тактик. А если на боевых постах и у машин вместе с хумансами будут стоять давшие клятву темные и серые эйджел, то мощь корабля-монстра станет просто беспредельной. И она, Зейнал, будет первой, кому Предводитель Великого Клана протянул свою руку для того, чтобы пригласить ее разделить с его кланом эту беспредельную мощь. Она будет стараться и сделает все возможное, для того чтобы, как тогда сказал Предводитель, он слышал о ней только хорошее. Она обязательно сделает карьеру, поднимется по социальной лестнице и докажет, что была не только званой, но и годной к тому, чтобы стать избранной.

Именно в этот момент Зейнал ощутила, как внутри у нее подала первые признаки существования новая жизнь. Ее постельный партнер-хуманс, который как-то незаметно стал постоянным спутником ее ночей, регулярно оставлял в ней свое семя – и вот результат. Пока еще безымянное и бесполое существо (это станет ясно позднее, с момента установления эмоциональной связи) уже укоренилось внутри нее, чтобы в положенный срок появиться на свет, как метис темной эйджел и хуманса. Еще совсем недавно при одной мысли о таком Зейнал сгорела бы со стыда, а теперь она

знает, что, как только об этом станет известно, ее тут же окружают неподдельной заботой. Также она знала, что первым, кто придет к ней с изъявлением своей приязни и удовольствия, будет ее постельный партнер, который уже давно предлагал ей, как это называется у хумансов, вступить в законный брак, а она все время отказывалась, потому что по их счету годится в «восемь раз прабабки». А вот теперь, может, и не откажется, потому что у них будет общий ребенок, и вообще ей так приятно, когда этот мускулистый, как чистокровный горх, самец носит ее на руках – такую высокую и легкую, и ласково называет «мой милый чертеночек».

тогда же, орбитальная станция За-о-Дешт-4, пустой таможенный склад.

Бакалавр Маркус де Шак, бывший воин бывшей наемной банды барона де Турневиля

После того как имперские солдаты внушили к себе почтение щедро раздаваемыми пинками и затрещинами, они под угрозой оружия заставили нас снять с себя все снаряжение, включая ботинки и килты. Потом, в таком виде, голых и босых, прикрывающих срам горстями, нас погнали через всю станцию в какое-то пустое помещение, похожее на плац для маршировки. Некоторых наших, которые не хотели идти добровольно, суровые имперцы подгоняли пинками, других, которые были парализованы, несли их же товарищи. Чуть позже туда же в таком же виде пригнали и солдат той турмы, которая стояла в карауле, а вместе с ними привели голого, основательно избитого барона де Турневиля. Господи! Да мы его и узнали – то не сразу – в такую отекающую багрово-сизую маску превратилось его благородное аристократическое лицо и, кроме того, многочисленные кровоподтеки пестрели на груди, спине, предплечьях и бедрах.

Если нас «учили» не всерьез (только для того, чтобы показать, какие мы нехорошие люди) и ни у кого не было серьезных повреждений, то его избивали с полным знанием дела. Потом выяснилось, что наш комит как раз в момент захвата ублажал нашу драгоценную госпожу Деказ и был жестоко бит за то, что для ее защиты попытался схватиться за оружие. Если бы мы там, в коридоре, попробовали сопротивляться, то нас, наверное, сразу и убили бы, поэтому мы проявили благоразумие – силы-то были явно неравны. Эти имперцы такие крутые, что им служат даже небесные госпожи. Я сам видел одну темную госпожу, одетую в доспехи их типа; причем она не командовала, а подчинялась коренастому седоволосому офицеру. При взгляде со стороны опытный воин вроде меня такие вещи замечает сразу. Но мы-то знаем, что госпожи низкого ранга подчиняются только своим матронам, а те вообще никому.

Неужели и в самом деле сюда, на небеса, заявила великая сила, способная перевернуть все в пользу нас, людей, и способная сделать так, чтобы небесные госпожи бегали для нас за пивом, как какие-нибудь сибхи? Парни говорят, что с радостью поступят на службу к такому могущественному господину, если он только захочет нас взять. Ведь, как назло, в этот знаменательный день мы допустили самую большую ошибку в своей жизни, позарившись на грандиозные формы потерявших разумение бой-баб. Кто же из нас знал, что это не просто авария... И кто же знал, что имперцы готовы до полусмерти избивать таких же людей, как они, только потому, что те воспользовались слабостью дурацких мутанток. Ведь в нашем понимании – это бой-бабы, никакие не воины, а стоят даже ниже самых последних крестьянок. Но ведь поди ж ты, имперцы считают совсем наоборот и имеют на них виды, а значит, мы будем наказаны за то, что попытались удовлетворить с этими бой-бабами наши естественные надобности.

Недавно к нам вышел их офицер, седоволосый и жилистый, как и вся эта железная имперская порода, и с брезгливым выражением лица, на ломаном, но вполне понятном английском объявил, что все мы тут вместе взятые – позорные козлы и плешивые бараны, способные только расправляться с беззащитными. Поэтому за совершенное нами насилие над беспомощными женщинами мы достойны только того, чтобы быть прилюдно оскопленными, как каплуны, а потом до конца жизни гнить на каторжных работах в каких-нибудь шахтах, добывая нужные стране полезные ископаемые. Хотя он лично постарался бы выдумать для нас еще какое-нибудь максимально неприятное, длительное и страшное наказание, ибо своим поведением мы опозорили не только себя, но и весь человеческий род.

Потом этот офицер немного помолчал, подождав, пока мы прочувствуем весь ужас своего положения. Мне, например, было до жути жаль своих мужских причиндалов, хоть и последние несколько лет я ни разу не смог приметить их по прямому назначению. А уж что говорить о том, чтобы вот таким оскопленным калекой провести остаток жизни глубоко под землей, надрываясь на тяжелых работах? Да пусть лучше мне сразу отрубят голову, ведь даже крестьяне, в страду работающие на господских полях от зари до зари, по сравнению с каторжниками выглядят счастливыми. А ведь я в ту бой-бабу даже не кончил, так за что же меня так жестоко наказывать? Не виноватые мы, они сами нас вынудили! Думаю, что и остальные мои товарищи в этот момент испытывали подобные чувства.

И вот в тот момент, когда мы уже прощались с самым дорогим и ненаглядным для мужчины, тот офицер снова начал говорить. Он сказал, что, несмотря на все наше ничтожество, подлость и низость, их император Владимир Первый добр и милостив, а особенно добра и милостива их императрица Виктория. Поэтому они сами, лично, будут решать нашу судьбу. Те, кто им глянутся, сохранят свои причиндалы и получают выгодное и интересное предложение. А остальные пусть пеняют на себя...

И в этот момент молодые девки, с головы до ног затянутые в белые комбинезоны, так что у них были видны только глаза, начали вносить внутрь ведра и вкатывать эдакие столики на колесиках, на которых блестели начищенным металлом отточенные ножики и другие хирургические инструменты. А ведра, значит, нужны им для того, чтобы складывать туда уже отрезанное, не нужное их бывшим владельцам... Я видел, как побледнели мои товарищи от этого зрелища, да и у самого меня колени едва не подкосились от ужаса. В такой момент душу грела только надежда, что именно надо мной императорская чета смилуется и сделает мне то самое интересное предложение, от которого я, естественно, не откажусь. Ведь смилостивился же надо мной, бедным, король Ив Шестнадцатый, который сам по себе ни разу не добр, не милостив, а императорская чета и добра и милостива, а особенно добра и милостива их императрица Виктория, что на священном языке латыни означает «Победа». Я упаду в ноги к этой доброй госпоже и взмолюсь о прощении и искуплении – и оно обязательно будет мне даровано.

Мой внутренний взор рисовал мне императора Владимира как какое-то подобие короля Ивьена, – то есть седая борода, золотая корона, золотом же расшитый камзол, на пальцах множество перстней с драгоценными камнями, и так далее. В то же время милостивую императрицу Викторину я представлял себе как дородную бабищу с тремя подбородками, в расшитом серебряной канителью пышном платье из багровой, как запекшаяся кровь, тафты. Реальность оказалась совсем иной, я бы даже сказал, шокирующей. В ближнем коридоре раздался шум множества ног, говорящий о том, что в нашу сторону идет большое количество людей. При этом охранники, стоявшие вокруг, нацелили на нас свое оружие, и даже девки в белых балахонах вытянулись по стойке смирно, что означало, что грядет какое большое начальство. Напротив, все наши вытянули шеи, словно гуси, торопясь увидеть того, кто перевернул нашу жизнь с ног на голову.

Вот прошло еще несколько мгновений – и мы увидели императора с императрицей в окружении вооруженной охраны и, очевидно, самой ближней свиты. Ничего общего с моими заочными представлениями в них

не было. Император казался совсем молодым – моего возраста или чуть моложе, но лицо у него было таким же жестким и суровым, как и у всех его офицеров. Серые глаза, светлые волосы и плотно сжатые губы. Такой, пожалуй, помилует, как же! Да король Ив шестнадцатый рядом с таким монархом выглядит не иначе как записным добряком. Императрица Виктория, к моему удивлению, оказалась совсем молоденькой стройной девушкой с короткими светлыми волосами, такими же серыми, как у императора, глазами и небольшими плотно сжатыми розовыми губами. Взгляд, который она бросила в нашу сторону, был полон брезгливости и презрения, как будто перед ее взором лежала куча нечистот, а не находились живые страдающие люди, жаждущие сочувствия и милосердия.

Нет, я ничего не перепутал. Это были именно император с императрицей, потому что они оба были одеты в особые черные одежды, отделанные серебряной нитью, поверх которых были накинuty роскошные пурпурные плащи. В свите, окружавшей Их Величеств, я опять увидел давешнюю темнейшую госпожу, потом еще одну пресветлую госпожу, одну совсем молодую девку (одетую очень похоже на императорские одежды, но все-таки немного скромнее), а также нескольких офицеров, очевидно, ближайших помощников – и все. Ни тебе статс-дам, ни фрейлин, ни пажей, ни прочих придворных, похожих на гуляющих туда-сюда самовлюбленных павлинов, в свите императора Владимира и императрицы Виктории не было. Суровая, до зубов вооруженная простота – и ничего более.

Несмотря на суровый облик императора с императрицей, я вместе с остальными своими товарищами рухнул перед ними на колени и, вытянув вперед руки, на священном языке взмолился о прощении и милосердии.

– Вы просите о милосердии? – на том же языке удивленно спросила нас императрица (причем говорила она на нем значительно лучше, чем наши клирики). – А вы сами проявили это милосердие к тем, кто был в тот момент слаб и не имел разума, чтобы отразить ваши нечистые поползновения? Нет, вы думали только о том, чтобы удовлетворить обуявшую вас похоть! По подвигу вам выйдет и награда, и вы получите ровно столько же милосердия, сколько проявили сами.

Императрица выглядела настолько разгневанной, что все мы отшатнулись от нее в ужасе, поняв, что эта юная девушка может быть беспощаднее любого мужчины.

– Одним словом, – резко сказал император на своем испорченном английском, – вы до сих пор живы, а значит, милосердие к вам уже проявлено! Остальное вам потребуется отработать или отслужить. Перед вами стоит прямой и свободный выбор. Или вы прямо здесь записываетесь в

штрафной батальон, погибнуть в котором будет значительно проще, чем выжить, потому что ему будут поручаться самые опасные дела, или с вами поступят без всякой жалости – то есть оскоят и бросят в шахту. Третьего не дано. И не надейтесь, что, записавшись в штрафники, вы сумеете дезертировать, проявить трусость или предать. Такие поползновения будут немедленно пресекаться вживленным вам в организм специальным микрочипом. Если же вы опять совершите уголовное преступление, то чип поможет вас быстро найти и покарать. Те, кто хочет записаться в штрафной батальон, идут направо, где нотариус оформит ваши контракты, а санитар вживит микрочип. А те, кто не хочет, идут налево, где их быстро и безболезненно лишат того, что толкнуло их на преступления, и подготовят к отправке на шахты. На этом все!

Ну конечно же, мы все выбрали жизнь с большим риском погибнуть (а чего в этом удивительного), предпочтя ее жизни евнуха-каторжника... Нет уж. Вместо этого мы с резвостью зайцев, ускользнувших из расставленной ловушки, просто поскакали в ту сторону, в какую указала добрая императрица Виктория.

**день 118-й, корабельное время 14:25, «Несокрушимый»
, императорский салон.**

Владимир Владимирович Шевцов, полноправный, но еще не коронованный Е.И.В.

К моменту появления светлых матрон в императорском салоне, где обычно заседал Совет Графов, была создана соответствующая мизансцена, примерно соответствующая той обстановке, какая была в тот день, когда мы принимали в имперское гражданство Зейнал. Кстати, сама бывшая матрона – длинная, как каланча и темная, как сама ночь – стоит прямо за моим креслом и вполне по-человечески лыбится во все тридцать шесть зубов. Эта привычка появилась у нее совсем недавно, что говорит о том, что общение с нами никому не проходит даром. А именно сейчас она лыбится по той причине, что буквально недавно пришло сообщение, что последние два клана темных эйджел, до самого конца проявлявших упрямство и отказывавшихся капитулировать, все же выкинули белый флаг, и их почтенные матроны готовы прийти сюда и на коленях признать свое положение, со всеми вытекающими отсюда последствиями. Этот факт означает, что мы завершили процесс захвата станции с нулевыми потерями для себя и ничтожно малыми для ее гарнизона и населения. Последнее важно потому, что я уже априори считаю всех этих темных и светлых эйджел, горхов, сибхов, хумансов и все их производные гражданами и подданными своей империи, и каждая их потеря – это и моя потеря тоже.

Кстати, перед началом этого заседания я поинтересовался у нашего штатного главного политсоциолога светлой эйджел Настаз, почему ни одна матрона какого-нибудь из сильных кланов не пошла по моему пути и не сколотила Империю Эйджел, один за другим включая в свой клан побежденные ею кланы эйджел.

– Знаете, Ваше Величество, – немного подумав, на вполне чистом русском языке ответила Настаз, – для нас это попросту невозможно. Все наши клановые структуры основаны на прямом кровном родстве и воспринимаем мы это родство на уровне инстинкта. Включить в свой клан чужаков немыслимо, поэтому побежденные кланы просто вырезают или продают в рабство. Я узнавала у Лиут, что именно таким образом до последнего детеныша был вырезан клан «Звездной рыбки», который владел Кораблем Лиут до «Багряных листьев». А ведь Эскэр, матрона «Золотой Рыбки», точно так же признала свое поражение и была сразу же после этого убита, как и вся ее родня. Воссоединение возможно только для близкородственных кланов, которые совсем недавно отщепились от общего предка, и то только в том случае, если клану-победителю требуется восполнить потери в численности или у него появилось дополнительное свободное жизненное пространство. Вы, Ваше Величество, как и большинство хумансов, стоите над инстинктами и мыслите совсем по-другому. Для вас мы все одинаковы ценны и вы охотно включаете в свою империю всех подряд, заботясь только о том, сумеют ли они ужиться в структуре вашего общества или нет. Скажу честно, до этого мне еще никогда не доводилось принимать участие в операциях синтеза различных культур, тем более таких далеких друг от друга, как культуры темных и светлых эйджел, а также цивилизованных хумансов. Сказать честно, государство, даже самое примитивное, как у варваров с Франконии, до сих пор остается для нас величайшей научной тайной, а уж ваша Империя – это загадка в квадрате.

Настаз сделала паузу, задумавшись над следующими словами, а может быть, чтобы просто перевести дух.

– Более того, – продолжила она через некоторое время, – это явление не рассматривалось нашей социополитической наукой даже теоретически, ибо считалось вредным, и в то же время невозможным. Когда вы приказали мне заняться синтезом культур эйджел и вас, цивилизованных хумансов, чтобы в итоге получить единый имперский культурный код, я некоторое время была в растерянности, потому что не знала, с какой стороны братья за эту задачу. Но вдруг явились вы, и оказалось, что невозможное вполне возможно, а синтез различных культур только увеличивает силу и

устойчивость итогового социума. Пока мы еще в самом начале пути, но я уже предвижу грандиозный успех нашего начинания. Социальная ткань сообщества светлых и темных кланов эйджел очень хрупка, и прежде чем Сообщество Кланов сумеет отреагировать и хоть как-то приспособиться к вашему существованию, вы уже станете неуязвимыми. Но сразу могу сказать, что такого уровня социальной интеграции, как у вас, они не сумеют добиться никогда. Итогом всего этого будет затяжная вялотекущая война, в которой ваша Империя будет все время расширять ареал своего контроля, пока все кланы эйджел до единого – независимо от того, темные они или светлые – не окажутся ею поглощенными.

Вот, как говорится, и понимай как знаешь... А понимать это надо так, что успех нашего начинания почти неизбежен, если мы, конечно, сами ничего не запорем. А посему подойдем к вопросу беседы с матронами светлых кланов с надлежащей серьезностью. В конце концов, именно на их бывших землях мы развернем первые планетарные плацдармы Империи. Единой системы управления, а тем более обороны планеты, просто не существует. Каждый клан выступает только от своего имени и сражается сам за себя. Кроме прочего, между территориями, принадлежащими различным кланам, существуют обширные ничейные пространства, над которыми эйджел летают на грузовых и пассажирских флаерах, с презрением поглядывая вниз, на расстилающиеся под крыльями дикие пространства.

Владения клана «Дикого Ветра» обширные, с плодородными полями, пойменными лугами, густыми лесами, протекающей по ним полноводной рекой, морскими пляжами с почти гавайским прибоем и прочая, прочая, прочая; но только вот климат там близок к любимому эйджел африканскому – то есть температуры около плюс сорока при влажности примерно сто процентов. Одним словом, парная. Съездить поваляться на горячем песке пляжа и искупаться в теплом море – это пожалуйста, а вот постоянно жить там можно только в кондиционированном дворце, что несет с собой увеличенный риск простудных заболеваний.

Владения клана «Высоких Круч» считаются у эйджел почти бросовыми из-за самого натурального альпийского климата, который для них слишком холоден. Поэтому и клан у госпожи Жулез маленький и бедный, а путешествовала она не так, как госпожа Деказ (с сотней вооруженных до зубов наемников-хумансов), а всего лишь в сопровождении двух чипированных горхинь, которые ей не помогли потому, что заряд ручного парализатора на коротком расстоянии валит с ног и слона. Зато для нас, если потратиться на прокладку дорог и несколько

туннелей, окруженное высокими хребтами центральное плоскогорье с его альпийскими лугами, быстрыми горными речками и прозрачными озерами выглядит как самый настоящий земной рай.

Навскидку напрашивается система с существованием двух столиц густонаселенной финансово-экономической столицы планеты, расположенной на нынешней территории клана «Дикого Ветра», и высокогорной, относительно немногочленной политической столицы всей Империи, расположенной на нынешней территории клана «Высоких Круч» и населенной исключительно Императорской семьей вместе с людьми, особо приближенными к трону, высококлассными управленцами и обслуживающим персоналом. И все – остальным въезд исключительно по турпутевкам.

Но начинать придется именно с приморской равнины, тем более что по результатам медицинского осмотра, который в обязательном порядке прошли обе матроны эйджел, мне сообщили о том, что госпожа Деказ беременна. Тут и к гадалке не ходи, что отцом ребенка является франконский наемник барон де Турневиль. Одним словом, я тут же приказал вытащить господина барона из общей кучи и отправить его на сеанс экстренной терапии, чтобы там подправили ему хотя бы изрядно помятую кулаками «харизму». Ребята перестарались с внушением почтения, когда этот барон сдуру попытался схватиться за оружие. После терапии бывшего комита наемной банды приодели и доставили в «предбанник» императорского салона – там он в данный момент и сидел, находясь в состоянии полного обалдения и непонимания. Был у меня в адрес этого барона-наемника маленький план, минимизирующий усилия по недружественному поглощению клана «Дикого ветра», но сработает он только в том случае, если барон действительно испытывает к своей нанимательнице какие-то теплые чувства, а не просто отбывает номер в ее постели. Хотя, судя по тому, что он пытался защитить ее своим оружием, то таки действительно он испытывает к ней чувства.

Но первыми в салон допустили темных матрон Ирал и Гизал, представляющих только что капитулировавшие кланы «Огненного кулака» и «Длинного взгляда». Ирал, новенькая матрона клана «Огненного кулака», была совсем юной и ее члены еще носили признаки детской припухлости. Мать Ирал, старая матрона, не вынесла позора предстоящей капитуляции и покончила с собой, а ее младшую дочь выдвинули на этот пост только потому, что матронствовать ей в любом случае предстояло недолго, только до момента, когда она встанет передо мной на колени и произнесет ритуальные слова признания в поражении. Матрона клана «Длинного

взгляда» Гизал, напротив, была худой до костлявости седоволосой старухой, даже по меркам темных эйджел прожившей очень долгую жизнь.

После того как они обе, стоя на коленях, произнесли положенные слова, признавая свое поражение, а потом, поднявшись на ноги, поклялись в верности империи, я сказал (с переводом Зейнал) им обеим, что старым порядкам на станции пришел конец. Мозг станции, который раньше управлял всеми процессами от имени Консорциума, в положенный срок так и не вышел из коматозного состояния, и теперь станции нужен живой управляющий. Я, конечно, поставлю на эту должность своего человека из Казначейства, но ему нужен толковый заместитель, который знал бы все прежние порядки и помог бы моему человеку перевести работу на новые правила, с минимальными материальными потерями. Я отнюдь не хочу крушить все сплеча и вдребезги, и если будет такая возможность, бывшие члены добровольно капитулировавших кланов даже смогут получить материальную компенсацию за утраченные права. Говорил я это им обеим, но в основном мои слова предназначались Гизал. Ну не девчонку же, молоденькую даже по человеческим меркам, делать заместителем управляющего станции?

Но, выслушав мои слова, а потом перевод Зейнал, Гизал немного подумала и вежливо отказалась. Мол, она все равно собиралась отходить от дел, и поэтому просит Могущественнейшего оказать свое доверие кому-нибудь помоложе. А ей, Гизал, скоро пора на покой в Великое Ничто. И косит так глазами на свою соседку – которая, мол, молодая, да ранняя, и вообще неограниченный алмаз, который вполне возможно превратить в прекрасный бриллиант. М-да, заместитель управляющего станцией от темных эйджел все равно нужен, но если Гизал отказывается, то, значит, отказывается, силой на такую работу принуждать бесполезно.

С другой стороны, если эта Ирал действительно талант, то переучить ее и в дальнейшем работать с ней будет значительно легче, чем со старой и зашоренной Гизал. Как показал опыт профориентации темных эйджел клана «Багряных листьев», молодые эйджел и подростки переучивались в два-три раза быстрее, чем взрослые, а дети вращались в человеческое общество почти сразу. Зейнал, кстати, считается очень молодой матроной и ей на наш счет всего-то сто шестьдесят семь лет. Одним словом, в течение нескольких дней надо будет подобрать еще несколько кандидатов и прогнать их всех через профориентацию, и пока не принимать вообще никакого решения, потому что там дальше будет видно. А пока заниматься этими делами буквально недосуг, ведь в «предбаннике» вместе со злосчастным бароном де Турневилем решения своего вопроса уже ждут две

матроны светлых эйджел. Пора отпускать темных и начинать заниматься светлыми.

М-да, а ведь госпожа Деказ и госпожа Жулез, в отличие от темных матрон, оказавшись перед моим лицом, не торопятся вставать на колени и признавать себя побежденными. Интересно, что это – непомерно гипертрофированная гордость, давно превратившаяся в гордыню, или они еще не поняли серьезности положения, а потому не считают себя побежденными. Возможно, они думают, что я явился сюда исключительно с целью грабежа и, следовательно, речь может идти только о такой банальной вещи, как выкуп за их драгоценные персоны... И точно – госпожа Жулез заговорила первая и с апломбом нищей королевы заявила, что у ее клана нет средств на выкуп, а следовательно, я должен буду отпустить ее за просто так. При этом у госпожи Деказ, искоса поглядывающей на барона де Турневиля, на лице было такое выражение, что средства у нее есть, но она тоже ничего не даст. Не из жадности, а из принципа «ни копейки от своего богатства наглым хумансам!».

Пришлось вздохнуть и популярно объяснить, что меня не интересует выкуп (то есть абсолютно), а интересует почетная капитуляция подчиненных им кланов, так как в противном случае им будет плохо, то есть очень плохо... Это не набег – это завоевание. Мне нужна эта планета – для того, чтобы превратить ее в столичную планету моей будущей Империи, и надо пользоваться моментом, пока я добрый и хочу решить все полюбовно, потому что после бомбардировки с орбиты их гнезд договариваться мне уже не потребуется. С мертвецами не договариваются, а молча берут их добро себе. Конечно, можно проделать такое и с живыми, но это совершенно не мой случай, потому что я очень добрый и милостивый господин; даже победив, стараюсь никого не убивать насмерть, и темные эйджел на станции могут это подтвердить.

– Вы хотите нас завоевать? – ошарашено переспросила госпожа Деказ, от возмущения посерев лицом. – Но как так можно, ведь Совет Кланов такого не допускает...

Тогда я ответил, что этот же самый Совет Кланов в ходе межклановых войн вполне допускает поголовную резню всех побежденных. Быть может, госпожи Деказ и Жулез предпочтут для своих кланов именно такой исход? И ведь мне даже не надо будет бомбардировать их гнезда с орбиты, достаточно будет послать туда штурмовые группы, обеспечив прикрытие их действий при помощи бомбардировщиков и штурмовиков – тогда, быть может, даже удастся сохранить для дальнейшего использования хоть какое-то материальное имущество. И вообще мне этот Совет Кланов не указ.

Руки у него коротки предпринять хоть что-то против меня, потому что любой флот, который он сумеет собрать, мой линкор уничтожит сразу, как только он попытается приблизиться к этой планете.

– Да, именно так все и будет, – подтвердила стоящая за моей спиной Зейнал, – и это говорю вам я, темная эйджел Зейнал, бывшая матрона бывшего клана «Багряных листьев», а ныне офицер-тактик на имперском линкоре галактического класса «Несокрушимый». Могущественнейший император взял орбитальную станцию с помощью хитрости не потому, что у него не хватало огневой мощи, а потому что не хотел ненужных смертей ее обитателей. Он настроен на поглощение, а не уничтожение, и считает своей потерей любую смерть, по какую бы сторону противостояния она бы ни случилась.

Барон де Турневиль, который понимал язык эйджел, но которого никто, собственно, не спрашивал, при этом разговоре некоторое время беспокойно вертелся на попе, потом кашлянул и вставил свои «пять копеек».

– Да, дорогая, – произнес он, очевидно, обращаясь к госпоже Деказ, – мы, хумансы, действительно такие. Во имя Нашего Господа мы можем быть гуманными и милосердными к тем, кто согласен разделить нашу веру, и тут же, столкнувшись с сопротивлением и неверием, обращать в прах города и побивать миллионы неверных – и тоже во имя Нашего Господа. Ты знаешь, моя госпожа, когда их солдаты захватывали небесный замок, никто из моих людей не был убит, и даже никто не был серьезно покалечен. Нас били только для того, чтобы предотвратить дальнейшее сопротивление и обеспечить лояльность. Обозначив перед тобой темную сторону действительности, которая грозит тебе всяческими неприятностями, они тут же демонстрируют ее светлую половину, устремившись к которой, ты ничего не теряешь, а только находишь. Так что прошу тебя, моя дорогая госпожа, делай то, что говорит тебе этот человек – и тогда твои потери будут минимальны или, может быть, ты от этого даже что-нибудь выиграешь.

Я уже знал, что фрранконцы на слух воспринимали английский, называя его англиком, поэтому обратился к де Турневиллю именно на этом языке, минуя всяческих переводчиков:

– Господин барон, скажите, вы хотите стать графом? Имперским графом, я имею в виду...

– Э-э-э, – не понял де Турневиль, – а как это я стану графом, господин император, или как вас там?

– Обыкновенно, – ответил я, – принесете мне вассальную присягу как

граф, всех-то делов. Вы человек опытный, неужто не управитесь с графскими обязанностями?

– С каким графскими обязанностями? – ошеломленно спросил де Турневиль, – нет у меня никакого графства и не предвидится...

– Графство, – назидательно сказал я, – вам принесет ваша будущая жена – как мне доложили, беременная в настоящий момент вашим ребенком. Вон она – госпожа Деказ, сидит прямо напротив вас и хлопает глазами, силясь понять, о чем мы с вами сейчас беседуем. Вы на ней женитесь, получая тем самым все ее имущество, а потом приносите мне вассальную присягу. Только вот не обижайтесь, но я по праву победителя предварительно вырежу из этой земли значительный кусок под императорский домен, чтобы не строить город на вашей земле.

– И что, – спросил пока еще барон, – небесная госпожа и обыкновенный человек, по-ихнему хуманс, могут просто так пожениться?

Я пожал плечами.

– В Кланах не могут, а вот в империи могут, и еще как. Нет у нас тут ни элина, ни иудея, ни небесных господ (то есть эйджел), ни хумансов, а только граждане и подданные, которые могут жениться друг на друге безвозбранно. Вас двоих сейчас отведут в маленькую комнату, где у вас будет возможность уговорить свою жену подписать почетную капитуляцию и вместе с вами принести присягу Империи. Вы уж постарайтесь, господин будущий граф, а то может получиться нехорошо, и ваше графство рассеется дымом после бомбовых ударов...

И вы знаете, де Турневиллю удалось уговорить госпожу Деказ сделать все как надо... А возможно, все дело в том, что в этой маленькой комнатке стояла большая кровать, на которой с комфортом может вытянуться даже долговязая эйджел, и большую часть времени они беседовали в горизонтальном положении, в перерывах между любовными упражнениями. Ведь когда они лежат – и хуманс, и эйджел одного роста. И кстати, после госпожи Деказ согласие на почетную капитуляцию дала госпожа Жулез. Ее, правда, ни за кого замуж выдавать не потребовалось, потому что все земли ее бывшего клана ушли под императорский домен. Зато бывшие члены бывшего клана «Высоких круч» получили материальную ренту и этим очень довольны.

день 120-й, корабельное время 06:15, планета Новая Россия (бывшая За-о-Дешт-4), бывшие владения бывшего клана «Дикого Ветра».

Владимир Владимирович Шевцов, полноправный, но еще не коронованный Е.И.В.

Мы с Викой стоим на высоком холме, позади нас – клановое гнездо госпожи Деказ (нынче графини де Турневиль), больше похожее на невероятно разросшийся белокаменный дворец в мавританском стиле, невероятное нагромождение двух– и трехъярусных корпусов, башен, минаретов, галерей, наполовину тонущих в зелени деревьев. Там на посадочную площадку гнезда один за другим с небес опускаются на антигравах десантные транспорты «Несокрушимого» и творится бурная суэта, поскольку светлые эйджел готовятся встречать дорогих гостей.

Если посмотреть в другую сторону, то видна громада огромной реки, несущей свои темные воды к морю, чья бирюзовая гладь сверкает на горизонте. Помимо дворца, реки и моря, в округе наблюдаются леса, луга и прочие поля, на которых трудятся мелкие фигурки сибхов-пеонок. А еще тут невероятно жарко, и нас спасают только специальные кондиционированные костюмы, обдувающие тело прохладным воздухом, местное солнышко, которое и горячее, и больше нашего – жарит как проклятое.

Но все это ерунда, потому что впервые за четыре месяца мы стоим на твердой поверхности, а не на палубе корабля, и, самое главное стоим на земле, которая уже принадлежит нашей Империи. Вслед за нами, прибывшими вместе с передовым отрядом, сюда спустится весь Совет Графов, после чего здесь, на вершине холма, состоится обряд коронации, который и превратит нас с Викой в стопроцентных императора и императрицу. Я смотрю на окрестности и, как известный персонаж нашей истории, прикидываю, где будет заложен город, который мы назовем Новым Петербургом, где встанет порт, где космопорт-аэропорт, а где пройдут стремительные шоссе. Тут будет заложен даже не город, а целая Русская Галактическая Империя...

Послесловие:

Закончена первая книга из серии «Галактические войны» – император Шевцов успешно основал свою Империю, но писать дальше о том, как эта Империя будет примучивать один клан светлых эйджел за другим, банально скучно (ИМХО), и еще скучнее будет об этом читать. Поэтому первая книга положила начало Вселенной «Галактических войн», которая сама является частью Супервселенной «Закоулков Мироздания», в силу чего данная серия, скорее всего, будет состоять из отдельных книг-«вбоквелов», имеющих между собой значительные временные разрывы и связанных только общим контекстом. Поэтому для интересующихся «краткое содержание предыдущих серий» будет изложено в предисловии следующей книги, которую мы начнем писать через

некоторое время.